

ISSN 2500-3682

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ПОЗНАНИЕ
№ 2 2026 (ФЕВРАЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

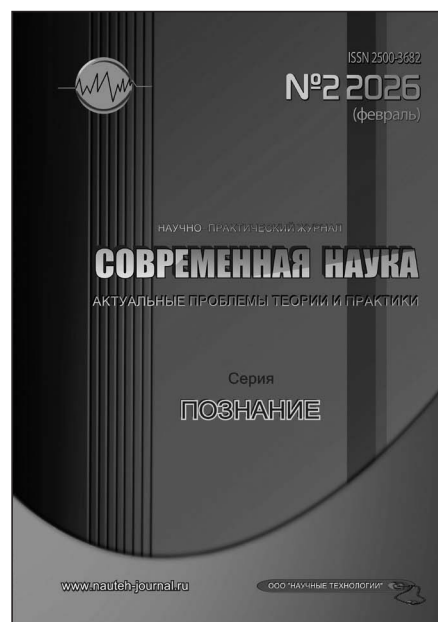
Подписано в печать 12.02.2026 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №2 (февраль) 2026 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

**КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

Культурология

Ли Ваньжун – Шаманизм и идентичность: ритуальные взаимодействия человека и высших сил в клане Ехэнара
Li Wanrong – Shamanism and identity: ritual interactions between humans and higher powers in the Ekhenar clan. 5

Черепакха Д.Г. – Трансформация традиционных танцевальных форм луганщины в условиях современной массовой культуры: от фольклорного наследия к сценическим практикам
Cherepakha D. – The transformation of traditional dance forms of the luhansk region in the context of contemporary mass culture: from folk heritage to stage practices 8

Психология

Кармацкая Г.Ю. – Снижение тревожности, депрессии и стресса после ДПДГ у женщин с функциональным бесплодием
Karmatskaya G. – Reduction of anxiety, depression and stress after EMDR in women with functional infertility. 12

Кузнецов А.Е. – Психологические характеристики дисфункциональных и деструктивных семейных отношений
Kuznetsov A. – Psychological characteristics of dysfunctional and destructive family relationships. 18

Ложникова Л.Е., Лавриненко М.Н., Акопов Н.Р., Чичиварихин С.А. – Влияние тревоги на показатели академической успеваемости студентов
Lozhnikova L., Lavrinenko M., Akopov N., Chichivarikhin S. – The impact of anxiety on student's academic performance. 23

Мисбахова А.Г. – Обновление гуманитарных технологий межкультурной коммуникации
Misbakhova A. – Updating humanitarian technologies of intercultural communication. 28

Мурашкина Е.А. – Роль межличностного общения в структуре удовлетворенности жизнью у лиц зрелого возраста

Murashkina E. – The role of interpersonal communication in the structure of life satisfaction in middle-aged adults 34

Поднебесная Е.Б. – С днем рождения, учитель
Podnebesnaya E. – Happy birthday, teacher 42

Ткаченко С.В. – Наставничество как психолого-педагогическое средство развития конкурентоспособности студентов колледжа в условиях конкурсной деятельности
Tkachenko S. – Mentorship as a psycho-pedagogical means of developing the competitiveness of college students in the context of competitive activities. 46

Шагидаева А.Б. – Копинг-стратегии как механизм психологической адаптации в старости
Shagidaeva A. – Coping strategies as a mechanism of psychological adaptation in old age. 50

Янина М.С. – Дифференциация жизненных ситуаций семьи в контексте увеличения ресурсного обеспечения родителей
Yanina M. – Differentiation of family life situations in the context of increasing parental resources. 58

Философия

Булугин А.С. – Генезис и исторические условия возникновения гиперконструктивности
Bulygin A. – Genesis and historical conditions of the emergence of hyperconstructivity. 64

Гайфутдинов Л.Р. – Пределы трансгуманистических утопий: к феноменологии времени в романе М.А. Шолохова "Тихий Дон"
Gaifutdinov L. – The limits of transhumanist utopias: on the phenomenology of time in M.A. Sholokhov's novel "Quiet flows the Don" 69

Неткачев К.И. – Кризис верификации в эпоху рекомендательных систем: от универсальной объективности к персонализированной интерпретации <i>Netkachev K.</i> – The verification crisis in the age of recommender systems: from universal objectivity to personalized interpretation.....	74
Скворцова А.В. – Теоретико-философские основы консервативного мировоззрения <i>Skvortsova A.</i> – Theoretical and philosophical foundations of a conservative worldview	79
Скопа В.А. – Социально-философское основание образования в контексте личностной самореализации и социальной динамики	

<i>Skopa V.</i> – Socio-philosophical concept of education in the context of personal self-actualization and social dynamics	83
--	----

Трифонова Г.П. – Социально-философское осмысление управления туристской территорией <i>Trifonova G.</i> – Socio-philosophical understanding of tourist territory management.....	87
--	----

Информация

Наши авторы. Our Authors.....	91
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале	92

ШАМАНИЗМ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: РИТУАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ВЫСШИХ СИЛ В КЛАНЕ ЕХЭНАРА

Ли Ваньжун

Аспирант, Филиппинский женский университет;
Хэйлуцзянский педагогический колледж для детей
раннего возраста
yana_dex@mail.ru

SHAMANISM AND IDENTITY: RITUAL INTERACTIONS BETWEEN HUMANS AND HIGHER POWERS IN THE EKHENAR CLAN

Li Wanrong

Summary: The **purpose** of this study is to examine the system of communication between people and deities within the shamanic rituals of the Yehenara clan, living in the Mudanjiang region. The **objectives** of the study include: 1) studying symbolic behavioral expressions; 2) investigating the symbolic system of ritual objects; and 3) assessing the influence of modern cultural changes on the evolution of shamanic rituals. The research **methods** are based on fieldwork and analysis of historical archives. The **results** confirm the key role of shamanic rituals in the construction and reproduction of the cultural identity of the Yehenara clan, emphasizing the importance of modern creative adaptations for the continuation of the ancient tradition.

Keywords: Ekhenara clan, shamanic rituals, communication between people and spirits, ancestral sacrifice, identity formation.

Аннотация: **Цель** исследования состоит в изучении системы общения между людьми и божествами в рамках шаманских ритуалов клана Ехэнара, проживающего в регионе Муданьцзян. **Задачи** исследования включают: 1) изучение символических поведенческих выражений; 2) исследование символической системы ритуальных предметов; 3) оценку влияния современных культурных изменений на эволюцию шаманских ритуалов. **Методы** исследования основаны на полевых исследованиях и анализе исторических архивов. Полученные **результаты** подтверждают ключевую роль шаманских ритуалов в строительстве и воспроизводстве культурной идентичности клана Ехэнара, подчеркивая важность современных творческих адаптаций для продолжения существования древней традиции.

Ключевые слова: клан Ехэнара, шаманские ритуалы, общение между людьми и духами, жертвоприношение предков, формирование идентичности.

Введение

Шаманские ритуалы клана Ехэнара сформировались в бассейне реки Муданьцзян среди природных ландшафтов, включая базальтовые плато и леса хребта Чжангуанцай. Базальтовые столбы северо-западного берега озера Цзинпо почитаются как главные святыни, где весной и осенью проводятся церемонии связи с духами. Хребет Чжангуанцай воспринимается как мировое дерево, позволяющее шаманам возносить молитвы небу [1, с. 763].

Миниатюрная модель вселенной построена с помощью символических элементов. В центре ритуальной площадки располагается центральный алтарь, увешанный фигурками богов-предков, клановыми тотемами, священными барабанами и камнями. По бокам установлены сосновые ветви, символизирующие границу между земным миром и небесным царством. Ткань, покрывающая алтарь, украшена рисунками местности, такими как озеро Цзинбо и образы сибирских тигров. Пол застилается шкурами оленей местного происхождения. Используемая вода обязательно берется из реки Муданьцзян. Члены клана принимают активное участие в подготовке алтаря и очистительных процедурах.

Основные результаты.

Шаманские ритуалы клана Ехэнара устанавливают систему поведения для общения между людьми и божествами с помощью определенных движений и выражений. Танцевальный транс шамана является основным символом тела. Фаза призыва: шаман, одетый в священные одежды, украшенные орлиными перьями и бронзовыми колокольчиками, выполняет медленные покачивающиеся движения, имитируя деревья, выражая почтительное приглашение духам. Фаза приближения: барабаны бьют в спешном ритме, а движения превращаются в тигроподобные прыжки, символизирующие скорое прибытие духов. Во время фазы божественной передачи движения внезапно становятся изящными, имитирующими парящий полет краснокоронных журавлей [2, с. 68]. В этот момент считается, что шаман одержим божеством и передает божественные оракулы с помощью жестов тела. Этот танец вводит участников в особое состояние, усиливающее ощущение единения между человеком и божеством.

Во время пения священных песен они плавно покачиваются и делают жесты, обозначающие приглашение духов и молитву о благословении. Голоса шаманов зву-

чат высоким и мелодичным пентатоничным ладом, сочетающимся с природными звуками рек и лесов. Песни содержат гимны божествам, молитвы и обращения к духам. Во время ритуалов клана Ехэнара ритмичный бой священных барабанов и поясных колокольчиков сочетается со священными песнями. Фаза призыва характеризуется стабильностью, фаза приветствия – энергией, а фаза передачи – переменной скоростью. Коллективное пение молитв («Да защитят нас духи, да процветает клан») усиливает взаимодействие и общность [3, с. 42]. Эти ритуальные элементы передаются устно и практически, служа маркером принадлежности к клану.

Основным материальным элементом шаманских ритуалов клана Ехэнара служат ритуальные предметы, соединяющие людей с божественной сущностью. Основным магическим инструментом является священный барабан. Каркас барабана изготовлен из высококачественного березового дерева мастером Чжан Гуанцайлинем, поверхность покрыта натуральной кожей муданьцзянского толстолобика, а крепящие медные гвозди олицетворяют могущество божественных сил [4, с. 28]. Для выбора материалов старый шаман отправляется в лес или к реке, чтобы помолиться о благословении. Изготовление требует выбора специальной лунной даты. Затем атрибуты проходят обряд освящения и «поднятия барабана». Камень из полированного озерного базальта Цзинбо символизирует ландшафтных богов, тотемный столб из местного камня «сосновый цветок» украшен образами тигров и орлов, а ритуальная одежда из местной ткани декорирована мотивами красной сосны, соболя, орлиными перьями и медными бубенцами, подчеркивая связь с культурой региона и духовными традициями.

Использование магических инструментов направлено на гармонизацию взаимоотношений человека и Бога. Барабан сопровождает церемонию, призывая богов звуками ударов и песен шамана. Камень и тотем создают священное пространство, защищенное камнями в углах алтаря и символом веры у входа. Одежда богов надевается тайно, ее элементы (перья, колокольчики) повышают чувствительность шамана, а звуки украшений дополняют ритм барабанов, способствуя приходу божеств [5, с. 207].

Право пользования магическим оружием строго регламентировано: шаманы и старейшины владеют основными предметами, рядовые члены используют лишь вспомогательные. Это поддерживает иерархию и идентичность внутри клана. Артефакты клана Ехэнара – древние культурные реликвии, хранящиеся поколениями. Их истории, передаваемые устно, наделяют предметы историческими смыслами и укрепляют сознание членов клана, вовлекая молодежь в сохранение традиций [6, с. 105].

Современное общество создает серьезные проблемы для традиций клана Ехэнара: урбанизация рассредоточила членов клана, молодежь теряет интерес к культуре, а угроза исчезновения маньчжурского языка затрудняет передачу песнопений и заклинаний. Однако политика защиты нематериального наследия и усилия хранителей способствуют сохранению и даже обновлению древних обычаев, придавая им новую значимость в современной культурной идентичности [7, с. 57].

В 2010 году город Нинган учредил экологический заповедник маньчжурской шаманской культуры, сделав шаманские ритуалы клана Ехэнара ключевым проектом по сохранению культурного наследия. Центр передачи шаманских традиций финансирует обучение молодого поколения искусству исполнения ритуалов, песен и мастерства изготовления сакральных предметов, обеспечивая непрерывность традиции. Современные механизмы передачи знаний значительно усилили развитие традиций. Раньше передача происходила преимущественно устно и через практику, теперь же созданы цифровые архивы, включая видеозаписи ритуалов, аудиозаписи песен и трехмерные модели ритуальных предметов. Университет Муданьцзян активно документировал традиции клана Ехэнара, формируя полный цифровой ресурс. Наряду с практической подготовкой студентов обучают теории, пониманию исторического контекста и значимости шаманских традиций, что способствует глубокому осознанию культурных ценностей.

В современном контексте шаманские ритуалы клана Ехэнара адаптировались путем интеграции основных элементов – танцев, песен и демонстрации ритуальных предметов – в сценическое искусство. Культурные мероприятия, такие как «Неделя маньчжурской культуры» и «Фестиваль нематериального культурного наследия» в городе Муданьцзян, стали платформой для выступлений молодых шаманов, исполняющих «Танец приветствия духов» и «Танец благословения». Сохраняя ключевые движения и символы традиционных танцев, участники добавляют современные хореографические приемы, повышая зрелищность выступлений. Шаманские ритуалы Ехэнара сохранились, выполняя функции поклонения, благословения и защиты, а также приобрели новые роли в охране природы («экологический жертвенный обряд»), поддержке психического здоровья и формировании культурной идентичности.

В Национальном лесном парке Цзинпо-Лейк шаманы проводят ритуалы поклонения духам гор и воды, совмещенные с молитвами за экологию. Для улучшения психического состояния организуются специальные церемонии, позволяющие ощутить единение с природой. Онлайн-трансляции и офлайн-встречи помогают членам клана поддерживать связь друг с другом и сохранять

культурную идентичность несмотря на географическую удаленность.

Заключение

Таким образом, шаманские ритуалы клана Ехэнара представляют уникальную культурную систему, основан-

ную на верованиях и коллективной памяти. Ритуальное пространство объединяет природные ландшафты реки Муданьцзян и традиции, укрепляя региональные корни. Символические действия и предметы передают культурную память, связывая прошлое и настоящее. Общение с божествами укрепляет духовную связь членов клана с родиной и укрепляет их идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дудин П.Н. Маньчжуро-монгольский социум на страницах региональных научных изданий первой половины XX в. // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 4. С. 761-776.
2. Ли Даньдань. Исследование особенностей генеалогии северо-восточных маньчжуров Китая // Управление образованием: теория и практика. 2022. Т. 12. № 12. С. 67-73.
3. Ли Линь. Полиэтническое население северо-восточного Китая: межкультурные взаимодействия в историческом контексте (XVII – начало XX в.): дис. канд. истор. наук. Томск, 2023. 203 с.
4. Чжоу Синьюй. Образы хунхузов в литературе Маньчжурии 20-40-х годов XX века (на материале творчества Сяо Цзюня) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 4. С. 26-35.
5. Ян Хуэй, Борисова А.А. Эржэньчуань: отражение шаманской культуры в народном искусстве северо-востока Китая // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. Вып. 1. С. 203-218.
6. 孟慧英. 中国北方民族的萨满教 [Мэн Хуйин. Шаманизм среди народов северного Китая. Пекин: Шэхуй кэсюе вэньсянь чубаньшэ, 2000. 146 с.]. (На кит. яз.).
7. 阎秋红. 萨满教与东北民间文化 // 7. 2004. 第2期. 56–59页 [Янь Цюхун. Шаманизм и северо-восточная народная культура // Маньцзу яньцзю. 2004. № 2. С. 56-59]. (На кит. яз.).

© Ли Ваньжун (yana_dex@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ТАНЦЕВАЛЬНЫХ ФОРМ ЛУГАНЩИНЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ ФОЛЬКЛОРНОГО НАСЛЕДИЯ К СЦЕНИЧЕСКИМ ПРАКТИКАМ

Черепаша Дмитрий Геннадиевич

Аспирант, Луганская государственная Академия
культуры и искусств имени Михаила Матусовского
dmmitriy@yandex.ru

THE TRANSFORMATION OF TRADITIONAL DANCE FORMS OF THE LUHANSK REGION IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY MASS CULTURE: FROM FOLK HERITAGE TO STAGE PRACTICES

D. Cherepakha

Summary: This article examines the transformation of dance forms in the Luhansk region in the context of the region's industrial development and multiethnic population, where hybrid choreographic practices were shaped by urban codes and globalization processes. The transition from folklore heritage to stage practices is analyzed through the lens of terminological ambiguity, a semiotic approach, and the concept of post-folk as an attempt to restore broken cultural ties. It examines the modernization of folk dance toward an ethno-variety style, where spectacle and theatricality supplant ritual functions, transforming authentic forms into simulacra of mass culture. The need for a cultural studies approach to systematically study the mechanisms of staging and preserving the genetic characteristics of folk choreography in the context of the loss of traditional contexts is substantiated.

Keywords: folk choreography, staging of folklore, post-folk, dance culture of the Luhansk region, ethnocultural transformation, dance semiotics, urban code.

Аннотация: Статья исследует трансформацию танцевальных форм Луганщины в контексте промышленного развития региона и полиэтнического состава населения, где гибридные хореографические практики формировались под влиянием урбанистического кода и глобализационных процессов. Анализируется переход от фольклорного наследия к сценическим практикам через призму терминологической неопределенности, семиотического подхода и концепции постфолка как попытки восстановления нарушенных культурных связей. Рассматривается модернизация народного танца в направлении этно-эстрадного стиля, где зрелищность и театрализация вытесняют обрядовую функцию, превращая аутентичные формы в симулякр массовой культуры. Обосновывается необходимость разработки культурологического подхода для систематического изучения механизмов сценизации и сохранения генетических особенностей народной хореографии в условиях утраты традиционных контекстов бытования.

Ключевые слова: народная хореография, сценизация фольклора, постфолк, танцевальная культура Луганщины, этнокультурная трансформация, семиотика танца, урбанистический код.

Введение

Луганщина представляет собой территорию, где промышленный уклад изначально задал траекторию культурного развития, радикально отличающуюся от аграрных регионов. Полиэтнический состав населения – украинцы, русские, сербы, поляки, греки, евреи – сформировал гибридные танцевальные практики, где этнокультурное сближение создало репертуарный пласт, не укладывающийся в моноэтнические схемы.

Глобализация и цифровизация создали информационное пространство, где этнические традиции отступают перед экономическим глобализмом, урбанизация минимизировала количество носителей народной культуры, профессиональные субкультуры обрабатывают танец, приспособляя его к модернизму. Терминологическая проблема усугубляется появлением понятий

«постфолк» и «фолк-модерн», валидность которых вызывает сомнения, классификация по степени удаленности от фольклорных традиций – от китча до синкретического обрядового танца – отражает сложность процессов сценизации. Переход от досценической формы к сценической с четким разделением «выступающий – зритель» сопровождается появлением внесценических форм – флешмобов, перформансов, иммерсивных спектаклей, где танец утрачивает ритуальную основу.

О.Н. Потемкина акцентирует внимание на специфике региона, где промышленный характер территории задал иную траекторию культурного развития по сравнению с аграрными зонами [7]. Полиэтнический состав – украинцы, русские, сербы, поляки, греки, евреи – привел к формированию гибридных танцевальных практик, где этнокультурное сближение народов создало особый репертуарный пласт. Донские казаки, у которых хозяй-

ственная деятельность срачивалась с военной службой, внесли в региональную хореографию мощные пластические образы, отличающиеся от крестьянских форм степенью драматизма и динамики движений. Важным оказывается тот факт, что основное население – шахтеры, металлурги, химики, машиностроители – привнесло в танцевальную культуру урбанистический код, где традиционные фольклорные элементы подвергались переосмыслению через призму индустриального быта.

Г.В. Гребенюк с коллегами констатируют, что глобализация и цифровизация создали единое информационное пространство, в котором взаимопроникновение цивилизаций достигло таких масштабов, что этнические и национальные традиции вынуждены отступать перед экономическим и цивилизационным глобализмом [2]. Урбанизация привела к серьезной минимизации количества носителей народной культуры, и традиционный танец оказался под воздействием городской субкультуры и массовой культуры, теряя позиции преобладания. Профессиональные субкультуры обрабатывают народный танец, приспособляя его к модернизму и художественно реформируя композиции с учетом современности. Сокращение творческих коллективов – этнографических, фольклорных – создает риск утраты национальной индивидуальности в танце.

Н.С. Усанова совместно с В.Ю. Никитиным обращают внимание на терминологическую проблему: отсутствие единого мнения относительно различий между характерным, народно-сценическим и фольклорным танцами создает субъективность в исследованиях. Появление новых терминов «постфолк» и «фолк-модерн» усугубляет ситуацию, поскольку их валидность вызывает сомнения [10]. Авторы предлагают классификацию по степени удаленности от фольклорных традиций: китч – наиболее удаленное существование русского танца на сцене, стилизация – прием работы хореографа с сохранением деталей оригинального стиля, характерный танец в балете, народно-сценический танец как искусственное направление и фольклорный танец синкретического обрядового характера.

С.А. Назаров совместно с Е.А. Эбингер прослеживают трансформацию танца от древнейшей формы коммуникации к виду искусства [5]. Досценическая форма включала первобытные ритуально-эмоциональные пляски, хороводы, современные коммуникативные танцы с простыми компонентами. Сценическая форма возникла при переходе от ритуального к художественному обобщению движений с четким разделением: выступающий – зритель. Внесценическая форма охватывает флешмобы, перформансы, танцевальные элементы в иммерсивных спектаклях. Танец исторически сопровождает глубокие эмоциональные переживания и тесно вплетен в праздничную культуру.

А.Г. Бурнаев анализирует сценические танцевально-игровые композиции образцового коллектива «Интеграл», где руководитель Т.И. Пониматкина (Казакова) использует локальные сюжеты народной жизни села Дракино Торбеевского района [1]. Характерные движения мордвы-шокши – «виляние» бедрами, «лягание» ногами, «бодание» руками, «ругань» пальцами с движением кистей – подвергаются сценической адаптации через выстраивание исполнителей в строгие линии, четкую смену положений, прохождение через «воротца» из платков. Металлические ведра, печные заслонки, пилы, деревянные изделия для отбеливания белья превращаются в шумовые и звенящие инструменты, замещая музыкальное сопровождение.

А.С. Полякова определяет постфолк как танцевальное направление конца XX – начала XXI века, характеризующееся намеренным включением элементов народной хореографии, коллажированием танцевальных моделей разных этносов, глубокой переработкой народного материала [6]. Кантилена хода на слегка согнутых коленях, полицентрика, полиритмия, работа с дыханием, заземленность, бытовой шаг, работа с разными уровнями, пластическое интонирование составляют технологическую основу постфолка. Коллаж, цитирование, реконструкция, импровизация, заимствование выступают основными художественными методами. Постфолк становится культурной формой восстановления связей, нарушенных в процессе культурно-исторического и геополитического развития общества.

Т.С. Сергеева изучает функциональную и стилевую специфику сценического фольклора на примере государственных фольклорных ансамблей Республики Татарстан – Государственного ансамбля фольклорной музыки Республики Татарстан и Государственного фольклорного ансамбля кряшен «Бермянчек» [8]. Модернизация песенно-танцевального фольклора в сторону зрелищного шоу по законам эстрадного искусства приводит к ориентации на этно-эстрадный стиль, определяющийся запросами зрительской аудитории. Фольклор представляется как яркое театрализованное представление с использованием видеоряда, сюжетно-программных концертов, телевизионных концертов и видеоклипов.

Х. Казакова уточняет значения терминов «фольклор», «этнография» и «традиционное искусство». Фольклор отличается от профессионального искусства отсутствием конкретного авторства, этнография изучает наиболее ранние формы материальной жизни и социальной организации народов, традиционное искусство является результатом эволюции фольклорного творчества [4]. Танец «Шербози» («Танец льва») – древний согдийский танец, исчезнувший из таджикской культуры, стал достоянием китайской культуры, что демонстрирует пути трансформации народной культуры через заимствование други-

ми народами.

И.Ю. Теняков вместе с О.В. Прокуденковой применяют семиотический подход в изучении танцевальной традиции хантов и манси. Танец рассматривается как сложная знаковая система, где жесты и движения выступают культурными кодами, костюмы – знаковыми элементами, композиция танцевальных форм, ритмы и пространственные композиции передают смыслы, встроенные в культурный контекст [9]. Имитация движений животных как «тотемные» танцы символизируют уважение и поклонение животным-покровителям. Танцы хантов и манси обретают новое значение как символ сопротивления культурной ассимиляции, превращаясь из архаичных обрядов в инструмент сохранения идентичности.

Историографический анализ научной литературы, выявляет, что научная проблематика исследования народной хореографии долгое время оказывалась на периферии. Культурологический подход остается практически не разработанным, несмотря на большое количество теоретических разработок по хореографии. Современная народная хореографическая культура не может быть сведена лишь к традиционным компонентам, народный танец давно вышел за исконные рамки своего бытия, трансформировавшись в более сложные формы без потери генетических особенностей [3]. Народный танец есть открытая система, постоянно обогащающаяся новыми видами художественного синтеза, и является результатом поликультурного взаимодействия соседствующих народов.

Выводы

Трансформация танцевальных форм Луганщины обнаруживает механизм, при котором индустриальный контекст и полиэтничность порождают гибридные практики, где фольклорное наследие подвергается переосмыслению через урбанистический код, утрачивая исход-

ную обрядовую функцию. Глобализация и урбанизация сократили численность носителей народной культуры до критического уровня, профессиональные субкультуры обрабатывают танец методами модернизма, что ведет к утрате национальной индивидуальности в танце.

Терминологическая неопределенность и классификация по степени удаленности от фольклорных традиций демонстрируют отсутствие единого понятийного аппарата, препятствующее систематическому изучению процессов сценизации. Семиотический подход позволяет зафиксировать изменения знаковых систем в условиях глобализации, когда жесты и движения утрачивают культурные коды, костюмы становятся декоративными элементами, композиция и ритмы лишаются встроенных в культурный контекст смыслов. Постфолк как танцевальное направление конца XX – начала XXI века характеризуется намеренным включением элементов народной хореографии, коллажированием танцевальных моделей разных этносов, глубокой переработкой народного материала, превращаясь в культурную форму восстановления связей, нарушенных в процессе культурно-исторического и геополитического развития общества.

Модернизация фольклора в сторону зрелищного шоу по законам эстрадного искусства приводит к ориентации на этно-эстрадный стиль, определяющийся запросами зрительской аудитории, фольклор представляется как театрализованное представление с использованием видеоряда и сюжетно-программных концертов. Историографический анализ обнаруживает, что культурологический подход остается практически не разработанным, народный танец как открытая система обогащается новыми видами художественного синтеза, сохраняя генетические особенности при утрате традиционных контекстов бытования, что создает риск превращения фольклорного наследия в симулякр, лишенный органической связи с культурной традицией региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурнаев, А.Г. сценические формы танцевальных игр мордвы-шокши / А.Г. Бурнаев // Центр и периферия. – 2023. – Т. 18, № 4. – С. 58-66. – EDN DJQTUJ.
2. Гребенюк, Г.В. Динамика развития народной танцевальной культуры в XXI веке / Г.В. Гребенюк, А.В. Палилей // Культура и искусство: поиски и открытия, Кемерово, 18–19 мая 2023 года. – Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры, 2023. – С. 194-200. – EDN ATOARH.
3. Григорьев, А.Ф. Феномен народного танца в исторической ретроспективе: историографический обзор / А.Ф. Григорьев, Т.А. Пересечная // KANT: Social Sciences & Humanities. – 2022. – № 4(12). – С. 56-64. – DOI 10.24923/2305-8757.2022-12.5. – EDN JYPMZW.
4. Казакова, Х. Общие и отличительные черты фольклора, этнографии и традиционного искусства / Х. Казакова // Вестник культуры. – 2025. – № 1(69). – С. 65-78. – EDN DDJWQU.
5. Назаров, С.А. Досценические, сценические и внесценические танцевальные формы в праздничной культуре / С.А. Назаров, Е.А. Эбингер // Культурный код. – 2021. – № 1. – С. 7-13. – DOI 10.36945/2658-3852-2021-1-7-13. – EDN ZFSMHB.
6. Полякова, А.С. Условия бытования и технологическая основа танца постфолк / А.С. Полякова // Вестник Гуманитарного университета. – 2024. – Т. 12, № 3. – С. 159-166. – DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-3.13. – EDN NDLLAR.
7. Потемкина, О.Н. Народное хореографическое искусство Луганщины: история и современность / О.Н. Потемкина // Тенденции и перспективы развития хореографического искусства на современном этапе: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции,

- Орел, 28 ноября 2021 года. — Орёл: Орловский государственный институт культуры, 2021. — С. 60-65. — EDN BOBCWF.
8. Сергеева, Т.С. Функциональная и стилевая специфика сценического фольклора (из практики государственных фольклорных ансамблей Республики Татарстан) / Т.С. Сергеева // Художественное образование и наука. — 2023. — № 4(37). — С. 182-188. — DOI 10.36871/hon.202304182. — EDN FOTYZE.
9. Теняков, И.Ю. Семиотический подход в изучении танцевальной традиции хантов и манси / И.Ю. Теняков, О.В. Прокуденкова // Развитие хореографического искусства в контексте современных социокультурных реалий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции в рамках VIII Всероссийского конкурса русского танца "Храним наследие России", Орел, 02 ноября 2024 года. — Орел: Орловский государственный институт культуры, 2024. — С. 252-255. — EDN ATYFLO.
10. Усанова, Н.С. К проблеме сохранения традиций русского танца в сценических формах хореографического искусства / Н.С. Усанова, В.Ю.Н. Никитин // Вестник славянских культур. — 2024. — № 73. — С. 273-282. — DOI 10.37816/2073-9567-2024-73-273-282. — EDN DZIVVV.

© Черепаха Дмитрий Геннадиевич (dmmitriy@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СНИЖЕНИЕ ТРЕВОЖНОСТИ, ДЕПРЕССИИ И СТРЕССА ПОСЛЕ ДПДГ У ЖЕНЩИН С ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ БЕСПЛОДИЕМ

Кармацкая Галина Юрьевна

Соискатель, ООО Онлайн Институт Психологии Smart
gsavina@yandex.ru

REDUCTION OF ANXIETY, DEPRESSION AND STRESS AFTER EMDR IN WOMEN WITH FUNCTIONAL INFERTILITY

G. Karmatskaya

Summary: The aim of the study was to evaluate the effectiveness of EMDR therapy in reducing intrapersonal conflict and emotional distress in women with functional infertility. The study included 119 women aged 25–40 years: 61 with functional infertility (experimental group) and 58 without reproductive disorders (control group). Diagnostics were conducted before and after the intervention using the FPI-R, PSS-10, PHQ-9, as well as V.E. Shipilov and B.D. Karvasarsky's methods for assessing intrapersonal conflict. Participants in the experimental group completed six individual EMDR sessions; the control group did not receive psychotherapy. After therapy, the experimental group showed a statistically significant decrease in anxiety, depression, stress, and the intrapersonal conflict index, along with an increase in self-acceptance. This suggests that EMDR is an effective component of psychological support for women with functional infertility.

Keywords: Functional infertility, EMDR, intrapersonal conflict, psychological correction.

Аннотация: Цель исследования — оценить эффективность терапии методом ДПДГ (EMDR) в снижении внутриличностного конфликта и эмоционального дистресса у женщин с функциональным бесплодием. В исследовании участвовали 119 женщин 25–40 лет: 61 — с функциональным бесплодием (экспериментальная группа) и 58 — без репродуктивных нарушений (контрольная группа). Диагностика проводилась до и после вмешательства с применением FPI-R, PSS-10, PHQ-9, а также методик В.Е. Шипилова и Б.Д. Карвасарского для оценки внутриличностного конфликта. Участницы экспериментальной группы прошли курс из 6 индивидуальных сессий ДПДГ, контрольная группа психотерапию не получала. После терапии в экспериментальной группе выявлено статистически значимое снижение тревожности, депрессии, стресса и индекса внутриличностного конфликта при росте самопринятия, что позволяет рассматривать ДПДГ как эффективный компонент психологического сопровождения женщин с функциональным бесплодием.

Ключевые слова: функциональное бесплодие, ДПДГ (EMDR), внутриличностный конфликт, психологическая коррекция.

Введение

Функциональное бесплодие сегодня рассматривается как одна из значимых проблем репродуктивной медицины и психологии. Согласно официальным сведениям, с трудностями наступления беременности сталкиваются примерно 8–12 % супружеских пар, при этом у 10–15 % женщин при обследовании не удаётся обнаружить органические причины, что даёт основания говорить о психогенной (функциональной) природе нарушений. Трудности с репродукцией нередко сопровождаются выраженным эмоциональным напряжением, усиливается дистресс, снижается самооценка, растут тревожность и депрессивные проявления, то в свою очередь, формирует замкнутый круг, поддерживающий бесплодие (Sharma A. et al., 2022).

По сведениям Минздрава РФ в 2023 году в России было учтено 254,8 тыс. женщин с диагнозом «бесплодие», причём 66,8 тыс. случаев выявлены впервые. Существенный вклад вносит высокая частота воспалительных заболеваний органов малого таза - их диагностируют у 60–65 % женщин репродуктивного возраста, и примерно у 40 % пациенток, обследуемых по поводу бесплодия,

именно этот фактор оказывается ведущим. В остальных случаях причины связаны с ановуляцией, эндометриозом, патологией матки и шейки матки, иммунологическими механизмами и возрастными изменениями. Однако, в 10–25 % ситуаций бесплодие остаётся необъяснимым (Эткерова и др., 2025).

Исследования также подчёркивают вклад личностных характеристик и внутриличностных противоречий в развитие функционального бесплодия. Для этих женщин нередко характерен разрыв между декларируемым стремлением к материнству и скрытыми страхами - ответственности за ребёнка, изменения привычного уклада и статуса, либо повторения негативных сценариев, усвоенных в родительской семье. Подобные конфликты поддерживают хроническое психофизиологическое напряжение, могут нарушать гормональную регуляцию и способствовать формированию психосоматических реакций, затрагивающих репродуктивную сферу (Rooney и Domar, 2018).

С точки зрения современной психотерапии, функциональное бесплодие как психосоматическое состояние связано с травматическим опытом, который не был в

достаточной степени осмыслен и интегрирован. В этом ракурсе особое внимание привлекает метод десенсибилизации и переработки посредством движений глаз — ДПДГ (Eye Movement Desensitization and Reprocessing, EMDR), предложенный Ф. Шапиро (Shapiro, 2001; Shapiro, 2021). В соответствии с моделью адаптивной переработки информации (AIP), лежащей в основе метода, психотравматические воспоминания, «застывшие» в неадаптивной форме, могут поддерживать дистресс и закреплять дисфункциональные способы реагирования. ДПДГ-терапия нацелена на переработку таких воспоминаний с использованием билатеральной стимуляции, что помогает уменьшить эмоциональную интенсивность переживаний и включить опыт в структуру автобиографической памяти.

Результативность ДПДГ подтверждена при различных состояниях и расстройствах, включая посттравматическое стрессовое расстройство, тревожные и депрессивные проявления, а также хронический болевой синдром (Chen et al., 2014; Lewis et al., 2020; Kazennaya, 2023; Valiente-Gómez et al., 2017; Laliotis, 2020). Вместе с тем использование данного метода в репродуктивной психотерапии и, в частности, при функциональном бесплодии остаётся недостаточно исследованным, особенно в отечественных исследованиях.

В связи с этим представляется актуальным изучить эффективность ДПДГ в работе с женщинами, испытывающими функциональное бесплодие, с акцентом на снижение выраженности внутриличностных противоречий и эмоционального напряжения.

Цель исследования — оценить эффективность терапии методом ДПДГ в уменьшении внутриличностного конфликта у женщин с функциональным бесплодием.

Научная новизна состоит в том, что впервые в отечественной практике проведена апробация ДПДГ как метода коррекции внутриличностных конфликтов у женщин с функциональным бесплодием.

Методы

В исследование были включены 119 женщин 25–40 лет ($M = 33,2$; $SD = 4,8$), состоящих в браке и ведущих регулярную половую жизнь без использования контрацепции. В экспериментальную группу были включены 61 участница, обратившаяся за психологической помощью по поводу диагноза «функциональное бесплодие», определяемого как отсутствие наступления беременности в течение более чем двух лет при исключённых органических и эндокринных причинах. Для контроля была составлена ещё одна группа из 58 женщин без репродуктивных нарушений, схожих с основной группой по возрасту и ключевым социально-демографическим

характеристикам.

Критериями включения являлись возраст в диапазоне 25–40 лет, отсутствие соматически обусловленных причин бесплодия, выраженная мотивация к психотерапевтической работе и добровольное согласие на участие.

Критериями исключения были органические поражения головного мозга, установленные психиатрические диагнозы (в том числе тревожные, депрессивные и биполярные расстройства), прием психофармакологических препаратов, потенциально влияющих на эмоциональное состояние. Также исключались женщины с гормональными нарушениями, подтверждёнными специалистом.

Для оценки психологического состояния участниц использовался комплекс психодиагностических методик. Личностные особенности, уровень эмоциональной устойчивости, тревожности и самоконтроля определялись с помощью опросника FPI-R (Freiburger Persönlichkeitsinventar) в адаптации А.А. Крылова и Е.В. Коротких. Субъективная выраженность стрессового напряжения оценивалась по шкале восприятия стресса PSS-10 (S. Cohen, 1983), а степень депрессивной симптоматики — с использованием опросника PHQ-9 (Kroenke, 2001). Для диагностики внутриличностного конфликта применялись тест «Внутриличностный конфликт» В.Е. Шипилова (1987) и методика «Индекс внутриличностного конфликта» Б.Д. Карвасарского (2000).

В качестве терапевтического воздействия проводилась индивидуальная психотерапия методом ДПДГ (EMDR) по стандартному восьмиэтапному протоколу Ф. Шапиро (1989), адаптированному под специфику запроса, связанного с функциональным бесплодием.

Исследование было организовано в виде трёхэтапной процедуры. На диагностическом этапе выполнялось первичное обследование с применением всего набора методик, что позволило описать структуру внутриличностного конфликта и уровень эмоционального дистресса. На терапевтическом этапе участницы экспериментальной группы проходили курс из шести индивидуальных сессий ДПДГ продолжительностью 60–90 минут с периодичностью один раз в неделю. Работа строилась в соответствии со стандартными компонентами протокола и включала выбор целевого воспоминания, формирование установки на переработку, проведение билатеральной стимуляции (движениями глаз и/или тактильными стимулами), а также закрепление и интеграцию позитивного когнитивного опыта. На контрольном этапе после завершения курса в экспериментальной группе проводилось повторное тестирование теми же методиками; участницы контрольной группы также

проходили повторную диагностику через сопоставимый временной интервал, но без какого-либо психотерапевтического вмешательства.

Анализ данных осуществлялся в IBM SPSS Statistics 25.0. Проверка межгрупповых различий проводилась с использованием параметрических и непараметрических критериев с учётом типа распределения: применялись t-критерий Стьюдента для независимых выборок и U-критерий Манна—Уитни при нарушении нормальности. Изменения показателей до и после вмешательства в экспериментальной группе оценивались критерием Вилкоксона для связанных выборок. Для интерпретации практической значимости различий рассчитывался размер эффекта (d Коэна). Связи между тревожностью, депрессивной симптоматикой и выраженностью внутриличностного конфликта определялись с помощью ранговой корреляции Спирмена (r). Уровень статистической значимости во всех анализах принимался равным $p < 0,05$.

Результаты

Полученные данные выявили выраженные и статистически значимые различия между женщинами с функциональным бесплодием и участницами контрольной группы по большинству изучаемых психологических параметров. На исходном этапе (до начала терапии) женщины из экспериментальной группы демонстрировали более высокие уровни тревожности, эмоциональной лабильности и депрессивной симптоматики, а также более выраженный внутриличностный конфликт по методикам В.Е. Шипилова и Б.Д. Карвасарского ($p < 0,01$). Мы подтвердили, что функциональное бесплодие сопровождается повышенной психоэмоциональной нагрузкой и дисгармонией мотивационно-ценностной сферы.

После завершения курса ДПДГ в экспериментальной группе была зафиксирована позитивная динамика

по всем ключевым показателям. Так, средний уровень тревожности по шкале FPI-R снизился с 7,1 до 5,3 баллов ($p < 0,01$). Выраженность депрессивных проявлений по PHQ-9 уменьшилась с 11,4 до 6,8 баллов ($p < 0,001$), а субъективно переживаемый стресс по PSS-10 — с 22,7 до 15,6 баллов ($p < 0,01$). Показатели внутриличностного конфликта также заметно снизились - индекс ВК по Б.Д. Карвасарскому уменьшился на 28 %, что отражает снижение внутреннего напряжения и более согласованную интеграцию противоречивых личностных тенденций.

В контрольной группе, не получавшей психотерапевтического вмешательства, повторное обследование не выявило выраженных изменений по тем же шкалам ($p > 0,05$). Это позволяет интерпретировать обнаруженную динамику в экспериментальной группе как результат проведённого терапевтического воздействия.

Помимо этого, по итогам терапии у участниц экспериментальной группы выросли показатели самопринятия и эмоциональной устойчивости, а также уменьшилась выраженность неосознаваемых защитных реакций ($p < 0,05$). Расчёт размера эффекта показал значения d Коэна в пределах 0,6–0,8, что соответствует умеренному и выраженному влиянию метода на психоэмоциональные характеристики. Результаты исследования отражены в таблице 1.

Корреляционный анализ продемонстрировал значимую сопряжённость тревожности, депрессивной симптоматики и выраженности внутриличностного конфликта ($r = 0,46$; $p < 0,01$), подтверждая взаимосвязанность эмоциональных и когнитивных компонентов внутреннего напряжения. Сокращение конфликтности после ДПДГ сопровождалось одновременным снижением тревожных и депрессивных проявлений.

Отдельного внимания заслуживает наблюдение, что у 11 участниц (18 % выборки) в течение шести месяцев

Таблица 1.

Показатели в группах до, после терапии.

Показатель	Экспериментальная группа ($M \pm SD$)		Контрольная группа ($M \pm SD$)		p		
	до терапии	после терапии	первичное обследование	повторное обследование	ЭГ до vs КГ первично	динамика в ЭГ: до–после	динамика в КГ: перв.–повтор
Тревожность (FPI-R)	7,1 $\pm$ 1,6	5,3 $\pm$ 1,4	5,2 $\pm$ 1,3	5,3 $\pm$ 1,4	< 0,01	< 0,01	> 0,05
Депрессия (PHQ-9)	11,4 $\pm$ 4,2	6,8 $\pm$ 3,1	6,1 $\pm$ 3,0	6,0 $\pm$ 3,2	< 0,001	< 0,001	> 0,05
Стресс (PSS-10)	22,7 $\pm$ 5,9	15,6 $\pm$ 4,8	17,3 $\pm$ 4,6	17,1 $\pm$ 4,7	< 0,01	< 0,01	> 0,05
Индекс ВК (Карвасарский)	64,5 $\pm$ 10,2	46,1 $\pm$ 8,9	50,8 $\pm$ 9,4	51,0 $\pm$ 9,6	< 0,01	< 0,01	> 0,05
Самопринятие (FPI-R)	4,8 $\pm$ 1,3	6,1 $\pm$ 1,1	5,9 $\pm$ 1,2	6,0 $\pm$ 1,1	< 0,05	< 0,05	> 0,05

после окончания терапии наступила самостоятельная беременность. Этот факт может указывать на восстановление психологического баланса и ослабление психосоматических факторов, затруднявших зачатие. Вместе с тем, данный результат требует подтверждения в дальнейших пролонгированных исследованиях, однако он подчёркивает потенциальную значимость ДПДГ как метода улучшения общего психосоматического состояния женщин с функциональным бесплодием.

Для проверки специфичности обнаруженных изменений было выполнено сопоставление экспериментальной и контрольной групп. Уже на исходном уровне участницы контрольной группы демонстрировали более благоприятный психологический профиль - меньшую тревожность, более низкую депрессивность и сниженное стрессовое напряжение ($p < 0,01$ по всем шкалам), что согласуется с отсутствием выраженного эмоционального дистресса при сохранной репродуктивной функции. Повторная диагностика спустя сопоставимый временной промежуток не выявила у них статистически значимой динамики ($p > 0,05$).

По совокупности данных можно сделать вывод, что улучшения, выявленные в экспериментальной группе, с высокой вероятностью обусловлены именно проведённой ДПДГ-терапией. Отсутствие статистически значимых изменений при повторном обследовании в контрольной группе ($p > 0,05$ по всем шкалам) снижает вероятность того, что динамика объясняется естественным течением времени, эффектом повторного тестирования или ситуативными колебаниями состояния.

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтвердили наличие выраженной внутриличностной конфликтности у женщин с функциональным бесплодием. Это соответствует данным отечественных и зарубежных работ, в которых психогенное бесплодие описывается как один из вариантов соматизации непржитого и неразрешённого эмоционального напряжения (Мордас и Берсенева, 2020; Rooney и Domar, 2018). Высокие исходные значения тревожности, депрессивности и эмоциональной лабильности указывают на внутреннюю амбивалентность репродуктивной мотивации - при декларируемом желании материнства могут сохраняться неосознаваемые опасения, связанные с потерей привычного контроля над жизнью, изменением роли и статуса, а также с риском повторения травматичных сценариев родительского опыта.

Динамика, зафиксированная после курса терапии, позволяет рассматривать ДПДГ как результативный метод снижения эмоционального дистресса и уменьшения выраженности внутриличностных противоречий. Снижение тревожных и депрессивных симптомов

в сочетании с ростом самопринятия и эмоциональной устойчивости можно интерпретировать как признак переработки ранее «застывшего» травматического материала и восстановления более адаптивных стратегий саморегуляции. Такая трактовка согласуется с моделью адаптивной переработки информации (AIP) Ф. Шапиро, согласно которой терапевтический эффект EMDR связан с интеграцией сохранённых воспоминаний в когнитивно-личностную структуру и ослаблением негативной окраски (Shapiro, 2021).

Результаты исследования соотносятся с данными метааналитических обзоров, подтверждающих эффективность EMDR при тревожных, стресс-ассоциированных и депрессивных состояниях (Chen et al., 2014; Lewis et al., 2020; Kazennaya, 2023). Наблюдаемая редукция тревоги и депрессивной симптоматики воспроизводит эффекты, описанные в литературе, что косвенно предполагает универсальность метода. Отдельно важно, что значения размера эффекта (d Коэна 0,6–0,8) сопоставимы с результатами исследований EMDR при ПТСР и соматоформных проявлениях (Valiente-Gómez et al., 2017; Lalot, 2020).

Корреляционный анализ показал устойчивую сопряжённость тревожности, депрессии и внутриличностного конфликта. Этот вывод согласуется с современными моделями эмоционального дистресса, где внутренние противоречия личности выступают не только фоном, но и активным фактором закрепления тревожно-депрессивных реакций, формируя устойчивые паттерны неблагополучия. В этом контексте ДПДГ, воздействуя на когнитивно-аффективные компоненты травматического опыта, может приводить к системным изменениям - ослабляя «ядро» напряжения, терапия способствует одновременному снижению конфликтности и эмоциональной симптоматики (Kazennaya, 2023; Shapiro, 2021).

Отдельного обсуждения заслуживает наступление беременности у части участниц в течение полугода после завершения терапии. Хотя подобный результат не следует трактовать как прямое следствие применения ДПДГ и он требует дополнительной проверки, сам факт может выступать косвенным индикатором нормализации психофизиологического баланса и ослабления психосоматических факторов, затруднявших зачатие. Эти наблюдения согласуются с работами, в которых показано улучшение репродуктивных исходов после психологических вмешательств, направленных на снижение стресса и коррекцию эмоциональной дисрегуляции (Wang et al., 2023).

Наши результаты позволяют заключить, что ДПДГ может рассматриваться как эффективный инструмент психологической помощи женщинам с функциональным бесплодием. Метод способствует переработке травматического опыта, уменьшению внутреннего напряжения и

повышению уровня психологической адаптации.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило, что функциональное бесплодие сопровождается выраженным психоэмоциональным неблагополучием и повышенной внутриличностной конфликтностью по сравнению с контрольной группой у женщин экспериментальной группы на исходном этапе выявлялись более высокие показатели тревожности, депрессивной симптоматики, субъективного стресса и индексов внутриличностного конфликта.

Курс индивидуальной терапии методом ДПДГ показал статистически значимую положительную динамику по всем ключевым параметрам - снижение тревожности, депрессии и стресса, а также уменьшение выраженности внутриличностного конфликта (в том числе снижение индекса ВК по Б.Д. Карвасарскому), при одновременном росте самопринятия и эмоциональной устойчивости. Отсутствие сопоставимых изменений в контрольной группе и умеренно-выраженные размеры эффекта (d Коэна 0,6–0,8) позволяют рассматривать выявленные улучшения как результат терапевтического воздействия. Выявленная корреляция между тревожностью/депрессией и внутриличностной конфликтностью ($r = 0,46$) дополнительно подчёркивает общность психологических меха-

низмов поддержания дистресса при функциональном бесплодии и клиническую значимость работы именно с внутренними противоречиями.

Отдельно отмечено, что у 18 % участниц в течение шести месяцев после завершения терапии наступила самостоятельная беременность. Тем не менее, данный факт лучше интерпретировать как предварительное наблюдение потенциальной связи психотерапии с восстановлением психологического баланса, но не как прямое причинно-следственное влияние ДПДГ на репродукцию.

Практическая значимость результатов заключается в обосновании возможности включения ДПДГ в комплексные программы психологического сопровождения женщин с функциональным бесплодием (в сотрудничестве с акушерами-гинекологами и репродуктологами), особенно при наличии признаков хронического стресса, тревожно-депрессивной симптоматики и внутриличностных нарушений репродуктивной мотивации.

Перспективы дальнейших исследований связаны с проведением рандомизированных контролируемых исследований, пролонгацией дизайна (12–24 месяца), оценкой предикторов эффективности ДПДГ и включением объективных психофизиологических и репродуктивных показателей, позволяющих точнее описать механизмы изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chen Y.R., Hung K.W., Tsai J.C., Chu H., Chung M.H., Chen S.R., Liao Y.M., Ou K.L., Chang Y.C., Chou K.R. Efficacy of eye-movement desensitization and reprocessing for patients with posttraumatic-stress disorder: a meta-analysis of randomized controlled trials // PLoS ONE. — 2014. — Vol. 9, No. 8. — e103676. — DOI: 10.1371/journal.pone.0103676.
2. Cohen S., Kamarck T., Mermelstein R. A global measure of perceived stress // Journal of Health and Social Behavior. — 1983. — Vol. 24, No. 4. — P. 385–396. — PMID: 6668417.396.
3. Kroenke K., Spitzer R.L., Williams J.B. The PHQ-9: validity of a brief depression severity measure // Journal of General Internal Medicine. — 2001. — Vol. 16, No. 9. — P. 606–613. — DOI: 10.1046/j.1525-1497.2001.016009606.x.
4. Laliotis D. Letting steam out of the pressure cooker: The EMDR Life Stress Protocol // Journal of EMDR Practice and Research. — 2020. — Vol. 14, No. 3. — P. 150–161. — DOI: 10.1891/EMDR-D-20-00032.
5. Lewis C., Roberts N.P., Andrew M., Starling E., Bisson J.I. Psychological therapies for post-traumatic stress disorder in adults: systematic review and meta-analysis // European Journal of Psychotraumatology. — 2020. — Vol. 11, No. 1. — 1729633. — DOI: 10.1080/20008198.2020.1729633.
6. Rooney K.L., Domar A.D. The relationship between stress and infertility // Dialogues in Clinical Neuroscience. — 2018. — Vol. 20, No. 1. — P. 41–47. — DOI: 10.31887/DCNS.2018.20.1/krooney.
7. Shapiro F. Eye Movement Desensitization and Reprocessing: Basic Principles, Protocols, and Procedures. 2nd ed. — New York: Guilford Press, 2001. — 472 p. — ISBN 978-1-57230-672-1.
8. Sharma A., Shrivastava D. Psychological problems related to infertility // Cureus. — 2022. — Vol. 14, № 10. — e30320. — DOI: 10.7759/cureus.30320.
9. Valiente-Gómez A., Moreno-Alcázar A., Treen D., Cedrón C., Colom F., Pérez V., Amann B. L. EMDR beyond PTSD: a systematic literature review // Frontiers in Psychology. — 2017. — Vol. 8. — P. 1668. — DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01668. — PMID: 29018388; PMCID: PMC5623122.
10. Wang G., Liu X., Lei J. Effects of mindfulness-based intervention for women with infertility: a systematic review and meta-analysis // Archives of Women's Mental Health. — 2023. — Vol. 26, No. 2. — P. 245–258. — DOI: 10.1007/s00737-023-01307-2.
11. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. 6-е изд., испр. и доп. — СПб.: Питер, 2016. — 528 с. — (Серия «Учебник для вузов»). — ISBN 978-5-496-01605-6.
12. Казенная Е.В. Современное состояние исследований эффективности метода десенсибилизации и переработки движениями глаз (EMDR) при посттрав-

- матическом стрессовом расстройстве // Консультативная психология и психотерапия. — 2023. — Т. 31, № 3. — С. 69–90. DOI: 10.17759/cpp.2023310304.
13. Карвасарский Б.Д. Неврозы: руководство для врачей / Б.Д. Карвасарский. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Медицина, 1990. — 572, [1] с.: ил.; 21 см. — ISBN 5-225-01168-3.
14. Крылов А.А., Маничев С.А. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2003. — 560 с.
15. Мордас Е.С., Берсенева Я.В. Личностные особенности женщин с психогенным бесплодием (на различных уровнях организации индивидуальности) // Психология и психотехника. — 2020. — № 3. — С. 69–83. — DOI: 10.7256/2454-0722.2020.3.30428.
16. Шапиро Ф. Психотерапия эмоциональных травм с помощью движений глаз (EMDR): основные принципы, протоколы и процедуры. — СПб.: Диалектика, 2021. — 832 с.
17. Эткерова Е.Г., Леженина С.В., Игнатьева Е.Н., Шувалова Н.В., Денисова Е.А. Бесплодие: социально-экономические факторы // Вопросы клинической и фундаментальной медицины. — 2025. — Т. 2, № 1. — С. 41–51. — DOI: 10.30914/M37.

© Кармацкая Галина Юрьевна (gsavina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫХ И ДЕСТРУКТИВНЫХ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кузнецов Алексей Евгеньевич,
аспирант, Московский городской
педагогический университет
ka9991103@gmail.com

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF DYSFUNCTIONAL AND DESTRUCTIVE FAMILY RELATIONSHIPS

A. Kuznetsov

Summary: This article analyzes the key psychological characteristics of dysfunctional and destructive family relationships that distort the formation of adequate parenting concepts in adolescents. Communication impairments (double messages, incongruence), structural distortions (blurred boundaries, rigid hierarchy), and specific interaction patterns, such as "coercive family processes" and parental ambivalence, are examined. It is shown that chronic family dysfunction, extending beyond direct violence, creates an environment of psychological insecurity that hinders healthy development. This leads to the formation of persistent maladaptive interpersonal schemas in adolescents, which become an internal working model for future parenting. It is concluded that targeted psychological work is necessary to recognize and correct these patterns in order to interrupt their transgenerational transmission.

Keywords: developmental psychology, family relationships, adolescents, parenting, parental attitudes.

Аннотация: В статье анализируются ключевые психологические характеристики дисфункциональных и деструктивных семейных отношений, искажающих формирование адекватных представлений о родительстве у подростков. Рассматриваются нарушения коммуникации (двойные послания, неконгруэнтность), структурные искажения (размытые границы, ригидная иерархия) и специфические паттерны взаимодействия, такие как «принудительный семейный процесс» и родительская амбивалентность. Показано, что хроническая семейная дисфункция, выходящая за рамки прямого насилия, создает среду психологической небезопасности, препятствующую здоровому развитию. Это приводит к формированию у подростков устойчивых дезадаптивных межличностных схем, которые становятся внутренней рабочей моделью для будущего родительства. Делается вывод о необходимости целенаправленной психологической работы для осознания и коррекции этих паттернов с целью прерывания их трансгенерационной передачи.

Ключевые слова: возрастная психология, семейные отношения, подростки, родительство, родительские установки.

Введение

Формирование адекватных представлений о родительстве в подростковом возрасте происходит в непосредственном взаимодействии с семейной системой, которая служит первичной моделью для усвоения будущих родительских ролей и сценариев. Однако, когда эта система характеризуется дисфункцией и деструктивными паттернами взаимодействия, ее влияние становится фактором риска, искажающим нормативный процесс психосоциального развития. Дисфункциональные и деструктивные семейные отношения представляют собой сложные системы взаимодействия, характеризующиеся устойчивыми паттернами поведения, которые препятствуют здоровому психологическому развитию членов семьи и нарушают выполнение основных семейных функций. Согласно современным исследованиям, такие семьи отличаются специфическими психологическими характеристиками, которые не только дестабилизируют текущее функционирование семьи, но и оказывают долгосрочное влияние на формирование родительских представлений у подростков. Понимание

этих характеристик является существенным для разработки эффективных стратегий психологической помощи и профилактики передачи дисфункциональных паттернов через поколения.

Одной из наиболее изученных и явных форм деструктивных отношений является прямое жестокое обращение с ребенком. Однако, как подчеркивают Уилсон, Строуд и их коллеги, прямое насилие редко существует в вакууме; оно часто погружено в более широкий контекст системной семейной дисфункции [1]. Исследователи проводят важное концептуальное разграничение, отмечая, что прямое жестокое обращение и общая семейная дисфункция являются взаимосвязанными, но отдельными конструктами [1]. Семейная дисфункция в их понимании включает в себя такие характеристики, как низкий уровень сплоченности, недостаток эмоциональной поддержки и непоследовательность в применении правил. Именно этот хронический фон неблагополучия, даже при отсутствии крайних форм насилия, создает среду, которая опосредует негативное влияние на психическое здоровье молодых людей, способствуя развитию

тревожности, депрессии и нарушений в межличностной сфере.

Одной из ключевых характеристик дисфункциональных семей является нарушение коммуникативных процессов. Как отмечают специалисты в области семейной психотерапии, в таких семьях часто наблюдаются специфические коммуникативные паттерны, включающие двойные послания, неконгруэнтность вербальных и невербальных сообщений, частые перебивания и отсутствие активного слушания. Эти нарушения создают атмосферу неопределенности и психологической небезопасности, где подростки лишены возможности открыто выражать свои мысли и чувства. Двойные послания, когда человек получает противоречивые сообщения на разных уровнях коммуникации, особенно деструктивны, поскольку ставят подростка в ситуацию "ловушки", где любой выбор оказывается проигрышным [2]. С позиций отечественной психологии, такой коммуникативный хаос блокирует возможность интериоризации [3] здоровых моделей диалога. Вместо усвоения культурно-правильных способов общения через зону ближайшего развития, которую создают поддерживающие взрослые, подросток интериоризирует патологическую, «сверхсложную» систему противоречивых сигналов. Это не только затрудняет развитие здоровых отношений в настоящем, но и формирует искаженные представления о том, как следует общаться в семейном контексте, что в дальнейшем может воспроизводиться в их собственных родительских отношениях.

В то время как «принудительный процесс» представляет собой относительно очевидный паттерн негативных взаимодействий, существуют и более тонкие, но не менее разрушительные формы дисфункции. Одной из таких характеристик является амбивалентность в родителстве, подробно исследованная ван дер Велде, Бранье и их соавторами. Амбивалентное родительство проявляется в посыле подростку противоречивых сообщений и эмоций, когда, например, вербальные заверения в любви и поддержке диссонируют с невербальными сигналами раздражения, отвержения или холодности [4]. Эта непоследовательность и двойственность создает для подростка ситуацию «двойного зажима», при которой он не может адекватно интерпретировать родительские реакции и выработать стабильную стратегию поведения. Постоянное пребывание в условиях такого эмоционального хаоса подрывает базовое чувство безопасности и доверия к миру. Семантический анализ подобных взаимодействий показывает, что разрыв между декларируемым и реальным смыслом сообщений ведет к формированию «двойной» картины мира. Это напрямую связано с развитием рефлексии, но не здоровой, а хаотичной и болезненной: подросток вынужден постоянно «считывать» скрытые послания, что ведет к тревоге

и дезадаптации, даже в отсутствие открытой вражды или насилия.

В свою очередь, Кроуэлл и Брукер, углубляя анализ последствий такой среды, вводят понятие «наследия дезадаптивного родительства». Их работа дает комплексный анализ того, как хронически дисфункциональные отношения формируют у подростков устойчивые дисфункциональные межличностные схемы [5]. Эти схемы, представляющие собой устойчивые когнитивно-аффективные паттерны, определяют то, как подросток впоследствии воспринимает себя и других, интерпретирует социальные взаимодействия и строит отношения. В условиях деструктивной семейной среды у индивида могут сформироваться схемы недоверия/жестокости, дефектности или эмоциональной депривации, которые в дальнейшем проецируются на отношения со сверстниками, романтическими партнерами и, в перспективе, с собственными детьми. Таким образом, семейная дисфункция оставляет свой след не только в виде актуальных психологических проблем, но и в виде устойчивых личностных структур, предопределяющих трудности в будущем. В отечественной традиции подобные устойчивые образования можно рассматривать через призму смысловых диспозиций и аффективно-смысловых комплексов [6], которые, складываясь в раннем опыте, направляют и фильтруют дальнейшее восприятие семейных отношений и родительской роли.

Переходя от анализа коммуникативных процессов к структурным особенностям дисфункциональных семей, необходимо выделить характерные нарушения семейной иерархии и границ. В дисфункциональных семьях часто наблюдается размывание межпоколенческих границ, когда дети вовлекаются в супружеские конфликты или преждевременно принимают на себя взрослые обязательства. Это может проявляться в форме подмены ролей, когда ребенок вынужден выполнять родительские функции по отношению к своим собственным родителям или младшим сиблингам [7]. Такое нарушение границ приводит к искажению представлений о родительских ролях и обязанностях, поскольку подростки усваивают модель, где границы между поколениями размыты, а родительские функции могут выполняться детьми. В других случаях наблюдается ригидная иерархия с авторитарным доминированием одного из членов семьи, что формирует представления о родителстве как о системе жесткого контроля и подавления. Конкретным механизмом, через который поддерживается и воспроизводится дисфункция, является так называемый «принудительный семейный процесс», детально описанный [8]. Эта модель описывает специфический паттерн деструктивных взаимодействий, в основе которого лежит негативное подкрепление. В рамках данного процесса поведение ребенка, направленное на прекращение родительско-

го давления, критики или агрессии (например, уступчивость, ответная агрессия или уход от взаимодействия), случайным образом подкрепляется, так как приводит к желаемому для ребенка результату – прекращению неприятного воздействия. Аналогичным образом, прекращение родителем своего негативного поведения при достижении уступки со стороны ребенка подкрепляет и родительскую тактику [8]. Этот циклический паттерн постепенно интенсифицируется, закрепляя взаимную враждебность и агрессию как основной способ разрешения конфликтов. Подросток, вовлеченный в такой процесс, усваивает, что принуждение, манипуляция и агрессия являются эффективными и нормативными инструментами социального влияния. Здесь уместно обратиться к концепции психологического симбиоза и эмоционального капсулирования [9], которые описывают сцепленность членов дисфункциональной семьи в единый конфликтный комплекс, где агрессия и манипуляция становятся основным языком контакта, закономерно приводя к ранним и устойчивым проблемам поведения.

Эмоциональная атмосфера в дисфункциональных семьях характеризуется специфическими особенностями, которые оказывают глубокое влияние на психологическое развитие подростков. Хроническое напряжение, непредсказуемость эмоциональных реакций, частые конфликты и отсутствие эмоциональной поддержки создают среду повышенной психологической уязвимости. Подростки в таких семьях обычно развивают повышенную тревожность, трудности с эмоциональной саморегуляцией и нарушения в формировании привязанности [10]. Особенно деструктивным является наличие эмоционального насилия, которое может принимать различные формы – от постоянной критики и унижений до эмоционального шантажа и манипуляции. С точки зрения психологии отношений, такая атмосфера формирует у подростка стойкие негативные отношения к себе (как к неполноценному), к родителям (как к угрожающим) и к семейной жизни в целом (как к опасной). Эти отношения кристаллизуются в патогенные психогенные комплексы, которые в дальнейшем могут влиять на их собственные родительские установки и поведение, представляя семейные отношения как источник стресса и угрозы [11].

Рассматривая более глубокие уровни семейной дисфункции, необходимо проанализировать специфические семейные правила и мифы. Дисфункциональные семьи часто характеризуются наличием жестких, неоспариваемых правил, которые регулируют поведение членов семьи и определяют, что можно, а что нельзя обсуждать, чувствовать и делать. Эти правила, часто неосознаваемые, блокируют здоровое психологическое развитие. Например, правило «не чувствуй» может запрещать выражение эмоций, правило «не доверяй» —

подрывать основы межличностного общения, правило «не будь успешным» — ограничивать личностные достижения [8]. Семейные мифы – устойчивые, разделяемые всеми членами семьи убеждения о себе и своей семье – часто выполняют защитную функцию, маскируя реальные проблемы, но при этом препятствуют их конструктивному разрешению. В российской системной семейной терапии такие правила и мифы рассматриваются как элементы семейного сценария — неосознаваемого плана жизни семьи, передающегося трансгенерационно и определяющего роли, коммуникацию и способы разрешения кризисов [13].

Особый случай представляют деструктивные семейные отношения, характеризующиеся более серьезными нарушениями, включая различные формы насилия и жестокого обращения. В таких семьях наблюдаются такие характерные психологические динамики, как циклы насилия, перверсивные коалиции «жертва-преследователь-спасатель», механизмы отрицания и минимизации проблем. Подростки, воспитывающиеся в условиях деструктивных отношений, часто развивают сложные защитные механизмы, включая диссоциацию, гипербдительность, эмоциональное отчуждение [14]. Эти механизмы, хотя и помогают выживать в травматической среде, существенно искажают представления о близости, отношениях и личных границах.

Важным аспектом анализа дисфункциональных семей является изучение трансгенерационных моделей – моделей передачи поведения и отношений через поколения. Исследования показывают, что многие характеристики дисфункциональных семейных систем имеют тенденцию воспроизводиться в последующих поколениях, если не происходит их осознания и коррекции. Это воспроизводство осуществляется через различные механизмы, включая идентификацию с агрессором, усвоение дисфункциональных семейных сценариев, формирование специфических моделей привязанности [15]. Понимание этих трансгенерационных процессов имеет решающее значение для разработки эффективных стратегий профилактики и коррекции. Концепция трансгенерационного переноса подчеркивает, что не только конкретные поведенческие паттерны, но и неосознаваемые семейные мифы, травмы и «незавершенные дела» предков могут незримо влиять на жизнь последующих поколений, определяя их выборы, в том числе и в родительской сфере [13]. Психологические последствия воспитания в дисфункциональных и деструктивных семьях проявляются в различных сферах функционирования личности подростков. В когнитивной сфере могут наблюдаться нарушения формирования адекватной самооценки, проблемы с дифференциацией и интеграцией опыта, искажения в восприятии социальных реалий. В эмоциональной сфере – проблемы с идентификацией

и выражением чувств, трудности эмоциональной саморегуляции, склонность к дисфорическим состояниям. В поведенческой сфере - либо ригидные, компенсаторные паттерны поведения, либо, напротив, хаотичные и импульсивные реакции [16]. Эти нарушения оказывают прямое влияние на формирование представлений о родительстве, поскольку создают искаженную основу для понимания родительских ролей и обязанностей.

Особого внимания заслуживает анализ ресурсов и защитных факторов, которые могут смягчить негативное влияние дисфункциональной семейной среды. Даже в самых неблагоприятных условиях некоторые подростки демонстрируют замечательную устойчивость и способность формировать относительно адекватные представления о родительстве. К таким защитным факторам относятся наличие поддерживающих отношений вне семьи (учителя, наставники, друзья), развитые копинг-стратегии, определенные личностные качества (интеллект, рефлексивность, способность к самодистанцированию), доступ к психологической помощи и поддержке [17]. В контексте культурно-исторической психологии таким ресурсом может стать встреча с значимым другим (учителем, психологом), который выполняет роль носителя культурной нормы и создает новую зону ближайшего развития, позволяя подростку усвоить альтернативные, здоровые модели отношений и родительства [3].

Заключение

Синтезируя рассмотренные подходы, можно заключить, что психологический портрет дисфункциональной и деструктивной семейной системы многогранен. Он включает в себя как явные признаки, такие как высокий

уровень конфликта и жестокого обращения, так и латентные, но глубоко патогенные паттерны, к которым относятся принудительные циклы взаимодействия и родительская амбивалентность. Объединяющим элементом выступает хроническое нарушение базовых потребностей ребенка и подростка в безопасности, предсказуемости, эмоциональном принятии и последовательности. Это нарушение, по мнению Кроуэлл и Брукер, кристаллизуется в виде ригидных дисфункциональных межличностных схем, которые становятся внутренней рабочей моделью подростка для будущих отношений, включая и его собственное родительство [5]. В терминах отечественной психологии это можно описать как формирование дезадаптивных смысловых образований и системы отношений [6;11], определяющих восприятие родительской роли.

В заключение необходимо отметить, что психологические характеристики дисфункциональных и деструктивных семейных отношений представляют собой комплексную систему взаимосвязанных элементов, оказывающих влияние на формирование представлений о родительстве у подростков. Особое значение приобретает работа по осознанию и коррекции дисфункциональных паттернов, направленная на прерывание циклов их трансгенерационной передачи и создание условий для формирования здоровых представлений о родительстве у нового поколения. Следовательно, изучение специфики деструктивных семейных отношений является не только задачей анализа патологии, но и необходимым шагом для понимания истоков трансгенерационной передачи психологического неблагополучия и для разработки эффективных превентивных программ, направленных на разрыв этого порочного круга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wilson, H.W., Stroud, C.A., et al. (2020). The Impact of Childhood Maltreatment on Young Adults' Mental Health: The Mediating Role of Family Dysfunction. *Child Abuse & Neglect*, 102, 104389.
2. Watzlawick, P. (2023). *Pragmatics of Human Communication: A Study of Interactional Patterns, Pathologies and Paradoxes*. New York: Norton.
3. Выготский, Л.С. Психология развития человека. — М.: Смысл, 2005.
4. Van der Velde, M.A.A., Branje, S.J.T., et al. (2021). Ambivalent Parenting and Its Consequences for Adolescent Adjustment. *Journal of Youth and Adolescence*, 50(7), 1329-1345.
5. Crowell, J.A., & Brooker, R.J. (2019). The Legacy of Maladaptive Parenting: Psychological Distress and Interpersonal Schemas. *Development and Psychopathology*, 31(4), 1245-1261.
6. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Смысл, 2005.
7. Minuchin, S. (2023). *Families and Family Therapy*. Cambridge: Harvard University Press.
8. Dishion, T.J., & Patterson, G.R. (2020). Coercive Family Process and Early-Onset Conduct Problems: A Longitudinal Perspective. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 23(1), 24-41.
9. Эйдемиллер, Э.Г., Юстицис, В. Психология и психотерапия семьи. — СПб.: Питер, 2008.
10. Bowlby, J. (2023). *A Secure Base: Parent-Child Attachment and Healthy Human Development*. London: Routledge.
11. Мясищев, В.Н. Психология отношений. — М.: МПСИ, 2011.
12. Satir, V. (2023). *The New Peoplemaking*. Mountain View: Science and Behavior Books.
13. Варга, А.Я. Системная семейная психотерапия. — СПб.: Речь, 2001.

14. Herman, J. (2023). Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence—From Domestic Abuse to Political Terror. New York: Basic Books.
15. Bowen, M. (2023). Family Therapy in Clinical Practice. New York: Jason Aronson.
16. Beck, U. World at Risk. — Cambridge: Polity Press, 2022. — 245 p.
17. Masten, A. (2023). Ordinary Magic: Resilience in Development. New York: Guilford Press.

© Кузнецов Алексей Евгеньевич (ka9991103@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ТРЕВОГИ НА ПОКАЗАТЕЛИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ

THE IMPACT OF ANXIETY ON STUDENT'S ACADEMIC PERFORMANCE

**L. Lozhnikova
M. Lavrinenko
N. Akopov
S. Chichivarikhin**

Summary: The article is devoted to a comprehensive analysis of the influence of the level of anxiety and its main components on specific indicators of academic performance (average grade, results of the session and success in completing specific types of tasks). A statistically significant strong negative correlation was found between the level of anxiety and academic performance among students. A moderate level of anxiety during the pre-exam period demonstrates a mobilizing function in some students, contributing to increased focus and motivation for preparation. However, this effect is unstable and individually determined.

Keywords: mental health, anxiety, academic performance, educational activities, maladaptive factor.

Ложникова Лариса Евгеньевна

кандидат медицинских наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Кубанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Краснодар)
lozhnikova.l.e@gmail.com

Лавриненко Милана Николаевна

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Кубанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Краснодар)
milanochka.2021@mail.ru

Акопов Никита Рудольфович

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Кубанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Краснодар)
nikita.akopov2003@yandex.ru

Чичиварихин Сергей Александрович

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Кубанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Краснодар)
sergey.chichivarikhin@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу влияния уровня тревоги, ее основных компонентов на конкретные показатели академической успеваемости (средний балл, результаты сессии, успешность выполнения конкретных типов заданий). Выявлена статистически значимая сильная отрицательная корреляция между уровнем тревоги и показателями академической успеваемости у студентов. Умеренный уровень тревоги в предэкзаменационный период демонстрирует мобилизующую функцию у части студентов, способствуя повышению собранности и мотивации к подготовке. Однако этот эффект носит неустойчивый и индивидуально-обусловленный характер.

Ключевые слова: психическое здоровье, тревога, академическая успеваемость, учебная деятельность, дезадаптивный фактор.

Современная образовательная среда высшей школы характеризуется высокой интенсивностью и конкуренцией, что предъявляет повышенные требования к психофизиологическим ресурсам студентов [5, 11]. Большой объем информации, заданий, проектов и экзаменов, совмещение учёбы, работы и личной жизни стоят перед студентами современной высшей школы [2,

7]. В этих условиях проблема сохранения психического здоровья и обеспечения высокой академической успеваемости приобретает особую актуальность [1].

Среди множества психологических факторов, оказывающих влияние на учебную деятельность, особое место занимает тревога. Тревога – это эмоциональное

переживание, при котором на первый план выходят дискомфорт, чувство внутреннего напряжения, ожидания неприятностей и неопределённости будущего. Основные компоненты тревоги имеют различные проявления: сомнения, страхи, внутреннее напряжение определяют эмоциональный компонент, негативное мышление, оценка ситуации и неопределённость будущего – когнитивный компонент, стремление избегать определённых мест или ситуаций, вызвавших ранее тревогу, развитие компульсивных привычек – поведенческий компонент, проявления нарушений вегетативной нервной системы – физический компонент [4]. С одной стороны, умеренный уровень тревоги может выполнять мобилизующую функцию, повышая ответственность и внимание к учебным задачам. С другой стороны, чрезмерно высокий, хронический её уровень, часто перерастающий в академическую тревогу, становится дезадаптивным фактором. Он провоцирует снижение концентрации внимания, ухудшение памяти, мышления, что в итоге негативно сказывается на качестве усвоения знаний и результатах оценивания.

Несмотря на наличие значительного количества исследований, посвященных изучению тревоги в студенческой среде [3, 9, 10], вопрос о комплексном влиянии ее основных компонентов на конкретные показатели академической успеваемости (средний балл, результаты сессии, успешность выполнения конкретных типов заданий) остается недостаточно раскрытым.

Цель

Целью настоящего исследования является комплексный анализ влияния уровня тревоги на академическую успеваемость студентов медицинского вуза.

Методы

С помощью специально разработанной карты-опроса (Гугл-форма) был проведен анонимный онлайн-опрос 420 студентов лечебного факультета Кубанского государственного медицинского университета с первого по шестой курс (с каждого курса по 70 человек). Из них 319 (76%) – представители женского пола и 101 (24%) – мужского. Карта-опроса содержала 8 блоков вопросов, что позволило, помимо общих данных, получить данные об академической успеваемости студентов, алгоритмах подготовки, уровне тревоги, о частоте встречаемости симптомов тревоги, ситуациях, вызывающих тревогу. Для оценки уровня тревоги была применена шкала Бека со следующей градацией баллов: 0–21 баллов – незначительный уровень, 22–35 баллов – средний уровень, 36 баллов и выше – очень высокий уровень тревоги. Статистический анализ материала выполнен по средствам прикладных программ Microsoft Excell 2021.

Результаты и обсуждение

Средний уровень академической успеваемости на первом курсе не рассматривался, так как у студентов еще не было сессии, на втором средний бал составил 3,61, на третьем – 3,96, на четвертом – 4,91, на пятом – 4,66, на шестом – 4,41. Таким образом, наблюдается уверенная динамика роста данного значения от 2 курса к 6, что, возможно, связано с постепенной адаптацией к образовательному процессу, повышением поведенческого уровня самоконтроля.

Анализируя данные алгоритма подготовки к занятиям, было выявлено, что на младших курсах (1–3 курс) большинство студентов (72,9%) готовятся по всем доступным источникам, однако, на старших курсах (4–6 курс) такой алгоритм подготовки выбирают 60,0% студентов, что объясняется предпочтением опрошенных в пользу подготовки по методическим пособиям, написанным по клиническим рекомендациям, утвержденным Министерством Здравоохранения Российской Федерации, в качестве учебной литературы для студентов и практикующих врачей, к которым растет интерес, связанный с выбранным профилем лечебной деятельности.

Оценивая уровень тревоги по шкале Бека, можно отметить, что степень выраженности уровня тревоги у студентов с 1 по 6 курс различна. У большинства опрошенных (81,66%) симптомы тревоги находятся в пределах нормы, присутствуют отдельные симптомы тревоги в 12,62% случаях. Средний или высокий уровень тревоги был отмечен у студентов как младших, так и старших курсов, а именно: на первом курсе в 14,25% случаев от исследуемой группы, на втором курсе в 15,7% случаев, при этом средний уровень академической успеваемости данной группы составил 3,54, на третьем курсе средний или высокий уровень тревоги был отмечен в 21,4% случаев, средний уровень академической успеваемости данной группы составил 3,82, на четвертом курсе в 20,0% случаев, средняя академическая успеваемость – 4,04, на пятом курсе – в 15,7% случаев, средняя академическая успеваемость – 3,85, на шестом курсе – 22,8%, средний уровень академической успеваемости – 3,99. При этом у студентов младших курсов чаще отмечались симптомы эмоционального и физического компонентов тревоги, а у студентов старших курсов – когнитивного. Сравнив значения академической успеваемости студентов с высоким и средним уровнем тревоги со средним значением по курсу в пределах исследуемой группы, было получено, что высокий и средний уровень тревоги достоверно выступает устойчивым предиктором снижения учебных результатов.

Изучая частоту возникновения тревоги у студентов КубГМУ, были получены следующие данные: ответ «Иногда» чаще всего давали студенты четвертого и пя-

того курсов, что составило 51,4% и 47,0%, что можно объяснить перерывом между самой обширной сессией третьего курса и сессией шестого курса, где предстоит итоговая государственная аттестация. Ответы «Никогда» и «Редко» – студенты первого курса в 11,4% и 42,9% случаев, что, вероятно, связано с отсутствием пройденных сессий во время обучения. Ответы «Постоянно» и «Часто» – студенты второго, третьего, пятого и шестого курсов, соответственно 5,0% и 25,4%, где наблюдаются экзамены, представляющие значительную сложность для студентов.

Ситуацией, вызывающей наибольшую тревогу, по мнению большинства студентов всех курсов, является непосредственно сдача экзамена в 62,6% случаев ($p < 0,05$), и подготовка к нему в 45,0% случаев, наименьшую – общение с преподавателями (10,0%) и отработка практических навыков (19,3%). Студенты первого курса в 28,8% случаев и шестого курсов в 47,1% случаев испытывали тревогу, связанную с боязнью не справиться с будущей профессией. Определенный клинический интерес представляло рассмотрение тревоги первого и шестого курсов в сравнении. Тревога у студентов первого курса объясняется неизвестностью, большим объемом информации, определенными стереотипами, при этом у большинства их них образ врача идеализированный, это все характеризует её абстрактную, экзистенциальную природу. У студентов шестого курса тревога имеет источник в известности, грузе, высокой ответственности, отсутствии практического опыта, что может показывать конкретную, практическую её природу. Таким образом, студенты обоих курсов испытывают тревогу перед будущей профессией, однако её природа сильно отличается. Студенты второго и третьего курсов наиболее часто испытывают тревогу, связанную с нехваткой времени в 42,9% случаев и большим объемом информации в 37,1% случаев.

Наиболее предпочтительными способами, чтобы справиться с тревогой, по мнению студентов всех курсов, являются друзья – 68,6% случаев, спорт – 44,3% слу-

чаев, активная подготовка – 53,8% и пассивный отдых – 61,7%. Принимают «Успокоительные» в 12,4% случаев на младших курсах и 11,4% – на старших. На старших курсах регулярно получают консультацию психолога 4,3% студентов, на младших – 3,8% респондентов. При этом наибольшее количество студентов, принимающих «успокоительные» и посещающих психолога, обучаются на третьем курсе, что составляет 17,0% и 5,7% случаев.

Преобладающее большинство студентов всех курсов: с первого курса 45,7% случаев, со второго 65,7% случаев, с третьего – 60,0%, с четвертого – 61,4%, с пятого – 41,4% и с шестого – 47,1% ($p < 0,05$) считают, что тревога «мешает сосредоточиться и ухудшает результаты». Результаты исследования были неоднородны: студенты первого и второго курсов в 10,0% случаев, третьего курса в 11,4% случаев, четвертого – в 17,0%, пятого – в 24,3%, шестого курса в 22,9% случаев утверждают, что тревога «помогает им мобилизовать силы и улучшает результаты». Также была группа студентов, которая придерживается мнения, что тревога не оказывает существенного влияния на учебный процесс: 32,9% случаев, 12,9% случаев, 18,6%, 18,6%, 21,4% и 20,0% случаев с первого по шестой курс. При этом затрудняются ответить по 11,4% респондентов с первого и со второго курсов, далее по курсам 10,0%, 2,9%, 12,9% и 10,0% случаев.

Большинство опрошенных в 58,0% ($p < 0,05$) случаев со второго по шестой курс научились полноценно справляться с тревогой на младших курсах. Однако, в 8,0% случаев респонденты научились справляться с тревогой только на старших курсах. При этом важно отметить, что группа опрошенных в 31,1% случаев так и не научилась справляться с тревогой, оставляя этот вопрос открытым. Также были единичные случаи, когда студенты никогда не сталкивались с такой проблемой.

Статистическая обработка материала методом корреляционного анализа выявила сильную отрицательную связь (коэффициент корреляции составил $R_{xy} = -1$) между академической успеваемостью и уровнем тревоги у

Таблица 1.

Распределение коэффициента Спирмена по курсам.

Данные по курсу/курсу	II курс	III курс	IV курс	V курс	VI курс
Количество студентов	70	70	70	70	70
Количество студентов со средним уровнем тревоги	7	11	6	9	10
Количество студентов с высоким уровнем тревоги	4	4	8	2	4
Средний уровень успеваемости	3,61	3,96	4,91	4,66	4,41
Коэффициент корреляции Спирмена (R_{xy})	-0,5	-1	-0,5	-1	-0,5
Статистическая достоверность (p)	$p > 0,05$	$p < 0,05$	$p > 0,05$	$p < 0,05$	$p > 0,05$

$$\text{Формула Спирмена: } R_{xy} = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n(n^2 - 1)}$$

студентов: с ростом тревоги, успеваемость строго снижается (таблица 1).

Выводы

Проведенное исследование показало комплексное влияние уровня тревоги на показатели академической успеваемости студентов. Отмечена динамика роста среднего уровня академической успеваемости от 2 курса к 6, что, возможно, связано с постепенной адаптацией к образовательному процессу. Меняется алгоритм подготовки к занятиям от курса к курсу, связанный с выбранным профилем подготовки, с предпочтением опрошенных в пользу подготовки по методическим пособиям, написанным по клиническим рекомендациям, в качестве учебной литературы для студентов и практикующих врачей.

Средний или высокий уровень тревоги был отмечен у студентов как младших, так и старших курсов, при этом у студентов младших курсов чаще отмечались симптомы эмоционального и физического компонентов тревоги, а у студентов старших курсов – когнитивного. Выявлена статистически значимая сильная отрицательная корреляция между уровнем тревоги и показателями академической успеваемости у студентов. Связь между изучаемыми переменными не является линейной и опосредуется рядом психологических факторов. Вы-

явленные конкретные ситуации, вызывающие наибольшую тревогу (сдача и подготовка к экзамену) и тот факт, что большая группа опрошенных (31,1%) так и не научилась справляться с тревогой, требуют проработки саморегуляции эмоциональной сферы.

Таким образом, высокий уровень тревоги выступает устойчивым предиктором снижения учебных результатов. Умеренный ее уровень в предэкзаменационный период демонстрирует мобилизующую функцию у части студентов, способствуя повышению собранности и мотивации к подготовке. Однако этот эффект носит неустойчивый и индивидуально-обусловленный характер.

Результаты, полученные в ходе исследования, не противоречат существующим теоретическим положениям [6, 8].

Повышенная учебная нагрузка по своей природе является долговременным взаимным обязательством студента и преподавателя, и перспективы дальнейших исследований просматриваются в изучении долгосрочного влияния тревоги на профессиональное становление выпускников, а также в разработке и апробации дифференцированных психологических программ поддержки для студентов с различными профилями тревоги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные вопросы преподавания дисциплины "Основы психологии здоровья" для студентов медико-профилактического факультета на кафедре психиатрии ФГБОУ во КубГМУ Минздрава России / Е.О. Бойко, О.Г. Зайцева, Л.Е. Ложникова, В.А. Стрижев // Инновации в образовании : Материалы XI Международной учебно-методической конференции, Краснодар, 24 марта 2021 года. Том 11. – Краснодар: Кубанский государственный медицинский университет, 2021. – С. 55-57. – EDN IMKMSG.
2. Алексеенко С.Н. Цифровая трансформация высшего образования в организации самостоятельной работы студентов медицинского вуза / С.Н. Алексеенко, Т.В. Гайворонская, Н.Н. Дробот // Педагогический журнал. – 2023. – Т. 13, № 11–1. – С. 523–534. – DOI 10.34670/AR.2023.89.28.072. – EDN KACCIO.
3. Ахмадишин Д.Р. Влияние учебной нагрузки на психоэмоциональное состояние студентов-медиков / Д.Р. Ахмадишин, В.С. Григорьева, Д.А. Толмачев // Дневник науки. – 2024. – № 12(96). – EDN FJBUVO.
4. Бобров А.Е. Концепция тревожных расстройств: основные тенденции развития / А.Е. Бобров, Е.В. Усатенко // Социальная и клиническая психиатрия. – 2021. – Т. 31, № 4. – С. 62-70. – EDN QAMMEN
5. Косарева Н.П. Психофизиологические аспекты безопасности образовательной среды у студентов вуза в условиях рейтингового контроля знаний / Н.П. Косарева, О.В. Шверина // The Newman in Foreign Policy. – 2020. – Т. 1, № 52(96). – С. 42-44. – EDN ZWXNIZ.
6. Маслова Т.М. Специфика психических состояний студентов вуза / Т.М. Маслова // V Международный научно-образовательный форум "Хэйлунцзян - Приамурье": Сборник материалов Международной научной конференции, Китай, Цзямусы, 30 мая 2023 года. – Биробиджан: Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, 2023. – С. 202-208. – EDN WSSLXX.
7. Маслова Т.М. Стрессоустойчивость студентов вуза как ресурс их адаптации / Т.М. Маслова // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 107-2. – С. 120-123. – DOI 10.18411/trnio-03-2024-89. – EDN MCOAMC.
8. Минулина А.А. Психоэмоциональное состояние студентов в динамике обучения / А.А. Минулина, И.А. Погонишева // Общество. – 2024. – № 1-3(32). – С. 10-14. – EDN QHZSFB.
9. Миронова О.И. Подходы к изучению экзаменационного стресса у студентов / О.И. Миронова / О.И. Миронова // Педагогика и психология образования. – 2021. – № 1. – С. 159-170. EDN: RPNHZY.
10. Уланова О.И. Влияние психоэмоционального состояния на когнитивные способности студента / О.И. Уланова, Н.Н. Сологуб // Национальное здоровье. – 2024. – № 2. – С. 119-122. – EDN RZJLEW.

11. Эйтенейер Я.И. Профилактика тревожных расстройств / Я.И. Эйтенейер, В.В. Михайлюк, Л.Е. Ложникова // Здоровьесберегающие технологии: опыт современности и перспективы будущего: Материалы III международной научно-практической конференции молодых ученых, Краснодар, 18 декабря 2024 года. – Краснодар: Кубанский государственный медицинский университет, 2025. – С. 156-161. – EDN YIOMBK.

© Ложникова Лариса Евгеньевна (lozhnikova.l.e@gmail.com), Лавриненко Милана Николаевна (milanochka.2021@mail.ru),
Акопов Никита Рудольфович (nikita.akopov2003@yandex.ru), Чичиварихин Сергей Александрович (sergey.chichivarikhin@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБНОВЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Мисбахова Альбина Гаязовна

кандидат философских наук, доцент,
Набережночелнинский институт (филиал) Казанского
федерального университета
dislab@mail.ru

UPDATING HUMANITARIAN TECHNOLOGIES OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

A. Misbakhova

Summary: Humanitarian technologies have always existed as the essence of adaptation, peacemaking, prophetic, and psychotherapeutic practices and professions, based on the development and implementation of communication strategies. They constitute a system of social actions: presentations (communicative messages), manipulations (messages, dramatizations), conventions (dialogues, discussions, performances), and so on.

The actual practice of inculturation and acculturation is today built on technologies of personal identification devoid of authentic content, as M. Epstein repeatedly laments ("The Origins and Meaning of Russian Postmodernism"). "The social price for the experiment with historical consciousness and cultural reality has become the total multi-identity of the individual, so-called Russian postmodernism." M. Epstein is convinced that the era of psychomodern simulations, which emerged in the Byzantine era of Rus', ushered in a history of behavioral "quotations," "fakes," and "deceptions," where an obvious, ostentatious, formalized meaning always conceals a subtler, yet more genuine one.

Keywords: acculturation, humanities, intercultural thinking, assimilation, migrants, ethnic identity, identification.

Аннотация: Гуманитарные технологии существовали всегда как сущность адаптационных, миротворческих, профетических, психотерапевтических практик и профессий, в основе которых лежит разработка и реализация коммуникативных стратегий. Они представляют собой систему социальных действий: презентации (коммуникативные послания), манипуляции (сообщения, инсценировки), конвенции (диалоги, дискуссии, перформансы) и др. Реальная практика инкультурации и аккультурации строится сегодня на технологиях идентификации личности, лишенных аутентичного содержания, о чем неоднократно сетует М. Эпштейн («Истоки и смысл русского постмодернизма»). «Социальной расплатой за эксперимент с историческим сознанием и культурной реальностью стала тотальная полиидентичность личности, так называемый российский постмодернизм». М. Эпштейн убежден, что эпоха психомодерных симуляций, возникнув в феномене Византизации Руси, открыла историю поведенческих «цитат», «подделок», «обманок», где всегда за очевидным, показным формализованным смыслом утаивается неочевидный, но подлинный.

Ключевые слова: аккультурация, гуманитарные технологии, межкультурное мышление, ассимиляция, мигранты, этническая идентичность, идентификация.

Проблема формирования межкультурных технологий

Основной замысел решения об обновлении технологий межкультурной адаптации состоит в разработке методологических оснований для проектирования и внедрения нового направления в научной подготовке гуманитарных технологов и педагогов в сфере межкультурной коммуникации. Разработка программы учебного курса «Формирование межкультурного мышления гуманитарного технолога» обеспечивает дидактические предпосылки для методологически-образовательной реализации общественного запроса на новый (межкультурный) тип гуманитарных услуг в аккультурационных процессах. Современный исследователь аккультурационных феноменов Й. Ким не без основания заметил, что в литературе, посвящённой межкультурным исследованиям, используется множество терминов, определяющих одно и то же явление: адаптация, аккультурация, ассимиляция, приспособление, интеграция [18]. Еще в 2002 году в докладе одного

из международных форумов «Интеграция: карта участников» говорилось об отсутствии общего понимания процесса «интеграции» и способах его измерения [12]. Нередко исследователи используют определения *адаптация, ассимиляция, инкорпорация* (или включение) как синонимы. Между тем для описания адаптационных процессов важно учитывать различия в концепциях ассимиляции, аккультурации и интеграции.

Выделение и понимание гуманитарными технологами аккультурационного содержания (смысла и назначения культуры) важно как проблема овладения социальной перспективой принимающей культуры, которая содержательно повторяется на всем протяжении вне зависимости от тех или иных характеристик той или иной исторической ситуации.

Коммуникативные стратегии аккультурации

Каковы же предпосылки возможности обновления? В условиях культурного кризиса общества и его

Таблица 1.

Факторы концептуального описания адаптационных процессов в поле аккультурации.

№	Теоретический подход	Механизмы адаптации	виды/стратегии адаптации	Активные участники процесса	Результаты адаптации
1	Теории ассимиляции	Цикл расовых отношений: контакт, размещение и ассимиляция [23]. Идея «плавильного котла».	1. аккультурация 2. структурная ассимиляция 3. брачная ассимиляция 4. идентификационная ассимиляция 5. ценностная ассимиляция 6. поведенческая ассимиляция 7. гражданская ассимиляция.	Мигранты, представители прибывшей культуры.	Потеря этнической принадлежности [17]. Приспособление к нормам и представлениям большинства [15],[6]. Переосмысление теории ассимиляции для новой эры иммиграции [7]. Потеря домашней культуры, принятие новых ценностей, языка и, наконец, полная ассимиляция с принимающим большинством [16].
2	Теории этнической идентичности	Постепенное сближение культур. Ассимиляция с нижними социальными слоями принимающей культуры.	Стратегии и аспекты адаптации не выделены.	Обе стороны (принимающая и вновь прибывшая) участвуют в неравной мере.	Сохранение этнической идентичности [8].
3	Теория сегментной ассимиляции	Изменение культурных шаблонов мигрантов, стереотипные ожидания принимающей стороны [13].	1. аккультурация с интеграцией в «белый» средний класс 2. включение в «андер-класс» 3. устойчивая солидарность с иммигрантской общиной [28].	Обе стороны в неравной мере и в разных ролях: мигранты находятся под давлением общественных стереотипов принимающей стороны	«нисходящая ассимиляция» в следующем поколении [27], [26].
4	Теория аккультурации	Выбор позиции в двухмерной матрице «родная культура/чужая культура» Фазы аккультурации: контакт, конфликт и адаптация [11].	1. ассимиляция 2. интеграция 3. сепарация 4. маргинализация	Представители прибывшей культуры Принимающая сторона выступает как «социальный контекст» [10].	Поведенческий сдвиг и культурный шок [9]. Снижение статуса, вероятная культурная несовместимость, снижение чувства собственного достоинства и общей удовлетворенности жизнью [11].
5	Теория кросс-культурной адаптации	Обмен информацией, основанный на принципах – 1. человек – открытая система 2. человек – динамичная и саморефлексирующая система, адаптирующаяся к изменяющейся внешней среде [21]. Фазы процесс: стресс, адаптация, рост [22].	Аспекты адаптации: • психологический • социально-культурный • экономический [20].	«нет двух людей, которые приспосабливаются тождественно» [19]. Типологический раздел отсутствует	Разная степень эмоционального благополучия, связанная с восприятием одиночества, дискриминации, умением взаимодействовать с новым культурным окружением, владением языком, доходом и т.д.
6	Теория гибкой аккультурации Мультикультурализм	Многоэтничность Поликультурная среда Возможность выбора сферы реализации, укрепляющей чувство идентичности [25].	Множественные схемы интеграции и идентификации; Переключение и смешивание культур, чередование принадлежности.	Активность прибывшей группы и та или иная степень активности государственных структур принимающей стороны, - управляемая аккультурация.	Глобальная мультикультура; отчуждение от основной культурной принадлежности; альтернативная идентичность [25].
7	Транснационализм	Одновременная включенность в социальные институты разных стран и территорий, принадлежность и к отправляющей, и к принимающей сторонам.	Двойная идентичность Множественная идентичность, Включенность в несколько социальных контекстов.	Взаимное участие в процессе мигрантов и государственно-правовых структур [3].	Доминирование транснациональных и глобальных процессов над этнической идентичностью [14].

нравственного обновления резко возрастает роль обновления коммуникативных стратегий как в сфере инкультурации, так и аккультурации. Коммуникация как безусловное взаимопонимание участников коммуникации и целевая коммуникация как достижение внешней для коммуникации цели являются стратегиями гуманитарных технологий аккультурационной политики. Разработка и продвижение коммуникативных действий для создания коммуникативных сред (процедур и функций их существования) протекает в системах культурополитики и социокультурного проектирования

Новые коммуникативные процессы (социальные сети, кросс-культурное и межкультурное образование, мягкая межкультурная дипломатия, межкультурные «фабрики мысли») в контексте гуманитарной технологий трансформируют коммуникативное действие и его условия: определяют новые дискурсивные рамки, строят новые коммуникативные среды относительно коммуникативного пространства, производят правила и границы коммуникации, выбор места, способов, средств коммуникации. Межкультурные стратегии могут развиваться внутри некоторого культурного пространства, представляющего его духовность, его смысл истории и его перспективу (мифология, архетипы, национальный характер, ментальность) – внутреннее смысловое пространство, встроенное во множество актуальных контекстов.

Содержание культурного сосуществования может эксплицироваться из герменевтики фольклора, исторического социознания, историософии, культурных интенций и символов, религии, идеологии нарративного дискурса, месседжей политиков, общественного договора.

Технологии мягкого влияния и тонких психологических механизмов применимы к любым культурным группам, если их влияние соотносится с культурно-историческим пространством территории и перспективой. Нравственность гуманитарной технологии интеграции межкультурных интересов заключена в открытости и симметричности, в легальном открытии «закрытых» зон, в разглашении фигур умолчания, в анализе доминирующих концепций влияния культур.

Пути гуманитарного изобретательства

Эпштейн М.Н. – известный филолог и философ, профессор теории культуры (университет Эмори, США), рассматривая пути гуманитарного изобретательства, научного воображения, творческих инноваций, подчеркивает, что современный концептивизм (концептивизм – умножение мыслимых объектов путем создания их альтернатив, вариаций, соперничающих моделей, где всё написанное содержит потенциал ненаписанного, где каждая теория, понятие, термин отбрасывает не-

кую тень, которая при иных условиях освещения могла бы выступить как самостоятельный, первичный объект мышления) – не просто расшатывает понятийный фундамент сложившихся в науке систематик гуманизма, но порождает альтернативы общепринятым теориям и терминам, вводя новые трактовки известных явлений [5]. Эпштейн указывает, что гуманитарные науки изучают человека в областях культурной деятельности, демонстрируя практическую и прикладную пассивность в силу отсутствия технологий [4]. Функции гуманитаристики сведены только к изучению, что исключает реализацию их творческих возможностей. Таким образом, философ ставит проблему обновления конструктивно-практического мышления гуманитарных агентов. Способы обновления методологии гуманитарных наук, по мнению философа, состоят в одновременности перестройки, перекодирования с опорой на помощь Интернета.

Демонстрируя практику порождения культурных новаций в формате дисциплин, концептов, методов на основе изучения сложившихся, Эпштейн трансформирует гуманитарные науки в гуманитарные практики. Прибегнем в качестве иллюстрации данной новации к выдержке из книги Эпштейна:

- рядом с грамматологией, отталкиваясь от нее, возникает скрипторика, которая исследует не письмо само по себе, а человека пишущего;
- рядом с антропологией – техногуманистика и экогуманистика, которые постигают специфику человека как создателя техносреды;
- рядом с экологией – хоррология, которая рассматривает механизмы саморазрушения цивилизации и пути ее сохранения;
- рядом с культурологией – культуроника, как создание новых культурных ценностей и институций [5].

Актуализация меметических «культурных репликаторов»

Одновременно с этим следуя в какой-то мере путем современного естествознания, использующего закономерности исследования мозга при построении моделей органических и ментальных процессов, стратегия Докинза Р. в его концепции эгоистического гена и его расширенного фенотипа актуализирует значимость так называемых эквивалентов гена – «культурных репликаторов», мемов, обеспечивающих передачу информации во времени и пространстве [2].

Определение меметического наследия взаимодействующих культур, обуславливающего возможность продуктивности их культурного диалога, могло бы обеспечить образовательный эффект методологического универсализма принимающих культур в практике межкультурной коммуникации, несмотря на индивидуальные

и групповые различия иностранных культураносителей. Элементарные межкультурные коммуникации уже обнаруживают факт различий ценности качеств личности, так как в каждой из культур складываются аутентичные способы обучения приемлемому поведению, технологиям мышления, культурным формулам и символам представлений о реальности. Тем не менее, программа основополагающих навыков личности при аккультурации идентична программе инкультурации. Это типы общения с другими людьми, формы контроля за собственным поведением и эмоциями, способы удовлетворения основных потребностей, оценочные отношения к различным явлениям окружающего мира. Усвоение культурных норм, ценностей, традиций и обычаев чужой культуры протекает гораздо сложнее, чем своей родной. Имитация-подражание в социологии Т. Парсонса описывается как основной механизм, ответственный за выполнение системой функции удержания культурного образца, обеспечивающего усвоение и сохранение необходимых для самосохранения системы элементов культуры. Ценностные образцы, сохраняемые и транслируемые таким образом, принимают, согласно Т. Парсонсу, форму "коллективных представлений", определяющих желательный, с точки зрения членов общества, тип социальной системы [24]. Ценностные образцы, зафиксированные в коллективных представлениях, то есть являющиеся продуктами общественного консенсуса, легитимируют социальные институты. Гуманитарный технолог аккультурации в процессах межкультурной коммуникации создает, организует и транслирует культурные смыслы, он же изменяет способы трансляции смыслов. Внутри межкультурной коммуникативной технологии гуманитарный технолог аккультурации выступает как агент: ему отводится роль модератора, проектировщика, консультанта, эксперта, сценариста и режиссера. От идеологической работы с сознанием гуманитарный технолог переходит к способности создания содержания выбора, содержания перспективы и развития готовности субъекта смысла к постоянству усилий по поддержанию выбора и перспективы. Таким образом, разработка и реализация коммуникативных стратегий в межкультурной работе по аккультурации способствуют тому, что гуманитарные технологи не индифферентны к экзистенциональному, культурному, этическому содержанию коммуникаций, скрытому в них этосу конвенционализации и солидаризации людей разных культур и его смысловому герменевтизму. Именно герменевтизм этноаутентичных культур как глубинный смысл духовности культураносителей завершает становление человека в качестве результата синтеза биологических, психологических и социальных процессов, способного изобретать особый общественный опыт производства референций смысла и их координации. Неслучайность социокультурных реалий проявляет психологические базовые потребности общества в системе аналогий, параллелизмов, гипотез. В рамках единой синтетической системы анализа культуры психо-

логическая переменная равно взаимосвязана с социологической и культурной переменными в пространстве обычаев, традиций, кластеров привычек, контрольных механизмов поведения (культурных программ). Поэтому гуманитарная технология аккультурации основана на понимании стиля мышления, мотивации и действия людей и их групп, что в образовании позволяет воспринимать, понимать и концептуализировать формы обучения и стимуляции обучаемых; специфику методик обучения, целесообразность содержательных аспектов обучения; формировать учебную методологию на основе психологии понимания; гуманизировать формы учебного процесса, раскрывая человеческий потенциал обучаемых; создавать возможность для всестороннего моделирования преодоления социокультурных проблем познания.

Преимущества обновления гуманитарных технологий

Преимущества обновления гуманитарных технологий в аккультурационном образовании заключаются в создании предпосылок для:

- преодоления слабой и болезненной логики иррациональности, интуитивности, интроверсии, изоляционизма эмоциональностью и эмпатическим отношением к другим в любой социальной ситуации;
- вытеснения привычек к социальным фобиям и неврозам в связи с воображаемыми угрозами;
- генерации идей в социальной сфере, основанных на вере в их культурную особенность и исключительность;
- настроя на устремленность в будущее, на озабоченность «успешного образа жизни» вместо пассивности и апатии при столкновении с реальным препятствием.

Именно для этого актуализируется феномен межкультурного диалога как универсальной технологии, выработанной всеми культурами человечества. Универсализм диалога как со-бытия сознаний, как со-общение личностей для преобразования в бытии чужой культуры начинается с установления диалогических отношений между субъектами межкультурной коммуникации. Диалогика культур при этом превращается не просто в новую ментальную технологию гуманитарного знания, она задает принципы гуманитарной практики взаимодействия культур, так как всегда протекает на фоне их взаимной ответственности [1]. Современная педагогика аккультурации должна взять на себя ответственность по образованию личности в поступке со-мыслия с другим субъектом диалоговых отношений, с другой культурой как с другой логикой осмысления своего уникального мира как фундамента ответственного поступка, слагающегося из со-общения с иными культурными логиками.

Культурная традиция социальных отношений исторически формировалась в каждой из культур как способ культивирования человечности, понимаемой в одних культурах преимущественно заботой о других, в других – заботой о собственном, в третьих – воспитанием доброты и милосердия. При разрыве с культурной традицией как механизмом гуманистического отбора социальное поведение деградирует. Выпадение унаследованных в рамках культурных традиций социальных инстинктов как генетически закрепленных реакций угрожает колоссальным всплеском агрессии. В современном социальном сознании обществ деградируют или уже утрачены механизмы отбора в направлении гуманности и порядочности за исключением врожденного чувства к этим ценностям и усилий религиозных институтов. С этой позиции процесс передачи культуры посредством обучения коммуникации рассматривается с позиции обучающегося, который является активным агентом в развитии культурно структурированных способов мышления и чувствования, имитационного поведения. Понимая социальную успешность как результат эффективности обменных практик, субъект, осуществляющий инокультурную имитацию, ставит своей целью обеспечение её эффективности, в том числе и путем конвертации формально усвоенных ценностно-нормативных представлений, которые рассматривает как вид символического капитала, пригодный для социального обмена. Таким образом, имитация причастности к символическому порядку культуры работает как один из механизмов адаптации к прагматическому контексту повседневности, связывающий цель субъекта – социальный успех – со средствами ее достижения, в качестве одного из кото-

рых выступает формальное следование принятым в обществе ценностно-нормативным представлениям даже при фактической жизни по неформальным правилам.

Национальные риски неэффективности аккультурационных процессов

В эпоху глобальных изменений обществ и культур в знании аккультурации существует пробел, который необходимо заполнить. Рост количества иностранных студентов в образовательных учреждениях Российской Федерации заставляет искать новые методы помощи студентам в адаптации, корни которых прорастают в теориях и практиках аккультурации. В силу сложности изучаемого предмета исследования следует отметить, что теория и практика межкультурной аккультурации представителей различных культур находится на этапе формирования. Как следствие в науке ощущается отсутствие единого подхода как к концептуальным подходам к аккультурации, так и к использованию диагностических средств, позволяющих изучать различные стороны межкультурной адаптации иностранных студентов в условиях обучения в России межкультурной коммуникации. Нам кажется как необходимым, так и неизбежным создание методологических оснований для разработки и внедрения консолидирующего направления в научной подготовке гуманитарных технологов и педагогов в сфере межкультурных коммуникаций. В настоящее время, когда особенно важной проблемой является формирование положительного имиджа России и продвижение русского языка и русской культуры, понятие «русский мир», его традиционная культура, его языки становятся основным полем аккультурации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. М., 1991.
2. Докинз Р. Расширенный фенотип. Дальнее влияние гена Oxford University Press Inc, Нью-Йорк: 1999
3. Мукомель В.И. 2016. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. № 5. С. 69–79.
4. Эпштейн М.Н. Истоки и смысл русского постмодернизма учебное пособие, 2005
5. Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир 2016
6. Alba R. 1990. Ethnic identity: The transformation of white America. New Haven, UK: Yale University Press. 374 p.
7. Alba R., Nee V. 1997. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration // International Migration Review. Vol. 31 (4). P. 826–874.
8. Alba R., Nee V. 2003. Remaking the American mainstream: Assimilation and contemporary immigration. Cambridge. Mass.: Harvard University Press. 359 p.
9. Al-Issa I. 1997. Ethnicity, immigration, and psychopathology. New York: Plenum Press. P. 13–16.
10. Berry J. 2001. A psychology of immigration // Journal of Social Issues. № 57. P. 615–631.
11. Berry J. W. 1980. Acculturation as varieties of adaptation // Berry J. 1997. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology: An International Review. № 46 (1). P. 5–34.
12. Castles S., Korac M., Vasta E., Vertovec S. Integration: Mapping the field. Oxford (UK), University of Oxford, Centre for Migration and Policy Research and Refugee Studies, 2002, pp. 115–118
13. Eldering L. 2005. The Bhojpuri diaspora: A rich field for comparative acculturation research // Psychology and Developing Societies. № 17 (2). P. 237–247.
14. Foner N. 2000. Beyond the Melting Pot Three Decades Glazer N., Moynihan D. 1970. Beyond the Melting Pot, 2nd Edition. Cambridge: The MIT Press, 1970. 363 p.
15. Gans H. J. 1979. Symbolic ethnicity: The future of ethnic groups and cultures in America // Ethnic and Racial Studies. № 2 (1). P. 1–20.
16. Gordon M. 1964. The Nature of Assimilation // Assimilation in American Life. New York: Oxford University Press. Ch. 3. P. 60–83.

17. Handlin O. 1951. The uprooted. Boston, MA: Little, Brown. 333 p.
18. Kim Y.Y. 1988. Communication and Cross-cultural Adaptation: An Integrative Theory. Clevedon, United Kingdom: Multilingual Matters. 232 p.
19. Kim Y.Y. 2001. Becoming intercultural: An integrative theory of communication and cross-cultural adaptation. Thousand Oaks, CA: Sage. 342 p.
20. Kim Y.Y. 2005. Adapting to a new culture: An integrative communication theory // W. Gudykunst (Ed.). Theorizing about intercultural communication. Thousand Oaks: Sage. P. 375–400.
21. Kim Y. Y. 2008. Intercultural personhood: Globalisation and way of being // International Journal of Intercultural Relations. № 32. P. 359–368.
22. Oberg K. 1960. Culture shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. Vol. 7. P. 177–182.
23. Park P. Race and Culture. Glencoe: Free Press, 1950. 456 p.
24. Parsons T. Structure of social action. — NY, Free Press, 1968, Ch. 11)
25. Pieterse J.N. 2007. Global Multiculture, Flexible Acculturation // Globalizations. March. Vol. 4. № 1. P. 65–79.
26. Portes A., Fernandez-Kelly P., Haller W. 2009. The adaptation of the immigrant second generation in America: A theoretical overview and recent evidence // Journal of Ethnic and Migration Studies. № 35 (7). P. 1077–1104.
27. Portes A., Rumbaut R.G. 1996., Immigrant America: A Portrait. Berkeley: University of California Press, 1990. 300 p.
28. Portes A., Zhou M. 1993. The new second generation: Segmented assimilation and its variants among post-1965

© Мисбахова Альбина Гаязовна (dislab@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В СТРУКТУРЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ У ЛИЦ ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА

Мурашкина Елена Алексеевна

Аспирант, ООО «Онлайн Институт СМАРТ»,

Россия, Москва

konnovaeva@gmail.com

THE ROLE OF INTERPERSONAL COMMUNICATION IN THE STRUCTURE OF LIFE SATISFACTION IN MIDDLE-AGED ADULTS

E. Murashkina

Summary: Object: To assess the role of interpersonal communication in the structure of life satisfaction in middle-aged adults using an integral index of interpersonal communication difficulties, and to clarify its association with social-evaluative variables.

Methods: The sample included 177 adult respondents (analytical sample after data quality control). Interpersonal communication was assessed with the Interpersonal Relations Questionnaire (OMO) in its Russian adaptation [6]. Life satisfaction was measured with the SWLS (Russian version with published psychometric evidence) [3; 5] (original scale: [9]). SADS and BFNE were also applied based on Russian validation/approbation studies [1; 4]. The OMO score was computed as the mean across items. Descriptive statistics and Spearman rank correlations were applied.

Findings: The mean OMO score was 2.55 (SD=0.76; Min=1.04; Median=2.56; Max=4.33; N=177). Interpersonal communication difficulties were negatively associated with life satisfaction (OMO×SWLS: $r=-0.35$; $p<0.001$; N=177). OMO was strongly related to social anxiety (OMO×SADS: $r=0.83$; $p<0.001$; N=177) and fear of negative evaluation (OMO×BFNE: $r=0.70$; $p<0.001$; N=177).

Conclusions: Interpersonal communication occupies a statistically meaningful place in the structure of life satisfaction in middle-aged adults: greater interpersonal difficulties are linked to lower life satisfaction and higher social-evaluative vulnerability. No causal claims are made due to the cross-sectional design.

Keywords: interpersonal communication, life satisfaction, middle adulthood, social anxiety, fear of negative evaluation, structure of life satisfaction, OMO, SWLS.

Аннотация: Цель: Оценить роль межличностного общения в структуре удовлетворенности жизнью у лиц зрелого возраста на основе интегрального показателя трудностей межличностного общения и уточнить его соотношение с социально-оценочными показателями.

Методы: Выборка составила 177 взрослых респондентов (аналитическая выборка после контроля качества данных). Межличностное общение измерялось опросником межличностных отношений (ОМО) в русскоязычной адаптации [6]; удовлетворенность жизнью — шкалой SWLS в российской версии с опубликованными психометрическими показателями [3; 5] (оригинальная версия — [9]); дополнительно использовались SADS и BFNE (русские валидации/апробации) [1; 4]. Итоговый показатель ОМО рассчитывался как среднее значение по пунктам шкалы. Применялись описательные статистики и корреляционный анализ Спирмена.

Результаты: Среднее значение ОМО составило 2,55 (SD=0,76; Min=1,04; Median=2,56; Max=4,33; N=177). Выявлена статистически значимая отрицательная связь между трудностями межличностного общения и удовлетворенностью жизнью (OMO×SWLS: $r=-0,35$; $p<0,001$; N=177). Показатель ОМО тесно сопряжен с социальной тревожностью (OMO×SADS: $r=0,83$; $p<0,001$; N=177) и страхом негативной оценки (OMO×BFNE: $r=0,70$; $p<0,001$; N=177).

Выводы: Межличностное общение занимает статистически значимое место в структуре удовлетворенности жизнью у лиц зрелого возраста: более выраженные трудности общения связаны с более низкой удовлетворенностью жизнью и высокой социально-оценочной уязвимостью. Результаты поддерживают рассмотрение межличностного общения как важного структурного компонента удовлетворенности жизнью в зрелом возрасте; причинно-следственные выводы не делаются в силу срезового дизайна.

Ключевые слова: межличностное общение, удовлетворенность жизнью, зрелый возраст, социальная тревожность, страх негативной оценки, структура удовлетворенности жизнью, ОМО, SWLS.

Введение

В зрелом возрасте субъективная оценка удовлетворенности жизнью в значительной степени опирается на устойчивые характеристики повседневного психологического функционирования, включая опыт межличностного общения. В существующих эмпирических исследованиях чаще анализируются отдельные взаимосвязи между психологическими показателями, тогда как место межличностного общения как компонента структуры удовлетворенности жизнью остается недо-

статочно эмпирически проясненным.

Удовлетворенность жизнью рассматривается как когнитивная оценка соответствия жизненных обстоятельств субъективным стандартам и ожиданиям и традиционно измеряется с использованием шкалы Satisfaction With Life Scale, разработанной Э. Динером и соавт. [8; 12]. Данная оценка формируется не изолированно, а в контексте повторяющегося социального опыта, качества значимых контактов и субъективно переживаемого взаимодействия с другими людьми [6; 7].

Межличностное общение в зрелом возрасте представляет собой не столько количественный показатель социальных контактов, сколько субъективно переживаемое качество включенности, эмоциональной безопасности и способности к близости, а также уровень напряжения, избегания и ожидания негативной оценки. Длительное накопление трудностей в сфере общения может выступать фактором хронического психологического напряжения и, в перспективе, снижать общую оценку жизни.

Настоящая статья выполнена в рамках более широкого диссертационного исследования, посвященного анализу роли взрослой привязанности и межличностного общения в структуре удовлетворенности жизнью у лиц зрелого возраста. В данной публикации рассматривается исключительно компонент межличностного общения и его место в структуре удовлетворенности жизнью, а также его сопряженность с социально-оценочными показателями.

Научная новизна и значимость

Научная значимость исследования заключается в рассмотрении межличностного общения не как фоновой социальной характеристики, а как измеряемого психологического компонента структуры удовлетворенности жизнью. Новизна работы состоит в эмпирической демонстрации того, что интегральный показатель трудностей межличностного общения, рассчитанный по шкале ОМО, одновременно статистически значимо соотносится с общей удовлетворенностью жизнью и тесно сопряжен с социально-оценочными конструктами — социальной тревожностью и страхом негативной оценки.

Полученные результаты уточняют психологическое содержание показателя межличностного общения в зрелом возрасте и создают эмпирическую основу для последующего анализа структурных моделей в рамках диссертационного исследования. В пределах данной статьи анализ ограничивается оценкой роли и сопряженности без интерпретации причинно-следственных отношений.

Это имеет практическое значение для психологического консультирования и психотерапии взрослых клиентов, поскольку указывает на необходимость учитывать не только внешние жизненные обстоятельства, но и устойчивые особенности межличностного функционирования при работе с запросами, связанными с неудовлетворенностью жизнью. Кроме того, выявленная тесная сопряженность трудностей межличностного общения с социальной тревожностью и страхом негативной оценки позволяет рассматривать межличностное общение как индикатор более широкой социально-оценочной уязвимости. Это может быть учтено при психологической диагностике, планировании психокоррекционных

программ и разработке профилактических мероприятий, направленных на повышение субъективной удовлетворенности жизнью у лиц зрелого возраста.

Цель исследования

Оценить роль межличностного общения (по интегральному показателю ОМО) в структуре удовлетворенности жизнью у лиц зрелого возраста и уточнить его соотношение с социальной тревожностью и страхом негативной оценки.

Литературный обзор

1. Удовлетворённость жизнью как когнитивная оценка

Удовлетворенность жизнью в современных психологических моделях рассматривается как когнитивная оценка собственной жизни в целом, то есть сопоставление воспринимаемых жизненных обстоятельств с личными стандартами, целями и ожиданиями. Эта логика заложена в классическом определении шкалы Satisfaction With Life Scale (SWLS), где объект измерения — не текущий аффект и не «настроение», а обобщенный оценочный вывод о жизни [8]. В дальнейшем данная трактовка была поддержана и расширена в обзорах развития исследований субъективной оценки жизни, где подчеркивается её относительная устойчивость и связь с глобальными жизненными представлениями, а не только с ситуативными эмоциями [12].

Для отечественного эмпирического поля принципиальным является наличие публикаций, подтверждающих применимость русскоязычной версии SWLS и описывающих её психометрические характеристики. Это позволяет использовать шкалу в исследованиях взрослой популяции как валидный индикатор удовлетворенности жизнью в строгом (оценочном) смысле, что особенно важно для сопоставимости результатов и корректности выводов в рамках диссертационной логики [3].

2. Межличностное общение как психологический компонент зрелого возраста

В зрелом возрасте межличностное общение приобретает особую «психологическую цену»: с одной стороны, усиливается роль устойчивых значимых отношений и социального окружения как источника поддержки; с другой — закрепляются индивидуальные сценарии взаимодействия, формируются устойчивые ожидания и стили поведения в контакте с другими. В рамках жизненного цикла социальная среда и качество контактов становятся не столько «фоном», сколько регулярным источником обратной связи о себе и о собственной жизни, что потенциально влияет на когнитивную жизненную

оценку [7].

Ключевым методологическим шагом данной статьи является то, что межличностное общение рассматривается не как количество контактов, а как субъективно переживаемое качество и трудность взаимодействия. В эмпирическом смысле это означает необходимость инструмента, который фиксирует не разрозненные коммуникативные навыки, а интегральный показатель напряжения, уязвимости, скованности и избегания в межличностном взаимодействии.

В качестве такого инструмента в настоящем исследовании использован опросник межличностных отношений (ОМО) в адаптации А.А. Рукавишникова [5]. Теоретически опросник ОМО соотносится с традицией измерения межличностного поведения, восходящей к FIRO-подходу В. Шутца, где внимание уделяется устойчивым параметрам межличностного функционирования [11]. В российской практике опросник ОМО (далее ОМО) представлен как прикладной диагностический инструмент, что делает его удобным для исследования субъективного качества межличностного общения у взрослых респондентов [5].

3. Социально-оценочные показатели как «контур» трудностей общения

Сами по себе межличностные трудности редко существуют изолированно. Для их психологического содержания принципиально важно, в каком именно контуре они проявляются: это может быть дефицит навыков, отсутствие опыта близости, особенности характера, однако в зрелом возрасте особенно значимым становится социально-оценочный компонент — переживание общения как потенциально опасной ситуации, где существует риск быть отвергнутым, осмеянным, негативно оцененным.

В классической традиции социально-оценочная тревога и избегание измеряются через шкалы, отражающие тенденцию избегать социальных ситуаций и испытывать в них выраженный дискомфорт; одним из базовых источников такой операционализации является работа Watson & Friend [9]. Страх негативной оценки как более «точечный» механизм — ожидание неодобрения, чувствительность к оценке и тенденция интерпретировать взаимодействие через риск оценки — описан в краткой версии шкалы BFNE (Leary) [10].

Для отечественной методологической корректности важно, что имеются публикации и методические материалы, описывающие применение данных конструкторов в российских выборках и психодиагностической практике, включая апробацию инструментов страха негативной оценки и шкал социальной тревожности [1; 2],

а также широкие методические сборники социальной психодиагностики личности и малых групп, где представлены подходы к оценке коммуникативной сферы и социальной тревожности [4].

4. Роль межличностного общения в структуре удовлетворенности жизнью

Теоретическое основание для рассмотрения межличностного общения как компонента удовлетворенности жизнью опирается на представление о базовой человеческой потребности в принадлежности и устойчивых межличностных привязанностях. В фундаментальной работе Baumeister & Leary принадлежность рассматривается как универсальная мотивационная потребность, а качество и устойчивость отношений — как фактор, влияющий на субъективное психологическое функционирование [6].

Если удовлетворённость жизнью понимается как когнитивная интегральная оценка, то регулярный повторяющийся опыт межличностного напряжения — в виде ожидания оценки, избегания, трудности инициативы и небезопасности контакта — закономерно может «встраиваться» в общую оценку жизни. Это не означает причинного влияния в строгом смысле; однако такая логика делает правомерным эмпирический вопрос: занимает ли межличностное общение статистически значимое место в структуре удовлетворенности жизнью, и через какой психологический контур оно с ней сопряжено.

Материалы и методы

Дизайн исследования и место статьи в диссертационном проекте

Исследование выполнено в рамках диссертационного проекта, посвященного анализу роли взрослой привязанности и межличностного общения в структуре удовлетворенности жизнью у лиц зрелого возраста. Настоящая статья имеет фокусированную задачу: представить эмпирическую проверку роли межличностного общения в структуре удовлетворенности жизнью и уточнить сопряженность межличностного общения с социально-оценочными показателями.

Дизайн исследования — срезовой (кросс-секционный), данные собраны методом стандартизированного самоотчета. В силу дизайна и типа данных исследование ориентировано на анализ сопряженности и места показателей в структуре, без выводов о причинно-следственных отношениях.

Выборка

Аналитическая выборка составила **N = 177** взрослых

респондентов. Выборка сформирована после процедур контроля качества данных (см. ниже).

Демографические характеристики (возрастные подпериоды взрослости и др.) в данной статье не анализируются, так как публикация ограничена задачей проверки роли межличностного общения в структуре удовлетворенности жизнью и его сопряженности с социально-оценочными переменными.

Процедура и контроль качества данных

Сбор данных осуществлялся онлайн. Для формирования аналитической выборки применялись стандартные процедуры контроля качества:

- исключение протоколов, где отсутствовали данные, необходимые для расчета ключевых интегральных показателей (для настоящей статьи — ОМО и SWLS);
- контроль корректности диапазонов ответов и вычисленных значений (попадание показателей в допустимые интервалы шкал);
- исключение технических повторов/дубликатов при наличии соответствующих признаков.

После указанных процедур получена аналитическая выборка $N = 177$, использованная для описательных статистик и корреляционного анализа.

Инструментарий

Опросник межличностных отношений (ОМО)

Для оценки межличностного общения использовался ОМО в русскоязычной адаптации А.А. Рукавишникова [5]. В рамках настоящей статьи ОМО рассматривается как инструмент, отражающий интегральную выраженность трудностей межличностного общения, поскольку пункты шкалы в используемой версии имеют однонаправленную проблемную формулировку. Теоретически применение ОМО соотносится с традицией FIRO-подхода к анализу межличностного поведения [11].

Шкала удовлетворенности жизнью (SWLS)

Удовлетворенность жизнью измерялась с использованием SWLS. Концептуальной основой является оригинальная модель Э. Динера и соавт., где шкала измеряет когнитивную жизненную оценку [8]. Применение русскоязычной версии обосновано наличием опубликованных психометрических данных и эмпирических описаний её использования на отечественных выборках [3].

Социальная тревожность и избегание (SADS)

В качестве показателя социального дискомфорта и

избегания использовалась шкала социальной тревожности, концептуально восходящая к модели Watson & Friend [9]. Методологическое основание применения в российском поле поддерживается публикациями и валидизационными исследованиями в отечественных выборках [2], а также апробационными данными по инструментам социальной тревожности и сопряженным показателям [1].

Страх негативной оценки (BFNE)

Для оценки чувствительности к социальной оценке применялась краткая шкала страха негативной оценки (Leary) [10]. В качестве основания для применения в российском контексте использовались данные отечественной апробации краткой версии и близких инструментов социальной тревожности и страха оценки [1; 2], а также методические источники по социально-психологической диагностике [4].

Расчёт показателей

Для шкалы ОМО использовался расчетный лист «ОМО расчет», включающий вычисленные значения по каждому респонденту. В анализ включены только интегральный показатель среднего значения по пунктам (суммарный балл не использовался).

Поскольку используемая версия ОМО однонаправлена, итоговый показатель рассчитывался как:

$$\text{ОМО_mean} = (1/k) \cdot \sum x_i,$$

где k — число пунктов, x_i — балл ответа по i -му пункту.

Выбор среднего значения вместо суммы имеет два методических основания: (1) среднее сохраняет показатель в исходной шкале ответа, что делает интерпретацию прямой («в среднем по пунктам»), (2) среднее менее чувствительно к техническим различиям длины шкалы при сопоставлении результатов и удобнее для последующего анализа интегральных показателей в структуре удовлетворенности жизнью.

Статистический анализ

Статистическая обработка включала:

1. описательные статистики показателя ОМО (M , SD , медиана, минимум, максимум);
2. корреляционный анализ Спирмена (ρ) между ОМО и:
 - SWLS (оценка удовлетворенности жизнью как целевой компонент структуры),
 - SADS и BFNE (социально-оценочный контур трудностей межличностного общения).

Выбор коэффициента Спирмена обусловлен шкаль-

ным характером данных и корректностью ранговой корреляции при анализе монотонных связей между интегральными самоотчетными показателями.

Результаты

1. Описательные характеристики интегрального показателя ОМО

Интегральный показатель трудностей межличностного общения, рассчитанный как среднее значение по пунктам ОМО, в аналитической выборке $N = 177$ имел следующие характеристики: $M = 2,55$; $SD = 0,76$; $Min = 1,04$; $Median = 2,56$; $Max = 4,33$.

Содержательно данный показатель отражает степень, в которой общение переживается как напряженное и требующее усилий: больше избегания, скованности, уязвимости, ожидания отвержения и трудностей инициативы. Соответственно, чем выше значение ОМО, тем ниже субъективное качество межличностного общения.

Широкий наблюдаемый диапазон значений (1,04–4,33) и заметная величина стандартного отклонения указывают на существенную неоднородность межличностного общения у взрослых респондентов: в выборке представлены как участники с относительно свободным и психологически безопасным опытом общения, так и участники с выраженным переживанием межличностного напряжения. Для задач настоящей статьи это принципиально важно: без достаточной вариативности интегрального показателя невозможно эмпирически оценивать его место в структуре удовлетворенности жизнью и его сопряженность с социально-оценочными показателями.

2. Роль межличностного общения в структуре удовлетворенности жизнью (ОМО × SWLS)

Для проверки центрального вопроса статьи была рассчитана ранговая корреляция Спирмена между интегральным показателем ОМО и показателем удовлетворенности жизнью по SWLS. Выявлена статистически значимая отрицательная связь: $\rho = -0,35$; $p < 0,001$ ($N = 177$).

Отрицательное направление связи означает: при росте трудностей межличностного общения уровень удовлетворенности жизнью снижается. По величине коэффициента связь относится к корреляциям средней силы, что позволяет интерпретировать межличностное общение как значимый, но не исчерпывающий компонент структуры удовлетворенности жизнью. Иными словами, межличностное общение «встроено» в оценку жизни статистически значимо, однако удовлетворенность жи-

знью определяется и другими психологическими и жизненными факторами.

В контексте концептуализации SWLS как меры когнитивной жизненной оценки [8; 12] обнаруженная связь уточняет психологический смысл общей удовлетворенности жизнью в зрелом возрасте: повторяющийся опыт напряжения, уязвимости и небезопасности контакта с другими людьми способен систематически сопровождать более низкие значения жизненной оценки.

3. Сопряженность межличностного общения с социально-оценочными показателями (ОМО × SADS; ОМО × BFNE)

Чтобы уточнить, в каком психологическом контуре проявляются трудности межличностного общения, были рассчитаны корреляции ОМО с показателями социально-оценочной уязвимости — социальной тревожностью/избеганием и страхом негативной оценки.

Получены следующие результаты:

- ОМО × SADS: $\rho = 0,83$; $p < 0,001$ ($N = 177$)
- ОМО × BFNE: $\rho = 0,70$; $p < 0,001$ ($N = 177$)

Высокие положительные корреляции указывают, что трудности межличностного общения тесно сопряжены с социально-оценочным переживанием общения как потенциально небезопасного. В психологическом смысле это означает, что интегральный показатель ОМО в исследуемой выборке связан не только с общими трудностями контакта как такового, но и с выраженной компонентой ожидания оценки, дискомфорта в социальных ситуациях и тенденцией избегать их.

Тем самым эмпирически уточняется содержание межличностных трудностей в зрелом возрасте: общение может становиться **психологически дорогим**, то есть требующим повышенного самоконтроля, напряжения и предвосхищения негативной оценки, вместо того чтобы выступать ресурсом.

Обсуждение

1. Интерпретация полученных результатов в контексте задачи статьи

Целью настоящей статьи было оценить роль межличностного общения в структуре удовлетворенности жизнью у лиц зрелого возраста на основе интегрального показателя трудностей межличностного общения (ОМО) и уточнить его сопряженность с социально-оценочными показателями. Полученные результаты позволяют сделать несколько методологически и психологически значимых выводов.

Прежде всего, выявленная отрицательная корреляция между трудностями межличностного общения и удовлетворенностью жизнью указывает на то, что субъективный опыт общения занимает **заметное место в структуре жизненной оценки**. Значение коэффициента корреляции ($r = -0,35$) соответствует связи средней силы, что позволяет интерпретировать межличностное общение как **важный, но не единственный** компонент удовлетворенности жизнью. Это согласуется с современными представлениями о многофакторной природе удовлетворенности жизнью, где когнитивная оценка жизни формируется под влиянием различных сфер функционирования — профессиональной, межличностной, личностной и экзистенциальной [8; 12].

Важно подчеркнуть, что в рамках данной статьи речь идет не о влиянии или детерминации, а именно о **месте показателя межличностного общения в общей конфигурации жизненной оценки**. Использование формулировки «роль в структуре» методологически оправдано с учетом срезового дизайна исследования и корреляционного характера анализа.

2. Психологическое содержание показателя ОМО в зрелом возрасте

Отдельного внимания заслуживает интерпретация самого интегрального показателя ОМО. Используемая версия опросника межличностных отношений включает утверждения, описывающие трудности, напряжение, избегание, уязвимость и страх отвержения в межличностных ситуациях. Таким образом, высокий средний балл по ОМО отражает **не дефицит общения как такового**, а субъективное переживание общения как сложного, напряженного и потенциально небезопасного процесса.

Сильная положительная связь показателя ОМО с социальной тревожностью ($r = 0,83$) и страхом негативной оценки ($r = 0,70$) позволяет уточнить психологический «контур» межличностных трудностей. Полученные данные свидетельствуют о том, что в зрелом возрасте трудности общения тесно сопряжены с социально-оценочной уязвимостью: ожиданием негативной оценки, повышенной чувствительностью к мнению окружающих и тенденцией воспринимать социальные ситуации как источник угрозы [9; 10].

В этом смысле межличностное общение выступает не просто сферой социальных навыков, а пространством, в котором актуализируются более глубокие психологические переживания, связанные с самооценкой, принятием и отвержением. Такой результат хорошо согласуется с классическими моделями потребности в принадлежности и значимости устойчивых социальных связей [6], а также с представлениями о том, что повторяющийся опыт социальной небезопасности может оказывать ку-

мулятивное влияние на субъективное благополучие.

3. Межличностное общение как компонент структуры удовлетворенности жизнью

Полученные данные позволяют рассматривать межличностное общение как **отдельный компонент структуры удовлетворенности жизнью**, а не как вторичную или фоновую характеристику. При этом важно отметить, что обнаруженная связь ОМО с SWLS по величине существенно слабее, чем связи ОМО с показателями социальной тревожности и страха негативной оценки. Это различие в силе корреляций имеет принципиальное интерпретационное значение.

С одной стороны, умеренная связь с удовлетворенностью жизнью указывает на то, что межличностное общение действительно «встраивается» в общую жизненную оценку, но не определяет ее полностью. С другой стороны, очень высокие корреляции с социально-оценочными показателями свидетельствуют о том, что межличностные трудности в большей степени отражают **специфический психологический контекст общения**, чем глобальную оценку жизни в целом.

Таким образом, можно говорить о неодинаковой степени включенности межличностного общения в разные уровни психологического функционирования:

- на уровне социально-оценочных механизмов связь является тесной и прямой;
- на уровне когнитивной оценки жизни — значимой, но опосредованной.

Эта конфигурация результатов подтверждает корректность использования термина «роль в структуре» применительно к межличностному общению и позволяет избежать методологически некорректных выводов о причинности.

4. Методологические ограничения исследования

Полученные результаты следует интерпретировать с учетом ряда ограничений. Во-первых, срезовой дизайн исследования не позволяет делать выводы о направлении причинно-следственных связей между межличностным общением и удовлетворенностью жизнью. Во-вторых, использование исключительно самоотчетных методик может усиливать эффект общей дисперсии метода, что характерно для корреляционных исследований в психологии.

Кроме того, в рамках данной статьи не проводился анализ независимого вклада межличностного общения в удовлетворенность жизнью с контролем других психологических переменных, поскольку такая задача выходит за рамки поставленной цели и относится к следую-

щим этапам диссертационного исследования.

Заключение

В результате проведенного исследования показано, что межличностное общение, измеряемое с помощью интегрального показателя трудностей межличностного общения (ОМО), занимает статистически значимое место в структуре удовлетворенности жизнью у лиц зрелого возраста.

Интегральный показатель ОМО в выборке $N = 177$ характеризуется выраженной вариативностью ($M = 2,55$; $SD = 0,76$; $Min = 1,04$; $Max = 4,33$), что отражает неоднородность субъективного качества межличностного общения в зрелом возрасте. Обнаружена статистически значимая отрицательная связь между трудностями межличностного общения и удовлетворенностью жизнью ($r = -0,35$; $p < 0,001$), что позволяет рассматривать межличностное общение как значимый компонент общей жизненной оценки.

В то же время выявлена высокая сопряженность трудностей межличностного общения с социальной тревожностью ($r = 0,83$; $p < 0,001$) и страхом негативной оценки ($r = 0,70$; $p < 0,001$). Это указывает на то, что межличностные трудности в зрелом возрасте тесно связаны с социально-оценочной уязвимостью и переживанием общения как психологически небезопасного пространства.

Полученные результаты уточняют психологическое содержание показателя межличностного общения и подтверждают его включенность в структуру удовлетворенности жизнью. При этом характер выявленных связей подчеркивает необходимость дальнейшего анализа механизмов и структурных соотношений между межличностным общением, другими психологическими

характеристиками и общей оценкой жизни в рамках диссертационного исследования.

Этические аспекты исследования

Исследование проводилось в соответствии с этическими принципами, принятыми в психологической науке. Участие респондентов было добровольным и осуществлялось на основе информированного согласия. Перед началом исследования участникам сообщалась цель работы, гарантировалась анонимность и конфиденциальность предоставляемых данных, а также возможность прекращения участия на любом этапе без каких-либо негативных последствий. Все данные обрабатывались в обезличенном виде и использовались исключительно в научных целях.

Практическая значимость

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в психологическом консультировании и психотерапии взрослых клиентов. Результаты показывают, что трудности межличностного общения, понимаемые как субъективно переживаемое напряжение и уязвимость в контакте с другими людьми, могут выступать значимым фактором, связанным с общей удовлетворенностью жизнью.

Высокая сопряженность межличностных трудностей с социальной тревожностью и страхом негативной оценки указывает на необходимость учитывать социально-оценочный контекст общения при работе с запросами, связанными с неудовлетворенностью жизнью. Это может быть использовано при диагностике, планировании психокоррекционных программ и разработке профилактических мероприятий, направленных на повышение удовлетворенности жизнью у лиц зрелого возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева И.В., Ениколопов С.Н. Апробация опросников «Шкала социальной тревожности Либовица» и «Шкала страха негативной оценки (краткая версия)» // Национальный психологический журнал. 2016. № 1 (21). С. 31–44.
2. Клименкова Е.Н., Холмогорова А.Б. Валидизация методик диагностики социальной тревожности на российской выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25, № 1. С. 28–39.
3. Елшанский С.П., Ануфриев А.Ф., Камалетдинова З.Ф., Сапарин О.Е., Семёнов Д.В. Психометрические показатели русскоязычной версии Шкалы удовлетворенности жизнью // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 9 (53). С. 444–458. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-9-33.
4. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учеб. пособие. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. 490 с.
5. Рукавишников А.А. Опросник межличностных отношений (ОМО): инструкция. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1992. 47 с.
6. Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation // Psychological Bulletin. 1995. Vol. 117, No. 3. P. 497–529.
7. Carstensen L.L. Social and emotional patterns in adulthood: Support for socioemotional selectivity theory // Psychology and Aging. 1992. Vol. 7, No. 3. P. 331–338.
8. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction With Life Scale // Journal of Personality Assessment. 1985. Vol. 49, No. 1. P. 71–75.
9. Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. Subjective well-being: Three decades of progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125, No. 2. P. 276–302.

10. Watson D., Friend R. Measurement of social-evaluative anxiety // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1969. Vol. 33, No. 4. P. 448–457.
11. Leary M.R. A brief version of the Fear of Negative Evaluation Scale // Personality and Social Psychology Bulletin. 1983. Vol. 9, No. 3. P. 371–375.
12. Schutz W.C. FIRO: A Three-Dimensional Theory of Interpersonal Behavior. New York: Rinehart, 1958. 267 p.
13. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57, No. 6. P. 1069–1081.

© Мурашкина Елена Алексеевна (konnovaeva@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

HAPPY BIRTHDAY, TEACHER

E. Podnebesnaya

Summary: The article highlights the aspects of psychological education of Bert Hellinger, the founder of the method of systemic constellations. The practical example presented in the material illustrates the specifics and possibilities of this therapeutic area.

Keywords: Bert Hellinger, constellations, system constellations method, case description, efficiency evaluation.

16 декабря 2025 года Берту Хеллингеру, подарившему миру удивительный метод расстановок, исполнилось бы 100 лет. Его не стало в 2019 году, но дело его продолжается.

В рамках данной статьи нет необходимости давать описания метода, оно доступно во многих других источниках. Как и нет надобности приводить список статей авторов, успешно использующих метод расстановок Хеллингера в своей практике – он велик. Я хотела бы остановиться на другом аспекте. Широко известно, что Берт Хеллингер был священником и работал в Южной Африке. При этом многие считают, что психологического образования у него не было. Для развенчания этого мифа, ниже привожу информацию о становлении Берта Хеллингера в качестве психотерапевта.

С 10 лет Хеллингер учился в католической школе при монастыре Марианхилл. В возрасте 20 лет он поступил в семинарию в Вюрцбурге (Германия) и стал изучать философию и теологию. Это включало в себя «длительный процесс очищения тела, разума и духа в тишине, изучении, созерцании и медитации» [1]. Примерно в это же время он взял религиозное имя «Суитберт», от которого произошло имя «Берт», под которым он стал известен. К началу 1950-х годов он был рукоположен в католические священники и направлен в Южную Африку в качестве миссионера [2]. Там он продолжил обучение в Университете Питермарицбурга и Университете Южной Африки, где получил степень бакалавра и диплом об университетском образовании, дающий ему право преподавать в государственных средних школах.

В начале 1960-х годов Хеллингер участвовал в серии межрасовых экуменических тренингов, проводимых англиканскими священниками из Северной Америки. Программа была направлена на сближение и сотрудничество между разными религиями. Так произошло

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, УЧИТЕЛЬ

Поднебесная Екатерина Борисовна

кандидат психологических наук, докторант,

МГУ им. М.В. Ломоносова;

психолог, Центр «Открытая реальность»

Eka.pod@yandex.ru

Аннотация: Статья освещает аспекты психологического образования Берта Хеллингера – основателя метода системных расстановок. Представленный в материале практический пример иллюстрирует специфику и возможности данного терапевтического направления.

Ключевые слова: Берт Хеллингер, расстановки, метод системных расстановок, описание случая, оценка эффективности.

его первое знакомство с методом групповой динамики, основоположником которого является немецко-американский психолог Курт Левин. Благодаря этому обучению, Хеллингер усвоил совершенно новый способ заботы о людях, сфокусированный на диалоге, субъективном опыте и самовыражении. Хеллингер рассказывает, как один из инструкторов спросил группу: «Что для вас важнее, ваши идеалы или люди? Чем вы готовы пожертвовать ради другого?». После этого последовала бессонная ночь, в течение которой Хеллингер осознал, что священнослужение перестало быть точным выражением его продолжающегося личностного роста.

В Германию Берт Хеллингер вернулся в 1969 году. Там он познакомился с профессором Клаусом-Петером Деймлингом (Klaus-Peter Deimling), одним из основателей групповых динамик. В то время как в ЮАР групповые динамики уже широко использовались, в Германии эта практика была все еще новой и малоизвестной. Деймлинг пригласил Хеллингера в Бонн в качестве помощника тренера [11].

На первом конгрессе по групповой динамике в Кёльне Берт встретил Рут Кон (Ruth Cohen). Позднее Хеллингер обучался работе в направлении гештальт-терапии у нее, а также у Илариона Петцольда (Hilarion Petzold).

В начале 1970-х годов он изучая классический психоанализ в Венской ассоциации глубинной психологии (Wiener Arbeitskreis für Tiefenpsychologie / Венская ассоциация глубинной психологии) у психоаналитиков Р. Шиндлера и Й. Шакеда. Упомянутая ассоциация стала предшественницей более позднего Австрийского психоаналитического общества. Свое психоаналитическое образование он завершил в Мюнхенском институте психоаналитической подготовки (Münchener Arbeitsgemeinschaft für Psychoanalyse / Мюнхенский институт психоаналитической подготовки). После оконча-

ния института он получил официальный статус практикующего члена ассоциации и также получил лицензию от Баварской медицинской ассоциации на медицинскую практику в качестве психоаналитика.

После психоаналитического обучения в Австрии в 1973 году Хеллингер отправился в Соединенные Штаты (Калифорния), где в течение 9 месяцев проходил обучение у автора теории первичной терапии Артура Янова.

Потом было погружение в недирективную гипнотерапию Милтона Эриксона. Его учителями в этом направлении стали Джеффри Зейг (Jeffrey Zeig), непосредственный ученик Милтона Эриксона и основатель Фонда Милтона Эриксона, и Гандольф Пиппер (Gandalf Pippert), познакомивший Хеллингера с эриксоновскими гипнотическими техниками, являющимися фундаментом моделей НЛП. Самому методу НЛП он обучался у Гундля Кучеры (Gundl Kutschera) [3].

Одним из наиболее значимых факторов, оказавшим влияние на подход Берта Хеллингера, было влияние транзактного анализа Эрика Берна. Работе в транзактном анализе его учили доктор Рюдигер Роголл и Фанита Инглиш (Fanita English). Благодаря Эрику Берну состоялось знакомство со сценарным анализом, что привело Хеллингера к концепции семейных сценариев, функционирующих на протяжении поколений.

Чтение статьи Джея Хейли «Извращенный треугольник» привело к открытию важности семейной иерархии. За этим последовала дополнительная работа в области семейной терапии с Теей Шонфельдер. Провокационная терапия Фрэнка Фарелли оказала значительное влияние, как и поддерживающая терапия, разработанная Иреной Прекоп (Jirina Precor). Также важными были книга Ивана Бозормени-Надь «Невидимые узы» и осознание им скрытых привязанностей, а также необходимость баланса между отдачей и получением в семье.

Завершает это впечатляющее резюме дальнейшее обучение семейной терапии у Рут МакКлендон и Лесли Кадис, на которых, в свою очередь, оказали влияние пионеры семейной терапии Вирджиния Сатир и Иван Босзормени-Надь. Решение Хеллингера работать системно возникло благодаря знакомству с техниками и философией этих выдающихся специалистов по системной терапии, и их влияние всегда заметно во время семейных расстановок [4, 1, 5]. Именно во время обучения у Кадиса и МакКлендона Хеллингер впервые познакомился с зарождающейся формой семейных расстановок, которую он впоследствии развил и усовершенствовал.

В своей терапевтической работе Сатир заметила, что неуравновешенные люди являются продуктом неуравновешенных семей, и часто инициировала диало-

ги между поколениями членов семьи для достижения примирения. Теория Босзормени-Надь об ответственности между поколениями и его книга «Невидимая преданность» укрепили эту идею, и его утверждения о том, что бессознательные правила управляют семьями, несомненно, повлияли на Хеллингера. Краеугольным камнем работы Хеллингера является идея о том, что семьями управляют упорядочивающие силы, иногда называемые порядками любви, и что согласование с этими силами приносит мир и силу всем членам системы. Хеллингер полностью развил эту идею и усовершенствовал процесс использования представителей, заменяющих членов семьи. [6, 7, 8].

Берт Хеллингер, является автором или соавтором более 30 книг. Он много путешествовал в течение последних 30 лет своей жизни, читая лекции, проводя семинары и тренинги по всей Европе, Соединенным Штатам, Южной Америке, России, Китаю, Ближнему Востоку и Японии [9].

В конце я хотела бы привести описание одной расстановки, которую я провела несколько лет назад.

Случай Марины.

На расстановку пришла женщина в возрасте около 50 лет. Условно назовем ее Марина. У Марины есть хобби, она играет в компьютерные игры. Может себе позволить тратить на это время - мужа и детей нет, на работе загрузка небольшая. Свою проблему Марина описывает так: «У меня сложилась какая-то идиотски-абсурдная ситуация. Я играю в игрушку на телефоне. Там куча игроков, альянсы и все такое. Так вот, что-то произошло, и я влюбилась в одного из игроков. Сама в шоке. Проблема, в том, что человек игнорит, а мне это не приятно и вызывает бурю эмоций. Я за неделю на 4 кг. похудела. Я пострадала-пострадала, а потом и думаю, что-то не естественное происходит, так же не может быть и не бывает. Значит это какой-то перенос. Хочу понять, от куда это и как от этого избавиться».

В этот раз на расстановку пришли около 20 человек. Из их числа Марина выбирает и расставляет двух заместителей – заместителя для себя и заместителя для участника компьютерной игры, в которого она влюбилась. Заместителя участника условно назовем Николай. Заместители Марины и Николая стоят друг напротив друга. Заместитель Николая говорит: «Я бы хотел бежать отсюда». Заместитель Марины отвечает: «Сначала мне Николай нравился, но его слова меня обидели. Путь уходит». Заместитель Николая уходит в другой конец зала, стоит спиной к заместителю Марины. Заместитель Марины говорит, что так ее все устраивает, чувствует себя хорошо. Заместитель Николая продолжает: «Кстати, мне кажется сзади меня не женщина,

а здоровый мужик, который меня преследует». Прошу заместителя Николая развернуться лицом. Из зала выбираю заместителя мужчины, про которого говорит заместитель Николая и ставлю его перед заместителем Марины. «Да! Это он!», - говорит заместитель Николая. В это время заместитель Марины уходит в противоположный конец зала. Заместитель неизвестного мужчины остается в центре зала один, он посмеивается и потирает руки. Клиентка, сидящая рядом со мной, комментирует: «Он на дедушку моего похож. Тот был довольно крупным мужчиной. И смех его, и характерный жест руками». Предполагаемый дедушка обводит всех взглядом, другие заместители его не интересуют. Он начинает двигаться по залу: «Я как будто кого-то ищу». Из зала выбираю заместителя того, кого ищет дедушка клиентки. Выбранная фигура пытается уйти от дедушки, он преследует ее, улыбаясь и потирая руки. Спрашиваю клиентку, чтобы это могло значить. Она поясняет, что дедушка работал в военной структуре; высказывает предположения, что речь идет о каких-то рабочих отношениях. Заместитель дедушки соглашается: «Да, как секретарша какая-то. Хорошенькая, нравится мне». Предполагаемая секретарша тоже поддакивает: «Дело не в том, что он крупный мужчина. Он крупный по статусу, я не могу ему отказать, это невозможно». Наблюдаем, как заместитель дедушки ходит по залу за заместителем секретарши. Она ускоряет шаг, а он не торопится, посмеиваясь говорит: «Догоню-догоню». Заместитель секретарши садится на пол: «Мне некуда деться. Спасения нет». Что бы проверить свою гипотезу, из зала выбираю фигуру «самоубийство». Заместителю этой фигуры на ухо говорю, что он замечает. Вслух название этой фигуры не произношу. Заместитель самоубийства подходит к заместителю секретарши, она встает с пола, обнимает его и плачет. Название фигуры говорю вслух для всех. Заместитель дедушки уже не улы-

бается: «Да уж, получается не догнал».

Прошу заместителя Марины подойти к заместителю дедушки. Прошу его повторить фразу: «Это моя история, тебе необязательно ее нести дальше». Заместитель Марины склоняется перед заместителем дедушки. Когда она выпрямляется, заместитель Николая начинает движение в ее сторону. Его движение привлекает внимание заместителя Марины, она смотрит на него, улыбается. Заместители дедушки, секретарши и самоубийства уходят далеко за спину заместителя Марины. Расстановка закончена.

Через пять дней от клиентки пришло письмо: «Про расстановку мою. Вообще атас! За неделю со мной двое подошли познакомиться! А сегодня только среда...». Еще через неделю пришло второе письмо: «Меня просто несет! Причем со страшной скоростью! Как будто в горную речку попала... А вчера просто через дорогу шла и бац мужик пристал познакомиться... Ой!».

Обычно через полгода я запрашиваю у клиента оценку эффективности прошедшей расстановки. Ответ от Марины пришел такой: «Эффективность очень хорошая. Наверное, можно даже 10 поставить. Я уже три раза была у Николая дома. У нас хорошие отношения, но мы иногда ссоримся, из-за игры».

Мы не знаем, действительно ли произошла эта история с дедушкой клиентки. В интервью Норберту Линцу Хеллингер сказал: «Я не убежден, что расстановки всегда раскрывают объективную историческую истину о семье, но они служат надежным ориентиром для принятия конструктивных решений» [10]. Что и подтверждают работы его многочисленных последователей. Светлый образ Берта Хеллингера освещает путь всем нам, кто продолжает его дело. С днем рождения, Учитель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hellinger, B., Weber, G., & Beaumont, H., 1998. Love's hidden symmetry: what makes love work in relationships. Phoenix, AZ: Zeig, Tucker & Theisen.
2. Электронный ресурс. URL: <https://epkaest.com/bert-hellinger-2/#:~:text=In%201969%20Hellinger%20was%20recalled,generations%20and%20in%20family%20relationships> (дата обращения: 18.12.2025).
3. Schneider, J.R. Herzlichen Glückwunsch zum 80ten Geburtstag // Praxis der Systemaufstellung. — 2005. — Heft 2
4. McQuillin, J., & Welford, E., 2013. How Many People Are Gathered Here?
5. Cohen, D.B., 2006. "Family Constellations": An Innovative Systemic Phenomenological Group Process From Germany. The Family Journal: Counselling and Therapy for Couples and Families, 14(3). 10.1177/1066480706287279
6. Satir V, Banmen J, Gerber J, Gomori M. The Satir model: Family therapy and beyond. Palo Alto, CA: Science and Behavior Books; 1991.
7. Boszormenyi-Nagy, I., & Spark, G., 1973. Invisible Loyalties: Reciprocity in intergenerational family therapy. MD USA: Harper and Row.
8. Ulsamer, B., 2008. The Art and Practice of Family Constellations. Heidelberg, Germany: Carl-Auer Systeme Verlag.
9. Джон Харрис. Берт Хеллингер и семейные расстановки URL: <https://www.thesc.net/bert-hellinger-family-constellations-and-the-phenomenon-of-surrogate-perception/#:~:text=Shortly%20after%20his%20return%20to,the%20University%20of%20South%20Africa> (дата обращения: 18.12.2025).
10. Электронный ресурс. URL: <https://www.carl-auer.de/media/carl-auer/sample/LP/978-3-89670-590-7.pdf> Bert Hellinger Die Quelle braucht nicht nach dem Weg zu fragen. 2015 (дата обращения: 18.12.2025).

11. Hellinger, B. In der Mitte des Weges: Ein Gespräch mit Heinrich Breuer, Theo Roos und Wilfried Nelles / Bert Hellinger. — Heidelberg: Carl-Auer-Systeme-Verlag, 1999. — 198 S. — ISBN 3-89670-117-X.

© Поднебесная Екатерина Борисовна (Eka.pod@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА В УСЛОВИЯХ КОНКУРСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ткаченко Сергей Викторович

соискатель, Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта (г. Калининград)
sergeytkachenko78@mail.ru

MENTORSHIP AS A PSYCHO-PEDAGOGICAL MEANS OF DEVELOPING THE COMPETITIVENESS OF COLLEGE STUDENTS IN THE CONTEXT OF COMPETITIVE ACTIVITIES

S. Tkachenko

Summary: The article analyzes the possibilities of person-centered mentorship as a means of developing the competitiveness of college students. The primary focus is placed on the psychological and pedagogical support of students within the context of competitive and olympiad activities, which is regarded as a significant developmental environment. It is concluded that the purposeful implementation by the mentor of a set of pedagogical functions creates the necessary psychological conditions for the development of the future specialist's competitiveness as an integrative personal quality that ensures his professional resilience and success.

Keywords: competitiveness, mentorship, personal factors, college students, competitions and olympiads, psychological and pedagogical support, professional development, motivation, self-efficacy.

Аннотация: В статье анализируются возможности лично-ориентированного наставничества как средства развития конкурентоспособности студентов колледжа. Основное внимание уделяется психолого-педагогическому сопровождению студентов в условиях конкурсно-олимпиадной деятельности, которая рассматривается как эффективная развивающая среда. Делается вывод о том, что целенаправленная реализация наставником комплекса педагогических функций создает необходимые психологические условия для становления конкурентоспособности будущего специалиста как интегративного личностного качества, обеспечивающего его профессиональную устойчивость и успешность.

Ключевые слова: конкурентоспособность, наставничество, личностные факторы, студенты колледжа, конкурсно-олимпиадная деятельность, психолого-педагогическое сопровождение, профессиональное развитие, мотивация, самоэффективность.

Введение

Актуальность статьи обусловлена социальным заказом на подготовку конкурентоспособного специалиста, способного к эффективной профессиональной адаптации и самореализации. В условиях среднего профессионального образования данная задача приобретает особую значимость, так как выпускник колледжа должен в кратчайшие сроки интегрироваться в трудовые отношения, характеризующиеся высокой динамикой и конкурентностью. Традиционно конкурсно-олимпиадная деятельность рассматривается как один из эффективных инструментов развития одаренности и профессиональных компетенций. Однако, ее потенциал в формировании именно личностной конкурентоспособности изучен недостаточно. Конкурентоспособность понимается не как ситуативный успех, а как комплексное личностное образование, развитие которого требует выхода за рамки предметного обучения и обращения к психолого-педагогическим механизмам. В этом контексте актуализируется проблема научного осмысления

роли педагога-наставника, чья деятельность, выходя за классические рамки трансляции опыта, может стать системообразующим фактором личностно-профессионального роста студента в условиях конкурентного взаимодействия.

Цель статьи – теоретическое обоснование и содержательное раскрытие психолого-педагогических функций педагога-наставника в условиях конкурсно-олимпиадной деятельности, посредством которых лично-ориентированный подход воздействует на развитие личностных факторов конкурентоспособности студентов колледжа.

Методы исследования

В работе был применен комплекс теоретических методов научного познания. Для достижения поставленной цели был проведен системный анализ современной научной литературы по проблемам психологии конкурентоспособности, педагогического наставничества и

специфики конкурсной деятельности в системе профессионального образования.

Изложение основного материала статьи

Теоретической основой для понимания процесса развития конкурентоспособной личности служит культурно-историческая теория Л.С. Выготского и психология деятельности А.Н. Леонтьева [4], [7]. Как подчеркивает А.Н. Леонтьев, личность рождается и изменяется в деятельности. В контексте возрастного развития, теория Д.Б. Эльконина позволяет конкретизировать эту мысль: для студента колледжа, находящегося на этапе ранней юности, соревновательная и профессионально-ориентированная деятельность становится ведущей, то есть именно тем психологическим пространством, в котором формируются профессиональное самоопределение и готовность к сознательному саморазвитию [15]. Таким образом, конкурс становится не просто испытанием, а пространством личностного генезиса.

Современный этап развития психолого-педагогической науки характеризуется повышенным вниманием к категории «конкурентоспособность личности». Анализ исследований (Л.М. Митина, С.А. Хазова, Н.А. Дьяченко, Е. В. Токарева и др.) показывает многообразие подходов к ее определению.

Значительный вклад в теоретическое осмысление структуры этого качества внесла Л. М. Митина. В её концепции профессионального развития ядром конкурентоспособной личности выступает развитие трёх интегральных характеристик. Во-первых, это направленность, понимаемая как система доминирующих мотивов и эмоционально-ценностных отношений, которая побуждает личность к деятельности. Во-вторых, компетентность, которая выходит за рамки простой совокупности знаний и умений, включая способность к их практической реализации. В-третьих, гибкость (эмоциональная, поведенческая, интеллектуальная) позволяет личности адаптировать способы поведения, мышления и эмоционального реагирования к изменяющимся условиям [9], [10].

Дальнейшее развитие концепции Л.М. Митиной находит отражение в исследовании Е.В. Токаревой, которая делает дополнительный акцент на адаптивной и гуманистической природе конкурентоспособности. Исследователь рассматривает это качество как комплекс индивидуально-психологических свойств, обеспечивающих личности способность к саморазвитию в изменяющихся и нестандартных условиях. Конкурентоспособный специалист - профессионал, чья успешность и востребованность основаны на устойчивой способности к личностному и профессиональному росту в динамичной среде [13].

С.А. Хазова, акцентируя динамический и интегративный характер феномена, определяет конкурентоспособность как «качество личности, обеспечивающее эффективное взаимодействие в условиях состязательности, достижение успеха» благодаря соответствию требованиям профессии и общества [14, С. 8]. Такой подход смещает фокус с внутренней структуры на её внешнее проявление и социальную востребованность.

Непосредственно в сфере среднего профессионального образования эта позиция находит свое отражение в исследовании Н.А. Дьяченко, которая фокусируясь на будущих специалистах учреждений СПО, рассматривает конкурентоспособность именно как «динамичное личностное образование, выражающееся в совокупности профессионально-личностных качеств», определяющих успешность выпускника в условиях рыночных конкурентных отношений [6, С. 6].

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что, несмотря на различия в терминологии и акцентах, современные исследователи сходятся в понимании конкурентоспособности как сложного, динамичного образования. Оно интегрирует в себе внутренние психологические предпосылки (направленность, гибкость) и внешние, социально-профессиональные проявления (компетентность, востребованность).

Это теоретическое положение находит своё яркое практическое подтверждение в специфической образовательной практике - конкурсном-олимпиадном деятельности студентов СПО. Данный формат давно перестал быть лишь просто демонстрацией умений, превратившись, как справедливо отмечают А.К. Лукина и другие исследователи, в мощный инструмент систематизации знаний и развития творческого потенциала. Более того, он выполняет важную профориентационную и мотивационную функцию, повышая престиж рабочих профессий и формируя установку на непрерывное профессиональное самообразование [8].

С.И. Соловьева предлагает рассматривать конкурсную деятельность в качестве эффективного средства повышения конкурентоспособности студентов учреждений СПО. Она определяет это качество как интегративное образование, формирующееся в процессе развития совокупности способностей, профессионально важных свойств и личностных качеств студента. Этот процесс, по её мнению, обеспечивает формирование высокой степени профессиональной готовности. В результате выпускник приобретает не только потенциальные возможности для достижения успеха в конкурентной среде, но и внутреннюю уверенность в собственных силах, что является фундаментом для дальнейшего карьерного роста и личностной самореализации [12].

Таблица 1.

Функции педагога-наставника в конкурсном-олимпиадном деятельности.

Функция	Содержание
Мотивационная	Формирование у студентов интереса к профессиональному и личностному росту, стремления к успешности
Диагностическая	Выявление индивидуальных способностей, познавательных интересов и профессионального потенциала студентов
Организационная	Планирование подготовки, взаимодействие с администрацией и организаторами
Образовательная	Организация процесса освоения конкурсных и олимпиадных заданий, углубленное изучение отдельных дисциплин
Рефлексивная	Систематический анализ промежуточных и итоговых результатов, коррекция дальнейшей работы

В свою очередь, А.И. Попов и Н.П. Пучков расширяют это понимание, акцентируя коллективно-творческую и индивидуальную природу олимпиадного движения. Они подчёркивают, что это особая созидательная среда, где совместное планирование и индивидуализированная подготовка создают уникальные условия для актуализации результатов обучения и достижения главной цели - подготовки конкурентоспособного специалиста, готового к творчеству [11].

Таким образом, конкурсном-олимпиадная деятельность, безусловно, представляет собой мощную среду для формирования конкурентоспособности. Однако её развивающий потенциал раскрывается не автоматически. Эффективность этой деятельности в значительной степени опосредована качеством психолого-педагогического сопровождения, где ключевой фигурой выступает педагог-наставник. В контексте нашего исследования мы рассматриваем наставничество как личностно-ориентированный процесс психолого-педагогического сопровождения, направленный на максимальное раскрытие потенциала студента в условиях конкурсном-олимпиадной деятельности.

Исследователи подчеркивают многогранность этой роли. Так, Т.А. Борзова указывает, что эффективность наставника напрямую зависит от его личностных качеств, позволяющих транслировать культурные ценности и выстраивать доверительный диалог, что в итоге способствует росту мотивации и укреплению ценностной системы студентов [2].

В контексте нашего исследования особый интерес представляет позиция Д. А. Ардашевой, которая подчеркивает принципиальную важность и высокую ответственность роли педагога-наставника в современной образовательной практике. Исследователь считает, что наставник выполняет ключевую роль в «формировании личности и развитии обучающихся, помогая им осознать свои потребности, интересы, ценности и достижения» [1, С. 118].

Е.А. Дудина определяет стратегическую цель наставничества как создание условий для успешной реализации потенциала наставляемого. Исследователь определяет наставничество «как особый вид педагогической деятельности, характеризующейся интегративностью, основанной на поддержке и сотрудничестве, и направ-

ленной на удовлетворение индивидуальных потребностей её участников» [5, С. 30].

Эта мысль находит развитие в позиции Н.А. Волковой и И.В. Сычевой в том, что наставник целенаправленно создает «ресурсную среду для развития компетенций», обеспечивая доступ к необходимым материалам, оборудованию и экспертному сообществу [3].

Анализ работ, посвященных наставничеству, а также обобщение практического опыта автора статьи позволяют выделить несколько ключевых функций педагога-наставника (см. Таблицу 1).

Представленная систематизация функций педагога-наставника демонстрирует, что его деятельность в конкурсном-олимпиадной деятельности носит целостный и процессуальный характер. Выделенные функции не являются изолированными, а образуют взаимосвязанный цикл психолого-педагогического сопровождения. Этот цикл начинается с диагностики и мотивации, продолжается через организацию образовательного процесса и ресурсной среды и завершается совместной рефлексией, которая, в свою очередь, становится основой для новой диагностики и корректировки траектории.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ и систематизация функций позволяют утверждать, что эффективное наставничество в конкурсном-олимпиадной деятельности представляет собой целостный и многоаспектный процесс. Выделенные функции (мотивационная, диагностическая, организационная, образовательная и рефлексивная) находятся в тесном взаимодействии и взаимодополнении, образуя систему психолого-педагогического сопровождения. Роль педагога-наставника реализуется через комплексное выполнение данных функций, что обеспечивает целенаправленное развитие личностных факторов конкурентоспособности студентов колледжа.

Перспективным направлением дальнейших исследований, на наш взгляд, может послужить изучение специфики электронного (дистанционного) наставничества, его организационных моделей и эффективности применяемого инструментария.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ардашева Д.А. Роль педагога-наставника в современном мире / Д.А. Ардашева // Инновационная наука. – 2023. – №11-2. – С. 117–118.
2. Борзова Т.А. Роль наставника в формировании личностного потенциала студентов / Т.А. Борзова // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – №3 (112). – С. 94 – 97.
3. Волкова Н.А. Наставничество в школе как ресурсная среда для развития компетенций обучающихся / Н.А. Волкова, И.В. Сычева // Академический вестник. – 2022. – № 2 (56). – С. 18–21. Электронная версия. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=bjiido> (дата обращения: 25.12. 2025).
4. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
5. Дудина Е.А. Наставничество как особый вид педагогической деятельности: сущностные характеристики и структура / Е.А. Дудина // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2017. – Том 7. – № 5. – С. 25–36.
6. Дьяченко Н.А. Становление конкурентоспособности будущих специалистов в учреждениях среднего профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Дьяченко Наталия Андреевна. – Волгоград, 2008. – 25 с.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие / А.Н. Леонтьев. – 2-е издание, стереотипное. – Москва: Смысл: Академия, 2005. – 352 с.
8. Лукина А.К. Конкурсная деятельность обучающихся СПО как эффективный способ повышения интереса к получаемой профессии / А.К. Лукина, И.А. Крюкова, Н.И. Степанова, Г.М. Снисарева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 5-1. – С. 132-136.
9. Митина Л.М. Психология развития конкурентоспособной личности. – 2-е изд., стер. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. – 400 с.
10. Митина Л.М. Психология личностно-профессионального развития субъектов образования. — М.; СПб.: Нестор-История, 2014. – 376 с.
11. Попов А.И. Методологические основы и практические аспекты организации олимпиадного движения по учебным дисциплинам в вузе: монография / А.И. Попов, Н.П. Пучков. – Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. – 212 с.
12. Соловьева С.И. Конкурсная деятельность как средство повышения конкурентоспособности студентов учреждений среднего профессионального образования: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Соловьева Светлана Игоревна. – Пермь, 2021. – 214 с.
13. Токарева Е.В. Индивидуально-психологические особенности развития конкурентоспособности личности: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.13 / Токарева Елена Владимировна. – Москва, 2007. – 17 с.
14. Хазова С.А. Развитие конкурентоспособной личности в системе образования: автореф. дис. ... докт. пед. наук: 13.00.01, 13.00.08 / Хазова Снежана Александровна. – Майкоп, 2011. – 60 с.
15. Эльконин Д.Б. Психология развития: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Психология» / Д.Б. Эльконин. – 4-е изд., стер. – Москва: Академия, 2008. – 141 с.

© Ткаченко Сергей Викторович (sergeytkachenko78@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ КАК МЕХАНИЗМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ В СТАРОСТИ

Шагидаева Аза Батрудиновна

Кандидат психологических наук, доцент, АНО ВО
«Российский новый университет» (г. Москва)
asaliya76@mail.ru

COPING STRATEGIES AS A MECHANISM OF PSYCHOLOGICAL ADAPTATION IN OLD AGE

A. Shagidaeva

Summary: The paper examines the application of coping strategies as a mechanism of psychological adaptation in old age using cross-age, interregional, and institutional comparisons as an example. Psychological adaptation of the elderly is a critical factor in social stability in the context of demographic aging in Russia. The study of coping strategies as mechanisms for coping with stressful influences in various sociocultural contexts is of particular importance. The aim of the study was to identify the specifics of coping strategies as mechanisms of psychological adaptation in older people in comparison with middle-aged people, and to determine the influence of regional and institutional factors on the formation of the coping repertoire. Methods: an adapted version of the questionnaire by R. Lazarus and S. Folkman was used. Sample: 333 respondents (201 elderly people aged 60–88 and 132 middle-aged people aged 30–50) from Moscow and Grozny. Nonparametric Mann-Whitney and Wilcoxon tests were used to identify intergroup differences. Results: Significant age differences in coping repertoires were identified: in old age, the use of confrontation and avoidance decreases, but cultural variability remains. Moving to a gerontological center in Grozny disrupts the coping repertoire, while in Moscow, it activates positive reappraisal. Recommendations for the development of differentiated gerontological support programs are proposed. The findings can be applied to the design of gerontological interventions that take into account the regional, sociocultural, and institutional characteristics of adaptation processes in old age.

Keywords: coping strategies, psychological adaptation, old age, gerontological center, psychology of maturity, coping behavior, old age.

Аннотация: В работе рассматриваются вопросы применения копинг-стратегий как механизма психологической адаптации в старости на примере межвозрастных, межрегиональных и институциональных сопоставлений. Психологическая адаптация пожилых людей является критически значимым фактором социальной стабильности в контексте демографического старения России. Особое значение приобретает исследование копинг-стратегий как механизмов совладания со стрессовыми воздействиями в различных социокультурных контекстах. Цель исследования: выявить специфику копинг-стратегий как механизмов психологической адаптации у людей старшего возраста в сравнении с лицами среднего возраста, а также определить влияние региональных и институциональных факторов на формирование копинг-репертуара. Методы: использована адаптированная версия опросника Р. Лазаруса и С. Фолкмана. Выборка: 333 респондента (201 пожилой человек 60–88 лет и 132 человека среднего возраста 30–50 лет) из Москвы и Грозного. Применены непараметрические критерии Манна-Уитни и Уилкоксона для выявления межгрупповых различий. Результаты: выявлены значимые возрастные различия в копинг-репертуаре: в старости снижается использование конфронтации и избегания, но сохраняется культурная вариативность. Переезд в геронтологический центр в Грозном дезорганизует копинг-репертуар, в то время как в Москве активизирует позитивную переоценку. Предложены рекомендации для разработки дифференцированных программ геронтологического сопровождения. Полученные данные могут быть применены в конструировании геронтологических интервенций, учитывающих региональные, социокультурные и институциональные особенности адаптационных процессов в старости.

Ключевые слова: копинг-стратегии, психологическая адаптация, старость, геронтологический центр, психология зрелости, совладающее поведение, пожилой возраст.

Введение

В условиях практически неуклонных тенденций к дальнейшему демографическому старению населения России критически значимым фактором социальной стабильности становятся адаптационные возможности людей старшего возраста. Комплексное и всестороннее исследование механизмов психологического совладания со стрессовыми воздействиями в различных социокультурных контекстах позволяет разработать дифференцированные подходы к геронтологическому сопровождению и помощи.

Старость зачастую рассматривают как кризисный

возраст, однако еще Э. Эриксон [1] показал, что в условиях благоприятного развития личности в этот период постигается мудрость, удается выстраивать комплекс четких приоритетов в социальных отношениях и избирательности в реакции на различные, в том числе проблемные, ситуации. В то же время при неблагоприятных условиях развития личности в этом возрасте многие такие ситуации будут рассматриваться как стрессовые, в результате особую важность приобретает формирование привычных поведенческих паттернов для совладания с ситуацией и преодоления стресса – такие паттерны принято именовать копинг-стратегиями.

Интерес в данном случае приобретают продуктив-

ные копинг-стратегии пожилых людей, также именуемые адаптивными, выступающими одним из ключевых предикторов психологического благополучия пожилого человека и, в конечном счете, его физического здоровья [2]. К копинг-стратегиям данной группы надлежит отнести планирование процедуры разрешения проблемной ситуации и выхода из кризиса с принятием на себя должной ответственности, грамотным поиском поддержки в среде окружения (в первую очередь информационной, а не, например, пассивного сочувствия), позитивным критическим переосмыслением ситуации (например, восприятием проблем как источника улучшений, развитым самоконтролем (в противовес импульсивным поступкам). Неадаптивные копинг-стратегии в старости получили широкое распространение, и включают, помимо прочего, уход от решения проблемы – от дистанцирования до панического бегства, хотя в некоторых ситуациях уклонение от кризиса может нести элементы адаптивности [3; 4]. Конфронтация как часто реализуемая пожилыми людьми копинг-стратегия с учетом фактора активных действий может быть продуктивной, хотя и в заведомо ограниченном числе случаев.

Исследование копинг-стратегий в старости является одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений возрастной психологии в целом и геронтопсихологии – в частности. В основополагающих трудах Р. Лазаруса и С. Фолкмана [5] установлено, что копинг является динамическим процессом, зависящим от когнитивной оценки стрессора и субъективно доступных ресурсов личности. Данное положение остается актуальным и для современных исследований, в которых следует учитывать, что выбор копинг-стратегии определяется не только характером стрессора, но и индивидуальными психологическими ресурсами, возрастом, полом и социокультурным контекстом.

Крупномасштабные исследования, проведенные относительно недавно в период пандемии COVID-19, позволили уточнить возрастные различия в предпочтении копинг-стратегий. Так, в работе [6] на выборке американских пожилых людей было выявлено, что пожилые люди значительно чаще, чем молодые взрослые, используют стратегию позитивной переоценки, тогда как молодые люди чаще прибегают к неадаптивным формам совладания, включая использование психоактивных веществ. Аналогичные результаты были получены в [7] по результатам анализа выборок из разных стран, что указывает на устойчивость данной тенденции.

В исследовании структурированного копинг-репертуара пожилых людей [8] идентифицирован комплекс основных копинг-стратегий: проблемно-ориентированный копинг, поиск социальной поддержки, когнитивная переоценка, а также новые (для периода пандемии и стремительной цифровизации общественных отноше-

ний) стратегии – замещающая деятельность, обработка эмоций и проактивный копинг. Важно отметить, что копинг-стратегия обработки эмоций чаще использовалась лицами позднего среднего возраста в сравнении с пожилыми респондентами (65–74 года) и респондентами старого (75 лет и старше) возраста.

В контексте долгосрочных продольных исследований структура копинг-стратегий проявлялась в исследовании на основе панельной выборки MIDUS (национальная лонгитюдная выборка США для исследования проблем старения), охватывавшая более 2,6 тыс. пожилых участников за более чем десятилетний период наблюдений [9]. Исследователи выделили полифакторную структуру копинга: инструментальное действие, отрицание/деактивацию, позитивную переоценку и сосредоточение на эмоциях. На базовом уровне более зрелый возраст был позитивно связан с использованием трех первых стратегий, тогда как молодые люди чаще прибегали к выражению эмоций. В течение десятилетнего периода наблюдалось общее снижение частоты использования всех стратегий со временем. Вместе с тем позитивная переоценка более резко снижалась у лиц среднего возраста, в то время как остальные стратегии активнее редуцировались в группе пожилых людей.

Значимым направлением исследований в предметной области выступает идентификация культурных различий в выборе копинг-стратегий. В работе [10] проводилось сравнение копинг-репертуара пожилых китайских и американских респондентов, по результатам которого было выявлено, что в коллективистских культурах предпочтение отдается социально-ориентированным стратегиям с акцентом на поиск поддержки в семье и социальной сети, а также избегание открытых конфликтов. В исследованиях Т.Л. Крюковой, проведенных на российской выборке, показано, что в предметной области доминируют именно социально ориентированные стратегии с выраженным акцентом на поиск поддержки и стремление к сохранению гармоничных отношений [11].

Институциональный контекст играет критически важную роль в формировании копинг-репертуара пожилых людей. В работах [10; 12] прослеживается четкая связь между условиями проживания (семейное окружение против учреждения долгосрочного ухода) и успешностью адаптации. Проживание в домах-интернатах и геронтологических центрах сопровождается ограничением автономии и снижением субъективного контроля над ситуацией, что ведет к редукции копинг-репертуара и усилению неадаптивных форм совладания. Однако при наличии позитивного социального окружения и поддерживающей атмосферы в учреждении возможна активизация альтернативных адаптивных стратегий, включая позитивную переоценку.

В современных концепциях психологической устойчивости (в том числе в пожилом возрасте), представленных, в частности, в [13; 14], предлагается интеграция понимания копинга в более широкую систему ресурсов, доступных пожилому человеку. Согласно моделям общей устойчивости, копинг-стратегии функционируют как механизмы активации внутренних и внешних ресурсов в ответ на адверсивные события. Ключевыми ресурсами выступают здоровье, финансовая безопасность, образование, духовность и чувство жизненного назначения. В исследовании [15] показано, что проблемно-ориентированный копинг модулирует отношение между переживанием потери и депрессивными симптомами, особенно у мужчин.

Особое значение для профилактики психических нарушений имеет развитие стресс-менеджмента и когнитивно-поведенческих интервенций у пожилых людей. В исследовании [16] показано, что реализация программ управления стрессом, основанных на принципах обучения различным стратегиям совладания (дыхательные упражнения, решение проблем, использование социальной сети), позволяла привести к снижению уровня кортизола и уменьшению самоотчетов о стрессе, тревоге и депрессивных симптомах у пожилых людей, проживающих в сообществе.

В свою очередь в исследовании взаимодействия между уровнем психологического здоровья и копинг-стратегиями [17] было обнаружено, что низкие уровни устойчивости взаимодействуют с избегающим копингом и эмоционально-ориентированным копингом, приводя к быстрому росту депрессивных симптомов. Это подчеркивает необходимость индивидуализированного подхода к развитию адаптивных стратегий совладания у уязвимых групп пожилых людей.

Экологические модели копинга и адаптации, предложенные в [18], разрабатываемые в контексте социальной изоляции и одиночества пожилых людей, демонстрируют, что и эмоционально-ориентированный, и проблемно-ориентированный копинг используются пожилыми людьми для поддержания устойчивости в условиях социальной депривации, особенно в учреждениях долгосрочного ухода. В цитируемой работе доказана значимость следующих аспектов эмоционально-ориентированного совладания: доверие к персоналу учреждения; позитивная оценка и принятие ситуации; поиск поддержки у семьи, друзей и других пациентов; эмоциональная регуляция; позитивные социальные сравнения.

Таким образом, современное состояние научных знаний о копинг-стратегиях в старости отражает сложную взаимосвязь между возрастом, социокультурным контекстом, состоянием здоровья, доступными ресурсами и выбираемыми формами совладания. Что, в свою очередь, обуславливает необходимость комплексных, дифферен-

цированных подходов к геронтологическому сопровождению, учитывающих специфику региональных, этнических и институциональных факторов адаптации пожилых людей.

С учетом изложенного, сформулирована следующая цель настоящего исследования: выявить специфику поведенческих и когнитивных механизмов преодоления возрастных трудностей у людей старшего поколения, функционирующих в различных пространственных и институциональных условиях – в мегаполисе средней полосы России и в кавказском регионе, а также в домашних условиях и в условиях стационарного геронтологического обслуживания.

На достижение поставленной цели направлены следующие исследовательские задачи:

- провести сравнительный анализ преобладающих моделей совладающего поведения у пожилых индивидов и лиц зрелого возраста, выявить конвергентные и дивергентные тенденции в их копинг-репертуаре;
- исследовать региональную вариативность выбора копинг-стратегий среди пожилых людей, проживающих в Центральном регионе (Москва) и на Северном Кавказе (Грозный);
- определить влияние институционального фактора на формирование копинг-репертуара у пожилых людей, сравнив особенности совладающего поведения в домашних условиях и в геронтологических центрах.

Материалы и методы

Для измерения копинг-репертуара использовалась адаптированная Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтык версия опросника Р. Лазаруса и С. Фолкмана, валидизированная на российской выборке [11]. Для выявления межгрупповых различий применялись непараметрические критерии Манна-Уитни и Уилкоксона, учитывающие ненормальное распределение данных.

Выборка исследования включала 333 респондента: 201 человека пожилого возраста (60–88 лет) и 132 респондента среднего возраста (30–50 лет). Среди пожилых участников 102 москвича (52 проживали в семьях, 50 – в геронтологическом центре) и 99 жителей Грозного (50 в семейном, 49 в институциональном контексте). Средний возраст пожилых респондентов составил 67,3 года, лица среднего возраста – 41,2 года.

Результаты и обсуждение

Возрастная динамика копинг-репертуара

Полученные эмпирические данные свидетельствуют о минимальных когнитивно-поведенческих изменени-

ях в период перехода от зрелости к старости. В московской выборке наблюдается значительное снижение конфронтационных реакций. В то время как лица зрелого возраста активно инициируют или поддерживают межличностные конфликты для достижения цели, пожилые москвичи используют данную стратегию существенно реже (выявлены статистически значимые отличия между двумя возрастными группами при уровне значимости $p \leq 0,001$). Аналогичная тенденция прослеживается по стратегии избегания: от чаще нее отказываются пожилые москвичи ($p \leq 0,001$), что указывает на снижение применения неадаптивных форм поведения в старости.

В грозненской выборке единственной стратегией, демонстрирующей значительный возрастной дифференциал, стало планирование решения проблем – его использование сокращается в пожилом возрасте на 34% ($p \leq 0,01$). Что вызывает особую тревогу, поскольку данная стратегия относится к наиболее продуктивным формам совладающего поведения.

Региональная вариативность

Анализ межрегиональных различий позволил выявить четкую закономерность. В то время как в зрелости региональные диспропорции в копинг-стратегиях значимы, в старости – они сглаживаются.

Среди лиц зрелого возраста (см. Рис. 1) между москвичами и жителями Грозного выявлены значимые различия по половине копинг-стратегий: москвичи

чаще применяют конфронтацию ($p \leq 0,001$) и избегание ($p \leq 0,01$), реже – дистанцирование ($p \leq 0,01$) и самоконтроль ($p \leq 0,05$).

В пожилой когорте межрегиональные различия сохраняются только по двум стратегиям: пожилые москвичи реже используют дистанцирование ($p \leq 0,001$) и чаще – планирование решения проблем ($p \leq 0,001$) по сравнению с пожилыми жителями Грозного.

Влияние институционального контекста

Переезд в геронтологический центр у респондентов из выборки по г. Москве приводит к минимальной трансформации копинг-репертуара. Выявлены только два значимых отличия: резиденты центра чаще используют позитивную переоценку стрессора ($p \leq 0,05$) и склонны принимать ответственность за ситуацию (тенденция при $p = 0,067$). В мегаполисе адаптация к новым условиям сохраняет привычные формы совладающего поведения и активизирует проблемно-ориентированные стратегии.

В Грозном, где характерны тесные родственные связи, институционализация вызывает глубокие трансформации копинг-репертуара (см. Рис. 2). Резиденты геронтологического центра реже применяют дистанцирование ($p \leq 0,05$), самоконтроль ($p \leq 0,05$), поиск социальной поддержки ($p \leq 0,05$) и позитивную переоценку ($p \leq 0,001$), но чаще используют неадаптивную стратегию избегания ($p \leq 0,05$). Это указывает на деструктивное влияние разрыва семейных связей в коллективистской культуре.

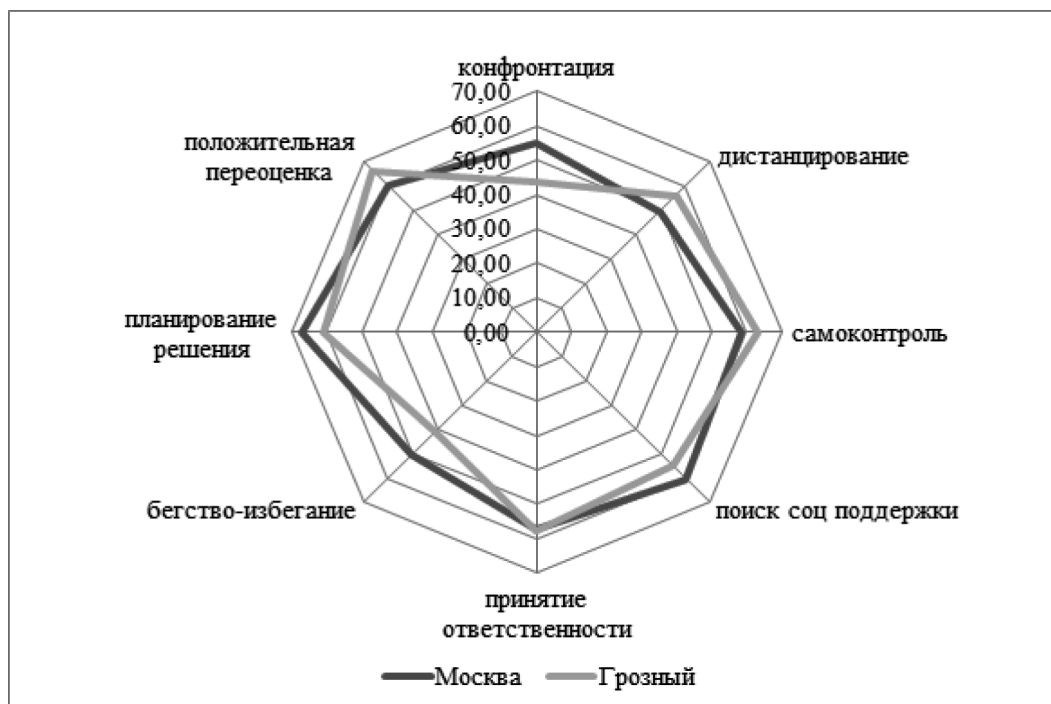

Рис. 1. Копинг-стратегии лиц зрелого возраста, проживающих в Москве и Грозном
Источник: Составлено автором по результатам исследования

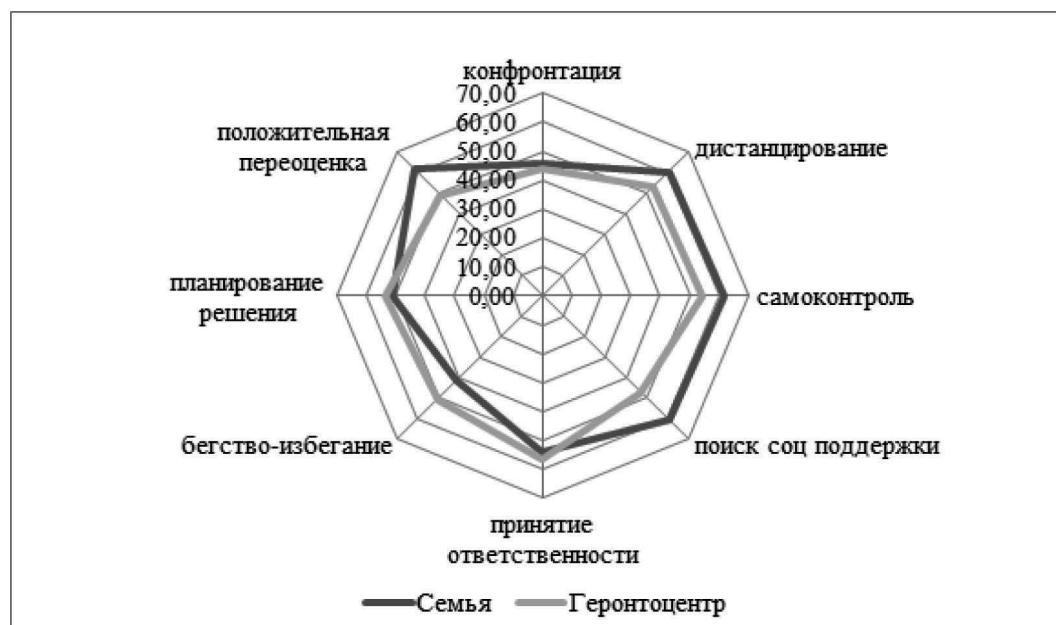

Рис. 2. Копинг-стратегии пожилых жителей Грозного, проживающих в семьях и геронтологическом центре
Источник: Составлено автором по результатам исследования.

Полученные данные подтверждают предположения о контекстуальной детерминации копинг-репертуара в старости. В московской выборке наблюдается «плавная» адаптация к институционализации через усиление когнитивных стратегий, тогда как в грозненской выборке – «кризисная» дезорганизация копинг-поведения. Региональные различия в зрелости отражают культурные нормы: москвичи демонстрируют индивидуалистические стратегии, жители Грозного – коллективистские. В старости существующие различия сглаживаются, но не исчезают полностью, что указывает на влияние как культурных, так и универсальных возрастных механизмов.

Рекомендации

На основе полученных результатов исследования могут быть предложены нижеследующие практико-ориентированные рекомендации для разработки дифференцированных программ геронтологического сопровождения.

1. Индивидуализация копинг-тренингов в зависимости от региональной принадлежности и институционального контекста. Программы развития адаптивных копинг-стратегий должны учитывать региональные особенности восприятия контроля и эффективности активных действий. В регионах, где наблюдается снижение проблемно-ориентированного копинга в позднем возрасте, рекомендуется делать акцент на развитии стратегий эмоциональной регуляции, позитивной переоценки и поиска социальной поддержки. В то же время у пожилых людей, сохраняющих высокий уровень активности и контроля, следует развивать природные склонности к планомерному решению

проблем, создавая соответствующие условия для их реализации.

2. Разработка и комплексная реализация специализированных программ адаптации при переводе в учреждения долгосрочного ухода. В рамках геронтологических центров, соответствующие программы должны включать: предварительное консультирование и информирование о психологических особенностях, направленные на обеспечение реалистичной оценки предстоящих изменений пожилым человеком; поддержку процесса установления контактов с другими резидентами геронтоцентра центра до переезда; гарантии возможности поддержания регулярного контакта с членами семьи; создание условий для сохранения прежних видов деятельности и интересов во всех возможных случаях.
3. Усиление роли социальной поддержки как буфера против дезадаптации в учреждениях. Поскольку полученные, в том числе в настоящем исследовании, данные указывают на компенсаторное увеличение поиска социальной поддержки у пожилых людей в геронтологических центрах, рекомендуется: развивать институциональные системы наставников и групп поддержки среди клиентов геронтоцентров; подготавливать персонал для осуществления функции эмоциональной поддержки, помимо чисто медицинских функций; организовывать регулярные мероприятия, способствующие установлению доверительных отношений между персоналом и клиентами; создавать условия для волонтерской деятельности членов семей и общественных организаций.

4. Развитие навыков позитивной переоценки и когнитивной переструктуризации у пожилых людей. Учитывая, что позитивная переоценка является наиболее используемой адаптивной стратегией в позднем возрасте, рекомендуется разработать специализированные программы когнитивно-поведенческого обучения, которые помогают пожилым людям: переосмысливать проблемные ситуации с позиции личностного роста и мудрости; развивать благодарность и признание важности социальных и духовных аспектов жизни; находить смысл в повседневных действиях и взаимоотношениях; использовать воспоминания и жизненный опыт как источник мудрости для помощи другим и конструирования идентичности. Реализация таких программ может быть осуществлена в геронтоцентрах, комплексных центрах социального обслуживания и др.
5. Проведение комплексных интервенций в рамках управления стрессом у пожилых людей в амбулаторных условиях. С учетом материалов современных исследований, показывающих эффективность программ управления стрессом, рекомендуется расширить доступность таких программ в обществе, включая реализацию: групповых программ обучения дыхательным упражнениям и методам релаксации; тренингов по развитию навыков решения проблем; программ увеличения физической активности как компонента управления стрессом у пожилых людей; групповых занятий, позволяющих пожилым людям обмениваться опытом совладания.
6. Учет культурных различий в профилактике депрессии и тревожности у пожилых людей. Полученные данные о региональных различиях в предпочтении копинг-стратегий указывают на необходимость разработки культурно-чувствительных подходов к профилактике психических нарушений в старости. В коллективистских культурах следует делать особый акцент на семейно-ориентированных интервенциях, поддержке интеграции в социальные группы и уважении традиционных ценностей. Реализация соответствующих направлений включать: семейные консультации, направленные на обсуждение проблем адаптации пожилых членов семьи; поддержку традиционных форм взаимопомощи в рамках расширенной семьи и соседства; интеграцию религиозных и духовных ресурсов в регионах и территориях, где имеется необходимость в соответствии с культурными ценностями и традициями.
7. Мониторинг и профилактика неадаптивного копинга в группах риска. Рекомендуется разработать системы раннего выявления пожилых людей, которые склонны к неадаптивным формам совладания (избегание, дистанцирование), особенно в

условиях учреждений долгосрочного ухода. Для таких групп следует организовывать: первичные интервенции в форме психологического образования и поддерживающего консультирования; групповые терапевтические программы, направленные на развитие альтернативных стратегий; при необходимости – индивидуальное сопровождение специалистом.

Качественная и результативная реализация комплекса представленных рекомендаций требует интеграции усилий различных служб (медицинских, социальных, культурных), а также обеспечения надлежащей подготовки специалистов к работе с пожилыми людьми и расширения долгосрочного финансирования программ развития адаптивного потенциала пожилого населения.

Заключение

В работе выявлена следующая специфика поведенческих и когнитивных механизмов преодоления возрастных трудностей у людей старшего поколения, функционирующих в различных пространственных и институциональных условиях – в мегаполисе средней полосы России и в кавказском регионе, а также в домашних условиях и в условиях стационарного геронтологического обслуживания:

- наблюдается устойчивость репертуара психологического совладания как сквозной характеристики жизненного цикла развития. На протяжении перехода от среднего возраста к старости (при условии домашнего проживания) не фиксируется кардинальная трансформация поведенческих и когнитивных реакций на стрессовые воздействия. Это свидетельствует о консервативности копинг-системы, которая, будучи сформирована на протяжении предшествующих жизненных этапов, сохраняет свою структурную целостность несмотря на возрастные изменения;
- обнаруживается четкая возрастная динамика в географической вариативности копинг-стратегий. В то время как в зрелом возрасте москвичи и северокавказское население демонстрируют существенно дифференцированные паттерны совладания, отражающие различия в культурных нормах и социальном контексте, то в пожилом возрасте (при условии преимущественно семейного образа жизни) выявляется выраженная тенденция к конвергенции копинг-репертуаров. Нивелирование региональных различий в старости указывает на действие универсальных возрастных механизмов адаптации, превосходящих по силе влияния культурно-территориальные факторы;
- наиболее значимой находкой исследования являются контрастные адаптационные траектории при переходе в условия геронтологического учреж-

дения в зависимости от региональной принадлежности. В урбанистическом контексте (Москва) институционализация сопровождается сохранением привычных копинг-механизмов и активизацией адаптивных (проблемно-ориентированных и когнитивно-реструктурирующих) стратегий, что свидетельствует о относительно мягком характере жизненного переходного периода. Напротив, в кавказском регионе (Грозный), где семейные связи являются фундаментальным социальным институтом, переезд в геронтологический центр инициирует дезорганизацию копинг-поведения, сопровождающуюся сокращением адаптивных и активизацией неадаптивных (в частности, избегающих) стратегий. Данный диссонанс отражает глубокую культурологическую рассогласованность

между индивидуальной жизненной историей пожилого индивида, сформированной в контексте коллективистских ценностей, и новой институциональной средой.

По результатам исследования идентифицирована необходимость применения дифференцированного подхода к разработке геронтологических программ. Для мегаполисов целесообразно усиление проблемно-ориентированных тренингов, для кавказского региона – сохранение семейных связей и адаптация копинг-интервенций к коллективистской культуре. В условиях геронтологических центров необходимо создавать условия для поддержки социальных контактов и развития автономии резидентов, особенно в регионах с традиционной семейной ориентацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эриксон, Э. Детство и общество [Текст] / Э. Эриксон. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.
2. Рассказова, Е.И. Копинг-стратегии в структуре личностного потенциала [Текст] / Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – С. 267-299.
3. Carver, C.S. Assessing coping strategies: A theoretically based approach [Text] / C.S. Carver, M.F. Scheier, J.K. Weintraub // Journal of Personality and Social Psychology. – 1989. – Vol. 56. – P. 267-283. – URL: <https://psycnet.apa.org/fulltext/1989-17570-001.html> (дата обращения: 01.12.2025).
4. Frydenberg, E. Teaching Coping to adolescents: when and to whom? [Text] / E. Frydenberg, R. Lewis // American Educational Research Journal. – 2000. – Vol. 37. № 3. – P. 727-745. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.3102/00028312037003727> (дата обращения: 01.12.2025).
5. Folkman S. et al. Appraisal, coping, health status, and psychological symptoms //Journal of personality and social psychology. – 1986. – Vol. 50. – No. 3. – P. 571. – URL: <https://psycnet.apa.org/journals/psp/50/3/571.html?uid=1986-19792-001> (дата обращения: 01.12.2025).
6. Birditt K.S. et al. Age differences in stress, life changes, and social ties during the COVID-19 pandemic: Implications for psychological well-being. – DOI 10.1093/geront/gnaa204 //The Gerontologist. – 2021. – Vol. 61. – No. 2. – P. 205-216. – URL: <https://academic.oup.com/gerontologist/article/61/2/205/6042828> (дата обращения: 01.12.2025).
7. Bernabe-Valero G. et al. Individual differences facing the COVID-19 pandemic: the role of age, gender, personality, and positive psychology. – DOI 10.3389/fpsyg.2021.644286 //Frontiers in psychology. – 2021. – Vol. 12. – P. 644286. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.644286/full> (дата обращения: 01.12.2025).
8. Kurth M., Igarashi H., Aldwin C. Coping strategies used by late-midlife and older adults during the covid-19 pandemic. – DOI 10.1093/geron/igae098.2328 // Innovation in Aging. – 2024. – Vol. 8. – No. Suppl 1. – P. 713-714. – URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11691269/> (дата обращения: 01.12.2025).
9. Kurth M.L. et al. Longitudinal changes in coping strategies across midlife and older adulthood: findings from the midlife in the United States study. – DOI 10.1080/13607863.2024.2396066 //Aging & Mental Health. – 2025. – Vol. 29. – No. 3. – P. 423-434. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13607863.2024.2396066> (дата обращения: 01.12.2025).
10. Shaw W.S. et al. A cross-cultural validation of coping strategies and their associations with caregiving distress. – DOI 10.1093/geront/37.4.490 //The Gerontologist. – 1997. – Vol. 37. – No. 4. – P. 490-504. – URL: <https://academic.oup.com/gerontologist/article-abstract/37/4/490/611083> (дата обращения: 01.12.2025).
11. Крюкова, Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы [Текст] / Т.Л. Крюкова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 62 с.
12. Lima G.S. et al. Resilience in older people: a concept analysis. – DOI 10.3390/healthcare11182491 //Healthcare. – MDPI, 2023. – Vol. 11. – No. 18. – P. 2491. – URL: <https://www.mdpi.com/2227-9032/11/18/2491> (дата обращения: 01.12.2025).
13. Jacob B.A. et al. A Multidimensional Perspective on Resilience in Later Life: A Systematic Literature Review of Protective Factors and Adaptive Processes in Ageing. – DOI 10.3390/geriatrics10060154 //Geriatrics. – 2025. – Vol. 10. – No. 6. – P. 154. – URL: <https://www.mdpi.com/2308-3417/10/6/154> (дата обращения: 01.12.2025).
14. Szanton S.L. et al. CAPABLE for People After Hospitalization: A Randomized Trial. – DOI 10.1111/jgs.70116 //Journal of the American Geriatrics Society. – 2025. – URL: <https://agsjournals.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/jgs.70116> (дата обращения: 01.12.2025).
15. Jung Y.H. et al. The effects of an online mind-body training program on stress, coping strategies, emotional intelligence, resilience and psychological state. – DOI 10.1371/journal.pone.0159841 //PloS one. – 2016. – Vol. 11. – No. 8. – P. e0159841. – URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0159841> (дата обращения: 01.12.2025).
16. Richer M.J. et al. Increasing stress resilience in older adults through a 6-week prevention program: effects on coping strategies, anxiety symptoms, and cortisol levels. – DOI 10.3389/fpsyg.2024.1499609 //Frontiers in Psychology. – 2025. – Vol. 15. – P. 1499609. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2024.1499609/full> (дата обращения: 01.12.2025).

-
17. Park C.L. et al. Emotional regulation and coping strategies predicted trajectories of anxiety across the first year of the COVID-19 pandemic. – DOI 10.1080/09638237.2024.2426978 //Journal of Mental Health. – 2025. – Vol. 34. – No. 4. – P. 372-381. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09638237.2024.2426978> (дата обращения: 01.12.2025).
 18. Wister A. et al. Resilience applications to social isolation and loneliness in older adults: a scoping review to develop a model and research agenda. – DOI 10.3389/fpubh.2025.1589781 //Frontiers in Public Health. – 2025. – Vol. 13. – P. 1589781. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/public-health/articles/10.3389/fpubh.2025.1589781/full> (дата обращения: 01.12.2025).
-

© Шагидаева Аза Батрудиновна (asaliya76@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ УВЕЛИЧЕНИЯ РЕСУРСНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Янина Марина Сергеевна

Аспирант, Саратовский национальный
исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
mary.yanina2014@yandex.ru

DIFFERENTIATION OF FAMILY LIFE SITUATIONS IN THE CONTEXT OF INCREASING PARENTAL RESOURCES

M. Yanina

Summary: Family life situations characterized by parents' high level of stress from their parental role, feelings of hopelessness, and a loss of control over their own lives, highlight the issue of sufficient resources to address the challenges posed by the current life situation.

The purpose of the study is to differentiate family life situations in the context of increasing parental resources. The study is based on the concept of A.N. Tatarko's socio-psychological capital of an individual, which reflects the availability of internal resources and allows an individual to adapt to the social environment by taking an active life stance and establishing positive relationships in interaction groups.

The article differentiates stressful, crisis and difficult life situations based on their causes and objectives, and identifies areas where parents can increase the quantity and quality of their resources for effective functioning in there in-groups.

Keywords: the socio-psychological capital of a parent, stressful situations, crisis situations, difficult life situations, child with limited adaptation, parental competence, resource provision.

Аннотация: Ситуации жизни семьи, которые отличаются наличием у родителей высокого уровня стресса от выполнения родительской роли, чувства безысходности и ощущения утраты чувства контроля над собственной жизнью, актуализируют проблему достаточности ресурсного обеспечения для решения задач, обусловленных складывающейся жизненной ситуацией.

Целью исследования является дифференциация жизненных ситуаций семьи в контексте увеличения ресурсного обеспечения родителей. В основе исследования лежит концепция социально-психологического капитала личности А.Н. Татарко, который отражает наличие внутренних ресурсов и позволяет личности адаптироваться в социальной среде, занимая активную жизненную позицию и устанавливая позитивные отношения в группах взаимодействия. В статье проведена дифференциация стрессовых, кризисных и трудных жизненных ситуаций по причинам их возникновения и целевой направленности, обозначены сферы увеличения количества и повышения качества имеющихся у родителей ресурсов для эффективного функционирования в ингруппах.

Ключевые слова: социально-психологический капитал родителя, стрессовые ситуации, кризисные ситуации, трудные жизненные ситуации, ребенок с ограниченными возможностями адаптации, родительская компетентность, ресурсное обеспечение.

Введение

Ситуация жизни семьи, в которой растет ребенок с ограниченными возможностями адаптации, предъявляет повышенные требования к родительской компетентности, предполагающей не только наличие, но и ежедневное применение знаний о направлении и содержании развития ребенка на разных возрастных этапах, готовность родителя к осуществлению различных видов деятельности, реализацию эффективной коммуникации, эмпатического взаимодействия с ребенком, постоянные усилия по пониманию, принятию и регулированию собственного эмоционального состояния и эмоций ребенка, организацию системной совместной и самостоятельной деятельности ребенка, направленной на его развитие, обучение и социализацию, что вкупе с выраженными ограничениями возможностей социальной адаптации ребенка и постоянно возникающими трудностями, обусловленными особенностями его развития, создает условия для возникновения психоэмоционального истощения родителя.

Отечественными и зарубежными исследователями отмечается хроническое стрессовое состояние у родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями адаптации (ОВА) [1;2;3;4]. Сравнительное исследование особенностей проживания стресса и стрессоустойчивости родителей детей с ОВА и родителей детей, не имеющих ограничений в адаптации, выявило, что большинство родителей детей с ОВА отличают следующие проявления:

1. Большой уровень стресса от исполнения родительской роли, меньшая удовлетворенность собой как родителями, свойственность чувства отчужденности и потери контроля над собственной жизнью.
2. Затрата большого ресурса по преодолению негативных психологических состояний.
3. Частое чувство беспомощности и безысходности в негативных ситуациях [5].

Для обозначения ситуаций жизни семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями

адаптации, в научном дискурсе используются понятия «стрессовая ситуация», «кризисная ситуация» и «трудная жизненная ситуация», которые похожи между собой по наличию выраженной негативной эмоциональной составляющей. Однако не представлено дифференциации данных видов ситуаций, которая позволила бы выделить специфику каждой из них и обозначить сферы повышения качества и увеличения количества имеющихся у родителей ресурсов для снижения уровня эмоционального напряжения, восстановления самооценки, возвращения чувства контроля над собственной жизнью и выстраивания взаимодействия в различных социальных группах.

Целью исследования является дифференциация жизненных ситуаций семьи в контексте увеличения ресурсного обеспечения родителей.

Методология и методы исследования

Методологической основой исследования выступает концепция социально-психологического капитала личности А.Н. Татарко, которая позволяет его рассматривать, как сбалансированный и системно организованный ресурс социально-психологических отношений личности к ингруппе, как целостному субъекту, а также к отдельным представителям ингруппы и аутгрупп, способствующий повышению благополучия личности и увеличивающий ее возможности в достижении различных целей [6].

Основными теоретическими методами исследования выступают метод анализа, позволяющий осуществить научную рефлексию и провести дифференциацию жизненных ситуаций семей, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями адаптации, и метод интерпретации, направленный на выявление сфер увеличения количества и повышения качества имеющихся у родителей ресурсов для эффективного функционирования в ингруппах.

Теоретический анализ жизненных ситуаций семьи и возможностей наращивания ее ресурсного обеспечения

Ситуация информационной, эмоциональной и социальной депривации родителя, воспитывающего ребенка с ограниченными возможностями адаптации актуализирует необходимость восстановления психологического благополучия родителя и достаточности ресурсного обеспечения его жизнедеятельности. В жизненных ситуациях, с которыми сталкиваются родители, воспитывающие ребенка с ОВА, нередко именно семья становится единственной поддерживающей сферой жизни, дающей силы для преобразования ситуации [7]. Построение гармоничных взаимоотношений в семье и реализация роди-

тельских компетенций в условиях хронического психоэмоционального напряжения актуализируют значимость социально-психологического капитала родителя.

Социально-психологический капитал – это «сбалансированная система социально-психологических отношений личности с окружением, группами членства и социумом в целом» [6, С. 59]. В научном дискурсе часто встречается термин «социальный капитал», который отражает «резервуар отношений», к которому прибегают участники отношений. Отличие социально-психологического капитала от социального капитала в том, что он используется не для аккумуляции отношений, а для «выстраивания объективных и позитивных по своей валентности социально-психологических отношений» [6, С. 57], что обуславливает адаптацию и благополучие личности.

Помимо функции адаптации родителя к социальной среде, социально-психологический капитал личности:

- регулирует поведение человека в социальной группе, делая его более продуктивным по отношению к группе, а группу более успешной;
- предоставляет личности возможность пользоваться групповым ресурсом, что способствует возникновению чувства психологической защищенности и психологического благополучия;
- позволяет человеку создавать благоприятную социально-психологическую атмосферу в группе, облегчающей достижение целей и позволяющей реализовывать более широкий спектр видов активности и достигать более высокой личной продуктивности [6, С. 63-64].

Иными словами, актуализация социально-психологического капитала родителя необходима для успешности, продуктивности семьи, воспитывающей ребенка с ОВА, в реализации широкого спектра видов активности и поддержания чувства психологического благополучия всех акторов социально-психологического пространства семьи.

Необходимость реализации широкого спектра видов активности с ребенком, выстраивания позитивных взаимоотношений в ингруппах, повышенная потребность в эмоциональной поддержке возникают у родителей вследствие жизненной ситуации семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями адаптации, которая вызывает чувства неподконтрольности и безысходности.

В научном дискурсе встречаются разные дефиниции в отношении проживания семьей различного рода трудностей и стрессовых обстоятельств жизни: стрессовые ситуации [8], кризисные ситуации [9;10], трудные жизненные ситуации [11;12]. Однако в основе увеличения ресурсных возможностей родителей в каждой из перечисленных ситуаций лежат разные методы, обусловлен-

ные причинами, лежащими в их возникновении, и целями, на которые они направлены.

При кризисной ситуации, - под которой понимается ситуация невозможности реализовывать внутренние необходимости своей жизни, - переживания вызываются борьбой против невозможности жить как раньше (причина), а целью является смысловое принятие бытия и восстановление возможности реализации внутренних жизненных потребностей [13].

Причинами стрессовой ситуации, - рассматриваемой, как «неспецифической реакции организма на ситуацию, которая требует большей или меньшей перестройки организма для того, чтобы адаптироваться к изменившимся условиям» [14, С. 2], - исследователи называют резкие перемены в жизни (необязательно неприятные), усталость, болезнь [14], оценку степени угрозы и наличия собственных ресурсов для ее нейтрализации [15], то есть несоответствие имеющихся у человека ресурсов интенсивности потребности в перестройке организма для того, чтобы адаптироваться к изменившимся условиям жизни, а целью - восстановление нормального функционирования организма в связи с возросшими требованиями к его функционированию, независимо от вида причин и их модальности.

Трудные жизненные ситуации, - понимаемые как обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности человека, последствия которых он не может преодолеть самостоятельно [16], - включают в себя аспекты и стрессовой, и кризисной ситуаций, но отличаются от них длительностью интенсивного воздействия и ограниченностью возможностей по их контролю и преобразованию [11]. Совокупность субъективных представлений человека о возникшей ситуации, возможностях ее трансформации и способах выхода из нее выделяют в качестве сущностных характеристик трудной жизненной ситуации [12]. Снижение возможностей контроля и влияния на длительно существующие стрессовые ситуации приводит к формированию позиции «выученной беспомощности», что ведет к пассивности и снижению эмоционального фона настроения [17], поэтому действия родителей целесообразно направлять на активизацию субъектной позиции в повседневной жизни, чему будет способствовать постоянное наращивание собственных ресурсов. Таким образом, причиной возникновения трудной жизненной ситуации является длительность интенсивного воздействия с ограниченностью возможностей по его контролю и преобразованию, а целью – возвращение возможностей контроля и влияния на длительно существующие стрессовые ситуации.

Во всех трех рассматриваемых видах ситуаций выделяется значимость наращивания возможностей в следующих сферах социально-психологического простран-

ства родителей:

1. в когнитивной сфере - смысловое принятие бытия или обеспечение бытия смыслом [13]; изменение оценки степени угрозы и наличия собственных ресурсов для ее нейтрализации [15], а также субъективных представлений о ситуации и возможностей ее преобразования [12], коррекция стиля объяснения человеком причин своих неудач по параметрам устойчивости, генерализации и персонификации [18];
2. в регуляторной сфере - контроль возникающих мыслей, эмоций, своего образа жизни, следование выработанной стратегии и умение вовремя остановиться для внесения корректив в имеющиеся программы действий;
3. в коммуникативной сфере - умение обратиться за помощью и поддержкой в трудные моменты жизни, поделиться с другими своими переживаниями, а также прийти на помощь нуждающемуся [19].

Иными словами, повышается требование к достаточности когнитивных, личностных и социально-психологических ресурсов родителя, составляющих его социально-психологический капитал. Согласно А.Н. Тартарко, социально-психологический капитал можно рассматривать только на индивидуальном уровне анализа, поскольку он принадлежит субъекту и используется для выстраивания отношений в обществе, причем уровень социально-психологического капитала личности взаимосвязан с уровнем субъектности личности [6, С.61]. Специфика социально-психологического капитала субъекта заключается в том, что он «является отражением внутреннего социально-психологического ресурса личности, который принадлежит индивиду и помогает ему сформировать и использовать внешний ресурс как внутри групп, к которым он принадлежит, так и у себя лично» [6, С.69].

Вопрос психологического ресурса активно рассматривается в различных отраслях психологической науки и представлен в нескольких авторских определениях. В данном исследовании мы будем придерживаться определения ресурсов, предложенного Н.Е. Водопьяновой, под которым понимаются «внутренние и внешние переменные, способствующие психологической устойчивости в стрессогенных ситуациях; это эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и поведенческие конструкты, которые человек актуализирует для адаптации к стрессогенным/стрессовым трудовым и жизненным ситуациям» [20, С. 290].

Когнитивный ресурс (по В.Н. Дружинину) или интеллектуальный потенциал (по Д. Ушакову) лежит в основе рефлексии, коррелирует с уровнем субъективного контроля, и, наряду с рефлексией, относится к 6 интегральным характеристикам, лежащим в основе субъектности, как системного качества и делающим человека активным, регулиру-

щим и определяющим собственную деятельность [21].

Возможности регуляторной сферы, проявляющиеся в контроле поведения на всех уровнях (когнитивном, эмоционально-волевом и поведенческом), относятся к личностным ресурсам, наряду с разнообразными свойствами, чертами, установками личности, оказывающими влияние на регуляцию поведения в напряженных ситуациях жизнедеятельности и отраженные в качествах самоконтроля, самооценки, в чувстве собственного достоинства, мотивации и т.д. [22].

Исследования Т.В. Корниловой показали, что интеллектуально-личностный потенциал является условием регуляции любого выбора человека, в том числе выбора копинг-стратегий, и способствует высокой толерантности в ситуации неопределенности [23]. И.А. Кибальченко выделяет в структуре интеллектуально-личностного ресурса когнитивно-смысловой компонент, - основной функцией которого является «оперативная переработка и оценка текущей информации о внутренних и внешних ресурсах, в результате чего происходит присвоение субъектом нового опыта, интеграция разных форм опыта на понятийном и рефлексивном уровнях» [24, С. 63], - от развития которого зависит интенсивность и эффективность действий субъекта, как во внутреннем, так и во внешнем планах [24].

Коммуникативный потенциал родителей относится к группе социально-психологических ресурсов, которые благодаря действию социально-психологических механизмов привязанности к значимым Другим и «буферного эффекта социальной поддержки», смягчают стрессовое воздействие, повышают адаптивные копинг-стратегии в стрессовых ситуациях, оказывают влияние на физическое и психологическое благополучие [25;26;27], оказывают влияние на познавательную активность и развитие у взрослых людей на протяжении жизни [28]. Само осознание того, что можно рассчитывать на поддержку других, увеличивает позитивное поведение и повышает благополучие за счет снижения уровня стресса [29].

Несмотря на то, что родители с их личным потенциалом – главный ресурс семьи, потенциал их взаимодействия определяет социальный потенциал семейной группы, то есть возможности содержательного обогащения межличностных отношений, а также синергический эффект индивидуальных личностных потенциалов всех участников семейного взаимодействия [6]. «Мы-группа выступает своеобразным ресурсом личности, помогая ей...справляться с теми или иными жизненными обстоятельствами, находясь при этом внутри контекста принятия, заботы и защищенности, поддерживая психическое здоровье и выстраивая позитивную жизненную перспективу» [30, С. 19]. Социально-психологический потенциал малой группы представляет собой совокупность

социально-психологических факторов, которые определяют возникновение дополнительных сил у акторов данной группы [31], интеграции индивидуальных резервов и аккумуляции (постепенного накопления регуляторных возможностей) ее социально-психологических резервов [32]. Иными словами, когнитивные, личностные и социально-психологические ресурсы родителей обладают способностью к сохранению и накоплению в процессе социально-психологического взаимодействия в семье.

Социально-психологический капитал включает в себя два базовых измерения - готовность личности к участию в социальном обмене внутри определенной группы, в нашем случае это семья, и наличие внутреннего ресурса личности, благодаря которому она может выстраивать отношения взаимной помощи и взаимной поддержки со своим окружением [6, С.70].

Актуализация социально-психологического капитала родителя обусловлена:

- сформированностью гражданской идентичности, - эмоционально-когнитивного тождества с обществом, - которая создает психологическое чувство общности у представителей одного общества: «взаимное доверие людей, формирующееся на основе единой и позитивной гражданской идентичности, является системообразующим фактором» социально-психологического капитала личности [6, С.76]. Гражданская идентичность позволяет жить вместе и строить отношения с людьми, которые отличаются между собой по ценностям, религии и культурным особенностям, на основе взаимного доверия. Умение доверять является индивидуальным ресурсом субъекта, поскольку обеспечивает легкость в налаживании социальных взаимоотношений и увеличивает вероятность получения доверительного отношения со стороны других людей;
- включенностью родителя в жизнь общества посредством вовлеченности в различные организации, клубы и ассоциации. Это способствует более глубокой интеграции личности в общество и формированию психологического чувства общности и гражданской идентичности на его основе;
- идентификацией со своей собственной группой, в нашем случае со своей семьей, что позволяет родителю чувствовать свою причастность к тем ресурсам, которые накоплены в группе. Глубина включенности в деятельность своей группы показывает степень ощущения личностью своего ресурса отношений, основанных на взаимной поддержке и готовности использовать его в процессе кооперации с целью изменений той социальной среды, в которой она находится;
- субъективной оценкой помощи, которую родитель может потенциально получить благодаря сети сво-

их социальных связей. В силу проективного характера ожидаемого объема помощи от друзей и родственников и восприятия поведения других людей в качестве помогающего поведения хорошо репрезентируются социально-психологические отношения родителя со своей социальной группой.

Полагаем, что восстановление психологического благополучия родителя, воспитывающего ребенка с ограниченными возможностями адаптации, и увеличение ресурсного обеспечения семьи, определяющего возникновение дополнительных сил у акторов семейной группы, возможно при овладении родителем «ресурсонакапливающими технологиями» [33]. Как отмечает С.А. Калашникова, принцип «консервации» ресурсов предполагает способность человека получать, сохранять, увеличивать и перераспределять ресурсы, что позволяет адаптироваться к условиям окружающей среды [34].

Необходимость овладения ресурсонакапливающими технологиями обусловлена большим расходом ресурсов при преодолении негативных психологических состояний родителями, воспитывающими ребенка с ограниченными возможностями адаптации. Семья, как малая социально-психологическая группа, позволяет родителям наращивать и накапливать:

- когнитивные ресурсы в контексте перестройки неадаптивных установок, выработки четкого плана действия и формировании позитивного мировоззрения;
- личностные ресурсы - в увеличении возможностей управления своими психическими состояниями, самообразования новых ресурсных состояний, активизации идентичности и заботы о собственном эмоциональном благополучии;
- социально-психологические ресурсы - в обеспечении поддержки в хроническом стрессовом состоянии, психологически благоприятного климата семьи, атмосферы психологической безопасности во взаимоотношениях с окружающими людьми, социальной интеграции, следовании нормам поведения, принятым в той этнической общности, к которой принадлежит семья, и выработке семейных традиций.

Овладение родителями ресурсонакапливающими технологиями отражается на качестве реализации родительской компетентности, увеличивая степень свободы в выборе стратегии и тактики поведения в ситуациях взаимодействия с ребенком, и в сохранении родителями психо-

логической устойчивости и активной жизненной позиции.

Выводы

1. Значимость ресурсного обеспечения родителей, особенно категории родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями адаптации, актуализируется в ситуациях жизни семьи, отличающихся высоким уровнем выраженности негативных эмоциональных состояний у родителей на протяжении длительного периода времени.

2. Жизненные ситуации семьи, отличающиеся выраженной негативной эмоциональной составляющей, в зависимости от причин возникновения и целевой направленности можно поделить на стрессовые, кризисные и трудные жизненные ситуации. Причиной возникновения стрессовых ситуаций является несоответствие имеющихся у человека ресурсов интенсивности потребности в перестройке организма для того, чтобы адаптироваться к изменившимся условиям жизни, кризисных ситуаций - невозможность жить, как раньше, а трудных жизненных ситуаций - длительность интенсивного воздействия с ограниченностью возможностей по его контролю и преобразованию. Для нивелирования стрессовой ситуации необходимо восстановление нормального функционирования организма в связи с возросшими требованиями к его функционированию, кризисной ситуации - смысловое принятие бытия и восстановление возможности реализации внутренних жизненных потребностей, трудной жизненной ситуации - возвращение возможностей контроля и влияния на длительно существующие стрессовые ситуации.

3. Дифференциация стрессовых, кризисных и трудных жизненных ситуаций по причинам их возникновения и целям, на которые они направлены, позволяет «точечно» подходить к восстановлению эмоционального благополучия, возвращению чувства контроля над собственной жизнью и увеличению ресурсных возможностей родителей.

4. Накоплению когнитивных, личностных и социально-психологических ресурсов родителей способствует овладение ресурсонакапливающими технологиями, что отражается на адаптации к наличной жизненной ситуации, выстраивании взаимоотношений в интропках, основанных на доверии и взаимной поддержке, увеличении социально-психологического потенциала семьи и результативности интеракции родителей с детьми в разных сферах взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левченко И.Ю., Ткачева В.В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии. Москва: Просвещение, 2008. – 239 с.
2. Заплетина О.О. Социально-психологические и социально-демографические факторы родительского стресса: анализ зарубежных источников / О.О. Заплетина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Том 8. – № 6.
3. Гостунская Я.И. Совладающее поведение родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья / Я. И. Гостунская / Психологи-

- ческое благополучие современной семьи. Материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. - Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2016. - С.41-44.
4. Scorgie K., Wilgosh L., Sobsey D. The experience of transformation in parents of children with disabilities: Theoretical considerations // *Developmental Disabilities Bulletin*. - 2004. - Vol. 32. - № 1. - P. 84-110.
 5. Романовская А.Ю. Формирование стрессоустойчивости родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, как направление психолого-педагогического сопровождения в дошкольных образовательных организациях / А.Ю. Романовская // *Студенческий научный форум 2024. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции*. - Пенза, 2024. - С. 224-227.
 6. Татарко А.Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. - Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. - 384 с.
 7. Дружинин В.Н. Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. Москва, Санкт-Петербург: PerSe, ИМАТОН, 2000. - 135 с.
 8. Эмоциональный стресс и пограничные нервно-психические расстройства: [сборник статей] / под редакцией Г.К. Ушакова и Б.Д. Карвасарского. - Ленинград: Ленинградский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, 1977. - 165 с. - (Труды психоневрологического института имени В.М. Бехтерева; Т. 82.).
 9. Зеер Э.Ф. Личностно ориентированное профессиональное образование: теория и практика / Э.Ф. Зеер // *Повышение академического уровня учебных заведений на основе новых образовательных технологий: тезисы докладов Российской научно-практической конференции по инновациям в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании, 24-28 ноября 1997 г. г. Екатеринбург. В 3 ч. Ч. 1 / Урал. гос. проф.-пед. ун-т. - Екатеринбург: Издательство УГПУ, 1997. - С. 60-63.*
 10. Холмогорова А.Б. Установка на поддержку субъектной позиции ребёнка и посттравматический рост у родителей детей с ОВЗ / А.Б. Холмогорова, А.И. Сергиенко, А.А. Герасимова // *Культурно-историческая психология*. - 2020. - Т. 16. - № 1. - С. 13-24.
 11. Битюцкая Е.В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями / Е.В. Битюцкая // *Вестник Московского университета*. - Сер. 14. - «Психология». - 2011. - № 1. - С. 100-111.
 12. Каргина А.Е. Особенности представлений обучающихся выпускных курсов о трудных жизненных ситуациях в будущей профессиональной деятельности и о способах их преодоления / А.Е. Каргина, И.С. Морозова, З.В. Крецан // *Психолого-педагогические исследования*. - 2021. - Том 13. - № 1. - С. 117-130.
 13. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) Москва: Издательство Московского университета, 1984. - 200 с.
 14. Осипова А.А. Справочник психолога по работе в кризисных ситуациях. - Ростов н/Д: Феникс, 2006. - 315 с.
 15. Lazarus R.S. Stress, Appraisal, and Coping / R.S. Lazarus, S. Folkman. - New York: Springer Publishing Company, 1984. - 456 p.
 16. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (ред. от 28.11.2025).
 17. Seligman M.E., Maier S.F. Failure to escape traumatic shock. *Journal of Experimental Psychology*. - 1967. - May. - 74 (1). - p. 1-9. - DOI: 10.1037/h0024514.
 18. Селигман М. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. Москва; Киев: София, 2006. - 367 с.
 19. Hobfoll S.E. Stress, culture, and community: The Psychology and Philosophy of Stress. - New York: Plenum, 1998. - 296 p.
 20. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. - Москва [и др.]: Питер, 2009. - 329 с.
 21. Кузнецова М.Д. Перспективы разработки малопараметрических моделей субъектности в психологии / М.Д. Кузнецова / *перспективные направления психологической науки*. - Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. - С. 204-231.
 22. Рогозян А.Б. Стресс-устойчивость в контексте теоретического конструкта психологических ресурсов личности / А.Б. Рогозян // *Вестник Адыгейского государственного университета*. - Педагогика и психология. - 2011. - Сер. 3. - № 1. - С. 140-145.
 23. Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в стратегиях совладания / Т.В. Корнилова // *Вестник московского университета. Серия 14. Психология*. - 2010. - № 1. - С. 46-57.
 24. Кибальченко И.А. Особенности когнитивно-смыслового компонента интеллектуально-личностного ресурса студентов / И.А. Кибальченко, Т.В. Эксакусто, О.Н. Истратова, Е.В. Голубева // *Вестн. БДПУ*. - Серия 1. - 2019. - № 2. - С. 62-67.
 25. Argyle M. The Psychology of Happiness. - New York: Taylor & Francis, 2001. - 288 p.
 26. Diener E., Seligman M. Very Happy People // *Psychological Science*. - 2002. - January. - V. 13. - № 1. - P. 81-84. - DOI: 10.1111/1467-9280.00415.
 27. Myers D.G., Diener E. The pursuit of happiness // *Scientific American*. - 1996. - May. - V. 274. - № 5. - P. 70-72. - DOI: 10.1038/scientificamerican0596-70.
 28. Feeney B.C., Van Vleet M. Growing through attachment: The interplay of attachment and exploration in adulthood // *Journal of Social and Personal Relationships*. - 2010. - March. - V. 27. - № 2. - P. 226-234. - DOI: 10.1177/0265407509360903.
 29. Chay Y.W. Social support, individual differences and well-being: A study of small business entrepreneurs and employees // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. - 1993. - V. 66. - № 4. - P. 285-302.
 30. Рязузова Е.В. Психологические риски интрагруппных взаимодействий / Е.В. Рязузова // *Ученые записки*. - 2011. - Т. 4. - Сер. Психология. Педагогика. - № 2 (14). - С. 18-22.
 31. Золотов А.Б. Социально-психологический потенциал повышения эффективности труда механизаторов в условиях межхозяйственной кооперации: на материалах Молдавской ССР. Диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.05. - Кишинев, 1983. - 204 с.
 32. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. - Москва: Институт психологии РАН, 2005. - 638 с.
 33. Андрущенко О.Н. Психолого-педагогическое сопровождение развития жизнеспособности подростков / О.Н. Андрущенко / *Психология личности: методология, теория, практика* / Отв. ред. Д.В. Ушаков, А.Л. Журавлев, А.В. Махнач, Н.Е. Харламенкова, А.В. Юревич, Е.А. Никитина. - Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2024. - С.968-972.
 34. Калашникова С.А. Личностные ресурсы как интегральная характеристика личности / С.А. Калашникова // *Молодой ученый*. - 2011. - Т. 2. - № 8 (31). - С. 84-87.

© Янина Марина Сергеевна (mary.yanina2014@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЕНЕЗИС И ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГИПЕРКОНСТРУКТИВНОСТИ

GENESIS AND HISTORICAL CONDITIONS OF THE EMERGENCE OF HYPERCONSTRUCTIVITY

A. Bulygin

Summary: This article explores the phenomenon of the hyperconstructive personality, presenting it as the next stage in the development of the constructive personality. The author introduces the term «hyperconstructivity», emphasizing the exaggerated features of the constructive personality's active qualities, which take on negative connotations. These qualities include the subject's active role in shaping their own image, the importance of cultural context, communication skills, and the need to consider multiple realities.

Keywords: self-development, self-construction, reflection, multiple realities, communication practices, individualization, social context, identity.

Булыгин Александр Сергеевич

Аспирант, Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Луганский государственный университет
имени Владимира Даля»
aleksandrulygin2000@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию феномена гиперконструктивной личности, представляя её как следующую стадию развития конструктивной личности. Автор вводит термин «гиперконструктивность», подчеркивая гиперболизированные черты активных свойств конструктивной личности, которые приобретают негативные оттенки. Такие свойства включают активную роль субъекта в формировании своего образа, значимость культурного контекста, коммуникационные способности и необходимость учитывать множественность реальностей.

Ключевые слова: самоформирование, самоконструирование, рефлексия, множественность реальностей, коммуникативные практики, индивидуализация, социальный контекст, идентичность.

В системе личностных качеств современного человека возникает качество, которое можно обозначить как гиперконструктивность. Гиперконструктивная личность, исходя из конструкции слова, – одновременно и конструктивная (человек возвышается над собой, над собственной личностью, он созидает), но в то же время «слишком» (намеренно, акцентированно) конструктивная, на что указывает приставка гипер-. Для такой личности характерно чрезмерное стремление к совершенствованию, что не всегда может привести к созиданию.

Чтобы понять свойства гиперконструктивной личности, необходимо сначала разобраться в том, что такое личность конструктивная.

Прежде всего, это личность, которая способна на самоконструирование, самоформирование.

С.Н. Чечулина определяет самоформирование личности как «процесс деятельного конструирования индивидуальной личностной формы, соответствующей актуальным социальным условиям и их самоинтерпретации» [1, с. 8]. Этот процесс характеризуется несколькими составляющими:

- самостоятельность: конструировать себя, свой образ человек может только сам, в результате анализа условий, в которых этому образу предстоит существовать;
- взаимодействие с окружающим миром: человек изучает социальные условия, в которых живёт и в

которых ему предстоит жить, учитывает их сложность, неоднозначность, динамичность;

- учёт (влияние) культурного контекста, культурных условий.

О том, что все человеческое знание, в том числе и знание о себе самом, конструируется субъектом самостоятельно, писал ещё итальянский философ Дж. Вико в начале XVIII в. Он отмечал существование «Самостоятельности Человеческой Воли, из чего проистекает Сознание Достоверного» [2, с. 76]. В это же время англо-ирландский философ Дж. Беркли в работе «Трактат о принципах человеческого знания» говорил о том, что человек воспринимает не мир, а только собственные идеи и ощущения, а значит, может опираться только на содержание собственного сознания, которое сам же и конструирует: «...Невозможно, чтобы они [вещи] имели какое-либо существование вне духов или воспринимающих их мыслящих вещей» [3, с. 172]. То есть в философии ещё в XVIII в. появилось представление о том, что важно не то, каким существует мир в объективной реальности, а то, каким конструирует его человек в собственном сознании, поскольку именно таким он будет мир воспринимать.

Идею априорности знаний, зависимости их от опыта развил великий немецкий философ И. Кант, утверждавший, что всё наше знание о самих себе является результатом структурирования субъектом реальности и самого себя посредством этой реальности. Человек может доверять только тем явлениям, которые воспринимает

и осмысливает самостоятельно: «В самом деле мы не можем судить о созерцаниях других мыслящих существ, подчинены ли эти существа тем самым условиям, которые ограничивают наше созерцание и общезначимы для нас» [4, с. 53].

На основе идей Дж. Вико, Дж. Беркли, И. Канта сложилось особое междисциплинарное направление знания – конструктивизм. Конструктивизм представляет собой междисциплинарное направление в науке, которое изучает процессы формирования знаний, представлений и понимания реальности. В энциклопедии конструктивизм определяется как «направление в эпистемологии и философии науки, в основе которого лежит представление об активности познающего субъекта, который использует специальные рефлексивные процедуры при построении (конструировании) образов, понятий и рассуждений» [5, с. 273]. Это направление активно развивается на стыке философии, антропологии, психологии, социологии, культурологии и других наук.

Конструктивная личность воплощает в себе принципы конструктивизма на практике: она активна в построении своей реальности, обладает гибкостью мышления и адаптивностью, готова нести ответственность за поступки, нацелена на развитие, умеет находить альтернативные решения.

О самостоятельном конструировании, строительстве человеком себя как перспективном способе развития его личности говорят многие исследователи: К.Г. Юнг [6], А. Маслоу [7], К. Роджерс [8], А.Дж. Келли [9].

Рассмотрим основные идеи конструктивизма, которые помогают понять сущность конструктивной личности.

Во-первых, субъект активен. Сторонники конструктивизма утверждают, что человек не пассивно воспринимает информацию, а активно конструирует свои знания и представления о мире. Более того, человек способен «активно влиять как на обстоятельства, так и на формирование собственной личности» [10, с. 163], он не просто изучает мир и подстраивается под него, напротив – подстраивает окружающую реальность под себя, оказывая на него активное воздействие.

Во-вторых, большой значимостью наделяется социальный контекст. Бесспорно, что личность формируется в процессе социального взаимодействия и её качества зависят от культурных, исторических и языковых особенностей общества.

Б. Латур считает важными взаимодействие личности не только с субъектами окружающей реальности (людьми), но и предметами, которые называет «квазиобъектами». Он отмечает, что квазиобъекты постоянно умно-

жаются, включая в себя продуцируемые промышленной революцией [11, с. 123], подтверждение чему несложно увидеть в жизни современного человека.

Если рассматривать как одно из условий формирования конструктивной личности культуру, культурный контекст, то логично было бы предположить, что в одинаковых культурных условиях будут формироваться примерно одинаковые личности, однако этого не происходит. Активная роль субъекта, его самостоятельность выступают доминирующими факторами, и индивид оказывается «способен выбирать из множества предлагаемых культурой сценариев самореализации те, что наилучшим образом отвечают его личностным запросам» [12, с. 141]. Это прямой путь к гиперконструктивности, к тому, чтобы возвыситься над собой.

В-третьих, следствием самостоятельного конструирования личностью окружающей реальности становится множественность реальностей. С позиций конструктивизма реальность не является единой и объективной, а существует в различных интерпретациях, зависящих от опыта и восприятия каждого индивида. Идеи о существовании множества реальностей высказывали ещё Демокрит, Платон, средневековые реалисты. Демокрит отмечал, что в действительности существуют только атомы и пустота, а для того, чтобы пустота получила наполнение, атомы объединились в реальные объекты, необходимо восприятие их людьми: «[Лишь] у людей признается что-либо белым, черным, сладким, горьким и всем прочим в этом роде, по истине же все есть “нечто” и “ничто”» [13, с. 165]. Тогда атомы становятся реальными и начинают существовать в действительности. Платон в диалоге «Федр» утверждал существование идей отдельно от вещей. Идеи воспринимаются душами и только в этом восприятии становятся вещами. При этом душа «стремится воспринять надлежащее, узрев [подлинное] бытие, хотя бы и ненадолго, ценит его, питается созерцанием истины и блаженствует» [14, с. 156]. Человек делает вещном мире то, что он делает, стремясь изменить и себя, и этот мир.

В средневековой философии было учение, согласно которому подлинной реальностью обладают только общие понятия (универсалии), а не единичные предметы материального мира. Например, Аврелий Августин утверждал существование универсалий до и вне вещей, рассматривал универсалии как идеальные прообразы в божественном разуме, первичные по отношению к материальным вещам [15, с. 408].

В начале XX в. А. Шюц развивает идею множественности реальностей, выделяя среди них мир повседневности, мир сновидений, мир театральных действий, мир научного теоретизирования. Это не реальность каждого человека, а множество реальностей, в которых существу-

ет человек. Переходя из реальности в реальность, личность испытывает затруднения, вынужденная построить себя под каждую из них. А. Щюц пишет: «...В определении индивидом своей частной ситуации различные социальные роли, вытекающие из его множественного членства в разных социальных группах, переживаются как набор самотипизаций» [16, с. 644]. Таким образом, проблема конструирования личности усложняется, обретает новые слои, заявляется зависимость личности от восприятия, в то время как она вполне реальна, опирается на окружающую реальность и стремится её переконструировать.

В настоящий момент идея множественности реальностей обрела новую жизнь, связанную с формированием в сети интернет виртуальной реальности. Говорят также не только о создании каждой личностью собственной реальности, но и о существовании человека в нескольких реальностях, в том числе в виртуальной, о «возможности проявления множественности своей идентичности в разных средах и на разных уровнях» [17, с. 493]. Человек живёт, переключаясь между различными реальностями, каждую из которых сформировал он сам в ходе построения собственной личности в сложном, многослойном мире. Возникают условия для формирования гиперконструктивной личности, у которой появляется новая возможность воплотить своё стремление к совершенству, к улучшению себя и своей жизни, свой перфекционизм – в виртуальной реальности.

Конструктивная личность стремится к активной интерпретации мира, а не его пассивному отражению. Согласно этому подходу: реальность не существует независимо от человека, конструируется им; вся реальность и суждения о ней являются антропогенными, связанными с деятельностью человека; не существует единой объективной реальности для всех, каждый формирует собственную, имеющую некоторые отличия от остальных реальностей. При конструировании собственной реальности возникает опасность прибегнуть к её *гипер*презентации, углубиться в постоянное стремление к улучшению себя и своей жизни.

Ещё один важный момент – конструктивная личность является творческой, по крайней мере, склонна к творчеству. По выражению Н.С. Ильюшенко, конструктивизму свойственно «признание творческого начала в человеке» [12, с. 141]. **Творчество** является способом представить себя миру.

С одной стороны, творчество выступает как способ конструирования личности, то есть помогает выстраивать собственную идентичность (творчество над собой), с другой – становится инструментом преобразования окружающего мира (творчество в мире). Как пишет об этом Ю.М. Резник, «важнейшим источником творчества выступает самоконструирование человека, которое

происходит вокруг креативного центра (новой “точки сборки” аутентичного Я человека – управляющего компонента самости)» [18, с. 137]. Именно поэтому творчество «выдаёт» такие разные, оригинальные, не похожие друг на друга результаты.

Произведение, являющееся результатом творчества, в первую очередь ценно для самой личности и лишь затем – для её окружения. Истинное творчество происходит для самого себя, а не для других. Эта идея звучала в работах многих философов. В частности, Ф. Ницше писал о творчестве как о проявлении воли к власти и самовыражению. Человеку, занимающемуся творчеством, необходимо видеть результат, важно сказать: «Это и наших рук дело!» [19, с. 644]. Отметим, что для Ф. Ницше воля к власти не сводится только к стремлению доминировать над другими. Это более широкое понятие, включающее в себя стремление к совершенствованию, созиданию и творческому самовыражению. Философ рассматривал творца как высшую форму человеческого развития, связывая творчество с понятием сверхчеловека. Высшим проявлением творческого начала становится сама жизнь, в которой человек сам является одновременно творцом и творением.

Цель конструктивной личности – реализовать собственные задачи и идеи в сложившихся условиях, обрести ценности и смыслы, сделать себя такой, чтобы было возможно полноценно существовать в социуме, выполняя свои социальные роли, соответствуя требованиям окружающей реальности, чтобы воспроизводить себя в следующих поколениях.

Конструктивная личность создаёт себя разными способами и в различных социокультурных практиках.

Важнейшим компонентом осваиваемой личностью реальности является **коммуникация**, общение с другими субъектами социума. Происходит формирование представлений о себе через общение с другими людьми, анализ их и своих успехов и неудач. В ходе коммуникации происходит соотнесение личностью себя с другими объектами (образом, группой, идеалом), что помогает выработать образ себя.

К социокультурным практикам, в ходе которых действует конструктивная личность, относятся:

- образование, обучение в образовательных организациях;
- различные формы игровой деятельности;
- проектные и исследовательские практики;
- коммуникативные практики (общение, социальное взаимодействие);
- художественные практики (самовыражение посредством искусства);
- экологические практики (проявление заботы об

окружающей среде);

- профессиональная деятельность;
- досуговые практики (различные формы организации свободного времени);
- волонтерская деятельность;
- флешмобы и др.

В условиях современной реальности к актуальным социокультурным практикам относится участие в социальных сетях (самопрезентация, вступление в сообщества и др.). О.А. Гримов утверждает, что в социальных сетях на личность влияют «ориентация на совместную деятельность, на творчество, на преобразование среды, информационно-коммуникативная ориентация» [20, с. 174].

Исследователи отмечают, что конструктивная личность развивается всю жизнь, причём «не только осваивает, но в большей степени преобразовывает социальные образцы» [10, с. 163]. Ежедневно, в повседневной практике, личность сверяет уже имеющиеся у неё установки с новыми обстоятельствами, с изменением старых обстоятельств и несколько трансформирует имеющуюся у неё конструкцию самой себя.

При этом на конструктивную личность влияют:

Во-первых, вызовы изменяющегося контекста, которые становятся источником изменений, требуя новых способов и стратегий взаимодействия с окружающим миром. С этим связано то, что чем больше изменений, чем более интенсивно меняется контекст, тем активнее проходит самоформирование личности.

Во-вторых, особенности самой личности, её ценностно-смысловая система, принципы жизненного самоопределения, уровень стремления к самоактуализации. На основе предыдущего процесса самоконструирования складывается личность определённого типа, специфика которой, в свою очередь, влияет на дальнейшее формирование конструктивности.

В-третьих, характер и особенности коммуникации. Поскольку вне процесса общения с другими людьми индивид не способен выработать образ себя, то характер коммуникации, его изменения в течение жизни влияют на непрерывный процесс самоконструирования.

Американский философ и психолог У. Джеймс писал: «У человека столько "Я", сколько различных групп людей, чьим мнением он дорожит» [21, с. 179]. Это поэтическое выражение означает, что человек в течение жизни постоянно «пересобирает» свою личность, ориентируясь на круг общения, на окружающих людей и их мнения. Сте-

пень интенсивности данного «пересобираания» зависит от отмеченной выше специфики сложившейся личности, то есть от того, каким образом развивался человек ранее.

В-четвёртых, рефлексия, осмысление человеком всего происходящего с ним. Э. Гидденс выдвигал понятие самости и говорил, что личность соотносит свою самость со своей телесностью и сознанием [22, с. 94]. Рефлексивность расширяет возможности личности по познанию себя, мира вокруг и собственных связей с этим миром.

Конструктивная личность приходит к формированию позитивной «Я-концепции» – целостного представления о себе. Позитивность в данном случае не обозначает положительности и благоприятности для общества и окружающих. Это уверенность в своих силах, способность находить позитивные моменты даже в сложных ситуациях, сохранять спокойствие, выстраивать своё поведение, гармонично строить отношения с государством.

«Я-концепция» конструктивной личности затем влияет на все сферы жизни человека, в том числе:

- на поведение и жизненный выбор: человек стремится выбирать роли и деятельность, которые соответствуют его представлениям о себе;
- на межличностные отношения и социальную адаптацию: у человека вырабатывается стиль межличностных отношений и способность к взаимодействию с окружающими.

Всё, что сказано выше о конструктивной личности, общепринято в психологии и философской антропологии. Однако на современном этапе формируется новый вид личности – гиперконструктивная. Все свойства конструктивной личности – самостоятельность, учёт культурного контекста, гибкость мышления, адаптивность, готовность нести ответственность за поступки, нацеленность на саморазвитие и др. – начинают проявляться в преувеличенном, гипертрофированном виде и от этого утрачивают свою позитивность, становятся негативными.

Итак, гиперконструктивная личность формируется как следующий шаг развития конструктивной личности. Конструирование личностью себя происходит на основе активной роли субъекта познания, при большой значимости социального контекста, в ходе коммуникации и другой деятельности, с формированием в восприятии личности множественности реальностей. Гиперконструктивная личность чрезмерно стремится к совершенствованию, что не всегда может привести к созиданию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чечулина С.Н. Самоформирование личности как конструирование повседневной жизнедеятельности: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – Екатеринбург, 1999. – 24 с.

2. Вико Дж. Основания «Новой науки» об общей природе наций. — М.: Киев: REFLbook; ИСА, 1994. — 617 с.
3. Беркли Дж. Сочинения / сост., общ. ред. и вступ. статья И.С. Нарского. — М.: Мысль, 1978. — 556 с.
4. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. — М.: Мысль, 1994. — 591 с.
5. Касавин И.Т. Конструктивизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — М.: Канон; Реабилитация, 2009. — С. 273-377.
6. Юнг К.Г. Психология бессознательного / пер. с англ. — М.: КогитоЦентр, 2010. — 352 с.
7. Маслоу А. Мотивация и личность / Пер. с англ. — СПб.: Питер, 2019. — 400 с.
8. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / пер. с англ. М.М. Исениной; общ. ред. и предисл. Е.И. Исениной. — М.: Прогресс: Универс, 1994. — 479 с.
9. Келли А.Дж. Теория личности. — СПб: Речь, 2000. — 249 с.
10. Чечулина С.Н. Социальное пространство развития личностного потенциала // Современные исследования социальных проблем. — 2010. — № 3. — С. 163-167.
11. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. — М.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. — 240 с.
12. Ильющенко Н.С. Самосознание как процесс самоконструирования личности // Труды БГТУ. История, философия, филология. — 2012. — № 5. — С. 139-142.
13. Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности / под ред. и с коммент. Г.К. Баммеля. — М.: Соцэкгиз, 1935. — 382 с.
14. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; примеч. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1993. — 528 с.
15. Августин Аврелий. О граде Божием / пер. с лат. — М.: АСТ, 2023. — 1240 с.
16. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. — М.: РОССПЭН, 2004. — 1056 с.
17. Кривенькая М.А. «ОК, Гугл, кто я?»: молодежь о множественности идентичности в виртуальности и реальности // Современное образование: векторы развития. Роль социально-гуманитарного знания в подготовке педагога: мат. V междунар. конф.; под общ. ред. М.М. Мусарского, Е.А. Омельченко, А.А. Шевцовой. — М.: МПГУ, 2020. — С. 493-500.
18. Резник Ю.М. Творчество как способ самоконструирования человека // Вопросы социальной теории. — 2015. — Т. 7. — С. 137-154.
19. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (черновики и наброски из наследия Фридриха Ницше 1883-1888 годов в редакции Элизабет Фёрстер-Ницше и Петера Гаста) / пер. с нем. — М.: Культурная революция, 2016. — 824 с.
20. Гримов О.А. Ценностно-целевые аспекты практик самоконструирования в социальных сетях // Личность. Культура. Общество. — 2013. — Т. 15. — № 3-4 (79-80). — С. 168-174.
21. James W. Psychology: briefer course. — New York: H. Holt & Co, 1910. — XIII, 478 p.
22. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуры. — М.: Акад. проект, 2003. — 525 с.

© Булыгин Александр Сергеевич (aleksandrbulugin2000@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕДЕЛЫ ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИХ УТОПИЙ: К ФЕНОМЕНОЛОГИИ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Гайфутдинов Ленар Радикович

Аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный
университет
bilkinbill@gmail.com

THE LIMITS OF TRANSHUMANIST UTOPIAS: ON THE PHENOMENOLOGY OF TIME IN M.A. SHOLOKHOV'S NOVEL "QUIET FLOWS THE DON"

L. Gaifutdinov

Summary: The article offers a phenomenological analysis of limit-experience in Mikhail Sholokhov's epic novel *And Quiet Flows the Don* in the context of contemporary debates on transhumanism, digital immortality, and the posthuman subject. The theoretical framework is provided by Henri Bergson's concept of duration and Eugène Minkowski's notion of lived time, which together allow subjectivity to be understood as a temporal structure grounded in continuous becoming and vital rhythm. It is shown that the experiences of war, revolution, and civil conflict in the novel lead to a disintegration of duration and to the breakdown of the hero's lived temporal unity, so that finitude manifests itself not only as the risk of physical death, but also as the destruction of inner temporal wholeness. Against this background, transhumanist projects of overcoming death and achieving digital immortality—built on the reduction of subjectivity to data and algorithms—are critically examined. The article argues that Sholokhov's phenomenology of war reveals forms of limit-experience that cannot be removed by technical means without annihilating the very structure of human experience. The conclusion is that *And Quiet Flows the Don* provides an important critical horizon for transhumanist and posthuman utopias, reminding us of the irreducible character of finitude and limit as ontological conditions of human existence.

Keywords: phenomenology; limit-experience; war; *And Quiet Flows the Don*; duration; lived time; transhumanism; digital immortality; posthuman; ontology.

Аннотация: Статья посвящена феноменологическому анализу предельности человеческого опыта в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон» в контексте современных дискуссий о трансгуманизме, цифровом бессмертии и постчеловеческом субъекте. Отправной точкой служат концепция длительности Анри Бергсона и идея «проживаемого времени» Эжена Минковского, позволяющие трактовать субъективность как временную структуру, основанную на непрерывном становлении и витальном ритме. Показано, что опыт войны, революции и гражданского раскола в романе ведет к распаду длительности и нарушению единства проживаемого времени героя, в результате чего предельность проявляется не только как риск физической смерти, но и как разрушение внутренней темпоральной целостности. На этом фоне рассматриваются трансгуманистические проекты преодоления смерти и цифрового бессмертия, опирающиеся на редукцию субъективности к данным и алгоритмам. Аргументируется, что шолоховская феноменология войны выявляет такие формы предельности, которые не могут быть устранены техническими средствами без уничтожения самой структуры человеческого опыта. В заключении делается вывод о том, что роман «Тихий Дон» задает важный критический горизонт для трансгуманистических и постчеловеческих утопий, напоминая о неизбывности конечности и границы как онтологических условий человеческого бытия.

Ключевые слова: феноменология, предельность, война, «Тихий Дон», длительность, проживаемое время, трансгуманизм, цифровое бессмертие, постчеловеческое, онтология.

Введение

Роман-эпопея М.А. Шолохова «Тихий Дон» традиционно интерпретируется как произведение о судьбе донского казачества, Первой мировой войне, революции и гражданском конфликте [10]. Однако если сместить оптику с историко-литературного анализа к онтологическому, текст обнаруживает себя как развернутое исследование предельности человеческого существования: войны, распада общинных связей, разрушения привычного мира, утраты длительности жизни. В предыдущих теоретических работах автор обращался к проблеме конечности, цифрового бессмертия и онто-

логических границ познания, а также к феноменологии длительности и проживаемого времени как основаниям субъективности [2, 7]. В них внимание было сосредоточено преимущественно на абстрактных моделях трансгуманизма и цифровых утопий. Настоящая статья тематически продолжает эту линию, но переносит акцент на литературный и исторический материал: опыт войны и революции в «Тихом Доне» рассматривается как поле, в котором предельность становится конкретным, телесно проживаемым событием. Проблема, лежащая в основе исследования, формулируется так: каким образом опыт войны и распада мира, описанный Шолоховым, позволяет по-новому увидеть конечность и темпоральность

субъективности и как этот опыт соотносится с современными трансгуманистическими и постчеловеческими представлениями о преодолении человеческих границ [6, 3, 4, 8].

Методология

Методологической основой работы выступает феноменологический подход, в котором анализируются не столько идеологические позиции персонажей или социальная типология, сколько структура их опыта: способ переживания времени, тела, другого, судьбы. Центральными теоретическими опорами являются концепция длительности Бергсона и идея проживаемого времени Минковского, позволяющие описать субъективность как динамическое становление, а не как набор статических состояний [2, 7]. Трансгуманистические и постчеловеческие концепции вводятся не как самостоятельная тема, а как внешний контекст, относительно которого шолоховский эпос обнаруживает критический потенциал.

1. Война как феноменологическое поле предельности

Опыт войны в «Тихом Доне» проявляется не только как череда событий (мобилизация, фронт, революция, гражданские столкновения), но прежде всего как радикальное изменение модуса мира. Мир для героя до войны укоренен в пространстве реки, станицы, земли, семейных и общинных ритуалов. Это мир, в котором вещи, люди и социальные порядки даны как само собой разумеющиеся, не требующие постоянной проблематизации. С началом войны этот горизонт очевидности разрушается. Привычное пространство — дом, поле, дорога — превращается в потенциальную зону угрозы. Там, где раньше были труд, праздник, общинная жизнь, возникают мобилизация, насилие, непредсказуемость. Феноменологически это можно описать как крушение «естественной установки» сознания: исходного доверия к миру, на котором строится повседневное существование [9]. Предельность в этом контексте — не только «шанс погибнуть», но опыт постоянной близости смерти, невозможность отодвинуть её в неопределенное будущее. Для героя шолоховского текста смерть перестает быть абстрактной возможностью и превращается в структурный фон всякого действия. Любое решение, любой выбор — от участия в бою до возвращения домой — оказывается вписан в горизонт возможной гибели, утраты, разрушения связей. Именно в этом смысле войну в романе можно рассматривать как феноменологическое «поле эксперимента»: она обнажает те онтологические структуры, которые в мирном существовании скрыты привычкой и социальными оболочками. То, что в обычном состоянии сознания остается фоном, здесь выходит на первый план: конечность, хрупкость мира, зависимость субъективности от темпоральных и теле-

сных условий. На уровне экзистенциального опыта война превращает каждое «ещё» жизни в потенциальное «уже нет», делая временность плотной, тяжёлой и почти невыносимой.

2. Длительность и судьба: от целостного времени к разрыву

До войны время героя вписано в циклы сельского и семейного быта. Год отмеряется сменой сезонов, работами на земле, праздниками, изменениями в жизни семьи. Это время обладает качественной насыщенностью: каждое событие продолжает предыдущее, прошлое переходит в настоящее и задаёт направленность будущего. В терминах Бергсона это можно описать как целостную длительность — внутреннее время, в котором переживание не расчленено на дискретные моменты, а представляет собой непрерывное становление [2]. Длительность в этом смысле — не календарная протяжённость, а способ быть во времени, когда жизнь воспринимается как связная история, как становление судьбы. Даже конфликты и разрывы в довоенной жизни героя интегрированы в эту длительность: они не отменяют чувства непрерывности, а лишь усложняют его. С началом войны этот характер времени меняется. Фронтовые эпизоды, смена фронтов, быстрые переходы от ожидания к бою, от жизни к смерти — всё это воспринимается как серия резких скачков, которые не укладываются в прежнюю плавную временную ткань. Внутреннее время героя перестает быть непрерывным: прошлое «до войны» и настоящее «во время войны» всё хуже соединяются друг с другом.

В этом распаде особенно видна актуальность бергсоновского различия между истинной длительностью и её пространственно-количественными суррогатами. Война предлагает множество внешних временных измерений — приказы, сроки, кампании, — но именно они разрушают внутреннюю длительность, в которой субъективность чувствует себя собой. Длительность перестает быть непрерывным становлением и превращается в набор фрагментов, между которыми всё сложнее проводить смысловые мосты. Сюжетная линия Григория и Аксиньи демонстрирует, что человеческая привязанность у Шолохова не сводится к психологической «реакции», а имеет характер длительности: она сохраняет себя сквозь разрывы, возвращения, внешние запреты и моральные коллизии [10, 2]. В бергсоновской перспективе это означает, что любовь выступает формой внутреннего времени, где прошлое не исчезает, а преобразуется в настоящем, сохраняя направленность судьбы даже тогда, когда жизненная «линия» ломается. Такая длительность делает человека собой — не через стабильность обстоятельств, а через непрерывность смысла.

Таким образом, предельность в романе проявля-

ется не только в угрозе смерти, но и в угрозе распада длительности. Человек оказывается на границе, где его жизнь перестаёт переживаться как целостная судьба и начинает распадаться на эпизоды, не складывающиеся в единую историю. Этот разрыв длительности уже сам по себе является феноменологической формой предельности: судьба теряет связность, а время — внутреннюю форму, в которой возможен смысл.

3. Проживаемое время и травма

Если у Бергсона длительность описывает качественно неоднородный поток сознания, то Минковский акцентирует внимание на проживаемом времени как на витальной основе существования [7]. Важным здесь оказывается не только непрерывность, но и ритм — способ, каким субъект «настроен» на мир и будущее. В мирных состояниях проживаемое время обладает определенной «направленностью»: человек чувствует, что его жизнь разворачивается в сторону будущего, что есть пространство возможностей, планов, ожиданий. В шолоховском тексте это выражено через связность поколений, обычаев, через ожидание продолжения рода, сохранения земли, традиций. Война и гражданский конфликт радикально нарушают этот витальный ритм. Состояния страха, утраты, шока, вины, неопределенности, которые переживает герой, можно прочесть в минковскианской оптике как форму дезорганизации проживаемого времени. Настоящее перестает быть устойчивой точкой, в которой прошлое и будущее соединяются; оно превращается в зыбкий, перегруженный аффектами миг, где будущее либо обрывается, либо воспринимается как пустота. Минковский, анализируя пограничные и психопатологические состояния, показывал, что нарушение проживаемого времени ведёт к разрушению самого чувства присутствия в мире. В «Тихом Доне» мы видим историко-литературный аналог этого процесса: герой, многократно переживающий разрыв между тем, «что должно было быть» и тем, «что произошло», утрачивает способность мыслить свою жизнь как непрерывную линию.

Совмещенное рассмотрение длительности и проживаемого времени позволяет выявить внутреннюю структуру субъективности, которая определяется непрерывностью становления. Любое вмешательство в эту структуру — биологическое, психологическое или технологическое — приводит к обнажению границ человеческого существования. Минковскианская перспектива здесь пересекается с феноменологической психопатологией, в которой травматический опыт рассматривается как радикальное смещение временных интенций и утрата горизонта будущего. Шолохов фиксирует травматический разрыв проживаемого времени предельно наглядно в эпизоде, где после убийства австрийского солдата Григория начинает преследовать образ по-

гибшего, возвращающийся во сне и в видениях. Здесь травма действует не как воспоминание о прошлом, а как событие, вклинивающееся в настоящее и лишаящее его устойчивости: прошлое не «уходит», а заново случается. По Минковскому это можно описать как нарушение витального ритма и направленности времени: будущее утрачивает открытость, а настоящее превращается в тяжёлую, замкнутую область повторения. Шолохов показывает, что любовная связь в условиях социального запрета и неустойчивости (замужество Аксиньи на Степане, принудительная женитьба Григория на Наталье, повторяющиеся разрывы) деформирует проживаемое время не менее радикально, чем фронтовой опыт. Будущее переживается не как открытая область возможностей, а как колеблющееся обещание, постоянно «отнимаемое» обстоятельствами и чужими решениями [7]. Отсюда рождается особая темпоральность ревности и вины: прошлое возвращается не как воспоминание, а как повторяющееся присутствие, которое не дает настоящему стать устойчивым.

В этом смысле шолоховский герой не только «страдает» от войны: он проживает такую деформацию времени, при которой само «я» оказывается на грани распада. Там, где будущее больше не простирается, а прошлое превращается в тяжелый, неподвижный груз, предельность обретает форму внутренней катастрофы — тихого, но необратимого разрушения временной ткани субъективности.

4. Предельность как разрыв внутреннего времени

Предельность предстает в феноменологии как форма темпорального разрыва. Она выражает не момент исчезновения, а момент, в котором длительность потеряла возможность продолжения. В этом разрыве обнаруживается зависимость субъективности от внутреннего времени. Предельность — это не биологическое событие, а онтологическое состояние, раскрывающее временную природу сознания. Разрыв длительности не устраняется продлением жизни: он связан с самой структурой становления, которая предполагает возможность своего завершения. Тем самым конечность не может быть преодолена внешними средствами, поскольку она укоренена во внутреннем времени субъекта. Философия предельности показывает, что человеческое существование определяется не только протяженностью жизни, но и темпоральной структурой переживания. Феноменологический анализ предельности позволяет увидеть, что окончание времени субъекта — не физическое прекращение функций организма, а прекращение внутреннего ритма, благодаря которому существует смысловое поле опыта. Таким образом, смерть становится не только биологической, но и феноменологической категорией: она выражает невозможность продолжения становления. В то же время предельность выполняет ключевую экзистенциальную функцию: она замыкает временную дугу человеческого существования, придавая ему за-

вершенность. Без предельности время субъекта потеряло бы направленность, а жизнь — форму. Это означает, что конечность сама по себе является структурным условием смысла, а не его разрушением. Эта мысль особенно важна в контексте современных техноутопий: попытки устранить смерть как предел бытия приводят не к продлению субъективности, а к ее исчезновению. Неограниченная продолжительность, лишённая структурирующего разрыва, превращает время в пустую последовательность, не способную порождать смысл. Фигура Натальи раскрывает иной тип проживаемого времени — время ожидания, терпения и внутреннего истощения, где предельность проявляется не в одном ярком событии, а в длительном размыкании надежды. Это время «чужой любви», в котором настоящее переживается как неполнота, а будущее — как непрерывное откладывание. Феноменологически здесь видно: предельность существует не только как мгновенный разрыв, но и как медленное разрушение темпоральной опоры, когда субъект продолжает жить, но уже не может продолжать себя как цельность. Шолоховский текст, фиксируя предельные состояния войны, тем самым показывает, что человек становится собой именно в напряжении между становлением и его возможным обрывом. Там, где это напряжение исчезает — будь то в абстрактных проектах «вечной жизни» или в обезличенных режимах существования, — исчезает и драматургия человеческой судьбы. Кульминацией феноменологии предельности становится гибель Аксиньи на руках Григория: здесь предельность дана не как «факт смерти», а как крушение будущего именно в тот момент, когда оно переживается как наконец открывшееся [10]. Это выглядит как радикальный обрыв направленности проживаемого времени: настоящее превращается в неподвижную тяжесть, где жизнь еще продолжается физически, но уже не продолжается как витальное становление [7]. По Бергсону это момент разрыва длительности, когда внутреннее время теряет возможность смыслового наращивания и обнаруживает свою конечность как онтологическое условие судьбы [2].

5. Трансгуманистическая редукция субъективности: «сохранение личности» как утрата проживаемого времени

Трансгуманистический дискурс, как правило, трактует конечность как технически устранимое ограничение, а смерть — как проблему, которая при достаточном уровне развития технологий должна иметь инженерное решение [6, 3]. Внутри этой логики субъект описывается через переносимые и воспроизводимые параметры: память, когнитивные функции, поведенческие паттерны, «профиль» сознания. Однако феноменологическая перспектива, усиленная бергсоновским и минковскианским ядром, позволяет поставить вопрос иначе: что именно предполагается сохранить в проектах цифрового бес-

смертия — информационный след или субъективность как событие времени [2, 7]. Шолоховский опыт войны демонстрирует, что предельность наступает не только как вероятность физической гибели, но и как распад внутренней временной связности, когда судьба перестаёт «собираться» в длительность [10]. Герой существует не как сумма данных, а как проживаемая история, в которой поступок имеет необратимость, утрата — вес, а будущее — либо открытость, либо трагически закрывающуюся перспективу. Именно эти измерения проживаемого времени оказываются наиболее уязвимыми в условиях насилия: травма действует как деформация горизонта будущего и как «застывание» настоящего, а не как дефект, который можно исправить копированием информации [7, 1, 5]. В этой связи трансгуманистическое отождествление субъективности с информацией проблематично: переносимым может быть только «что» (контент), но не «как» (ритм, направленность, жизненная тяга к будущему), то есть не то, что делает сознание живым временем. Даже идеально точный цифровой двойник в лучшем случае воспроизведёт структуру следов, но не восстановит витальный ритм, на котором держится чувство присутствия. Поэтому цифровое бессмертие следует рассматривать не как преодоление предельности, а как её подмена: обещание формальной непрерывности, достигаемое ценой утраты проживаемого времени как основания субъектности.

6. Постчеловеческая распределенная темпоральность и рассеивание внутренней длительности

Постчеловеческие подходы описывают современную техносреду не столько как «будущее после человека», сколько как уже происходящую перестройку условий субъективности, в которой тело, память, идентичность и присутствие оказываются технологически опосредованными [4, 8]. Временность в этих условиях становится распределенной: субъект всё чаще живёт одновременно в нескольких временных режимах — биографическом, социально-историческом и цифровом, — которые не совпадают по ритму и по структуре ожидания. Это не уничтожает предельность, но меняет ее форму: граница проявляется не только как единый «конец», но как множественные микро-разрывы связности времени. Шолоховская война — исторически иной контекст, однако феноменологически она показывает близкий механизм: субъект принудительно включен во внешние режимы времени (мобилизация, приказ, идеологическая смена горизонтов), которые подрывают внутреннюю длительность и нарушают переживание судьбы как единой линии. Если в романе этот сдвиг задан экстремальной исторической ситуацией, то в цифровой современности он проявляется в повседневной форме: ускорение коммуникации, алгоритмическая «память» платформ, метрики эффективности, постоянная актуализация следов. В результате внутреннее время всё

чаще утрачивает автономию и «собираемость», превращаясь в сеть несводимых темпоральных траекторий [8]. В таком контексте предельность может проявляться как распад темпоральной целостности ещё до биологического конца: исчезает доверие к будущему, разрушается направленность, а настоящее становится тяжёлым и неподвижным «без выхода» — именно так феноменологическая психопатология описывает деформации времени при травматическом опыте [7, 5]. Поэтому постчеловеческая распределённая темпоральность оказывается не альтернативой конечности, а её новым выражением: предел переживается как утрата внутренней связности и как невозможность продолжать себя во времени, даже если внешние контуры существования и следов сохраняются. В этом смысле шолоховский материал задаёт критический горизонт: он показывает, что «сохранение» человека нельзя сводить к поддержанию функций или архивированию данных — человеческое удерживается в проживаемом времени, которое имеет ритм, разрывы и конечность как условие смысла [10].

Заключение

Шолоховский «Тихий Дон», рассмотренный в феноменологической перспективе, позволяет сделать несколько принципиальных выводов. Во-первых, роман показывает, что предельность — это не внешний «факт» биографии, а внутренняя структура времени субъективности. Война, революция и распад общинного мира проявляют конечность как распад длительности и проживаемого времени: жизнь перестает быть непрерывной судьбой и превращается в набор фрагментов, между которыми всё сложнее удерживать смысловые связи. Во-вторых, шолоховское описание тела и действия в условиях войны предвосхищает те формы технизации и обезличивания, которые в постчеловеческих и трансгуманистических теориях описываются как новые конфигурации человека и техники. Однако в отличие от

техноутопических нарративов, роман демонстрирует трагическое измерение этих процессов: там, где тело становится ресурсом, исчезает глубина проживаемого времени. В-третьих, сопоставление шолоховского опыта предельности с трансгуманистическими проектами цифрового бессмертия выявляет их онтологическое ограничение. Проекты, ориентированные на сохранение данных, не затрагивают фундаментальной структуры длительности и проживаемого времени. Они могут продлевать существование в формальном смысле, но не способны гарантировать сохранение субъективности как события времени. Собственная позиция автора заключается в том, что шолоховский эпос задаёт важный критический горизонт для современных техноутопий. Он напоминает о том, что человеческое измерение связано не только с объёмом информации или набором функций, но прежде всего с тем, как человек живет во времени — как длительность, которая имеет начало и конец, непрерывность и разрывы, судьбу и предельность. В этом смысле настоящая статья тематически сопрягается с более общим исследовательским замыслом, в рамках которого анализировались цифровое бессмертие, феноменология конечности и проблемы постчеловеческого субъекта. Если в теоретических работах внимание было сосредоточено на абстрактных моделях трансгуманизма и онтологических границах познания, то шолоховский текст позволяет проверить эти конструкции на материале предельного исторического опыта, выявив границы техноутопических представлений о человеке. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется сравнение шолоховской феноменологии войны с другими корпусами «пограничного» опыта XX века (лагерная проза, военные дневники, свидетельства катастроф) в контексте критики цифрового бессмертия и постчеловеческих стратегий [1]. Такая работа могла бы углубить понимание предельности как онтологического условия не только индивидуальной, но и коллективной памяти в эпоху радикальной цифровой трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. М.: Новое издательство, 2015. 224 с.
2. Бергсон А. Непосредственные данные сознания: время и свобода воли / Пер. с фр. Б.Г. Быховского. М.: ЛЕНАНД, 2020. 224 с.
3. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы, угрозы, стратегии / Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
4. Брайдотти Р. Постчеловек / Пер. с англ. Д. Хамис; под ред. В. Данилова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 408 с.
5. Власова О.А. Феноменологическая психопатология. М.: Когито-Центр, 2010. 288 с.
6. Курцвейл Р. Эпоха духовных машин / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2003. 384 с.
7. Минковский Э. Проживаемое время: феноменологические и психопатологические исследования / Пер. с фр. Е. Пучковой, Т. Юшкевич. М.: Городец, 2018. 496 с.
8. Хейлз Н.К. Как мы стали постлюдьми: виртуальные тела в кибернетике, литературе и информатике / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: V—A—C Press, 2025. 432 с.
9. Гуссерль Э. Идем к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга I / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 412 с.
10. Шолохов М.А. Тихий Дон: роман в четырёх книгах. М.: Художественная литература, 1980. 736 с.

© Гайфутдинов Ленар Радикович (bilkinbill@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРИЗИС ВЕРИФИКАЦИИ В ЭПОХУ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ: ОТ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ К ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Неткачев Кирилл Иванович

Аспирант, Тюменский государственный университет
belkir0712@gmail.com

THE VERIFICATION CRISIS IN THE AGE OF RECOMMENDER SYSTEMS: FROM UNIVERSAL OBJECTIVITY TO PERSONALIZED INTERPRETATION

K. Netkachev

Summary: The present paper offers a conceptual inquiry into the profound deformation of information verification mechanisms catalyzed by contemporary recommendation architectures. The study delineates a transition from the classical paradigm of universal objectivity toward a fragmented model of personalized interpretation, stringently dictated by algorithmic filtering. Central to this investigation are the cognitive and technological drivers behind the crystallization of echo chambers and filter bubbles. Special emphasis is placed on an interdisciplinary analysis of the socio-philosophical repercussions stemming from the algorithmic radicalization of attention and the consequent disintegration of a unified informational space. The concluding section articulates a framework for normative interventions, specifically highlighting the architectural engineering of information diversity and the implementation of Explainable Artificial Intelligence as essential instruments for «demystifying» predictive logic and revitalizing epistemic trust within the digital ecosystem.

Keywords: post-truth, verification, recommendation systems, attention economy, filter bubbles, echo chambers, digital regulation.

Аннотация: В статье предпринимается попытка концептуального осмысления того, как современные алгоритмы рекомендации деформируют устоявшиеся механизмы верификации данных. Автор фокусирует внимание на переходе от классического идеала универсальной объективности к сугубо фрагментарной модели персонализированной интерпретации, жестко детерминированной работой алгоритмических фильтров. В фокусе исследования находятся когнитивные и технологические драйверы формирования эхо-камер и пузырей фильтров. Особый акцент сделан на междисциплинарном анализе последствий алгоритмической радикализации внимания и сопутствующего распада единого информационного пространства на изолированные сегменты. Финальная часть статьи посвящена обоснованию нормативных контрмер, среди которых выделяются архитектурное проектирование информационного разнообразия и стандартизация объяснимого искусственного интеллекта: данные решения рассматриваются как необходимый инструментарий для «демистификации» предиктивных алгоритмов и реанимации эпистемического доверия в цифровой среде.

Ключевые слова: постправда, верификация, рекомендательные системы, экономика внимания, пузырь фильтров, эхо-камеры, цифровое регулирование.

Введение

Парадигмальный сдвиг в потреблении информации и кризис объективности

В современной цифровой среде мы наблюдаем не просто количественный рост данных, но фундаментальный слом того, что можно было бы назвать эвристическими стратегиями. Данный процесс требует теоретического и прежде всего философского осмысления. Если традиционная модель информационного поиска, которую принято называть Pull-моделью, предполагала наличие у пользователя активной или даже «волютаристской» позиции, то нынешняя архитектура глобальных платформ (включая экосистему Meta, чья деятельность признана экстремистской и запрещена в РФ, а также TikTok и сервисы Google) навязывает принципиально иную схему, которую можно обозначить как Push-модель. Информация перестает быть объектом поиска; она превен-

тивно «атакует» субъекта, опираясь на массив его цифровых следов и результаты предиктивного анализа поведения [1, с. 17–18].

Этот тектонический сдвиг спровоцировал глубокую эрозию верификационных практик. Ранее, в рамках классического научного и медийного дискурса, статус «истинного» присваивался определенному утверждению после его прохождения через систему фильтров, контролируемую профессиональными посредниками — так называемыми «привратниками» (gate keepers), чья легитимность подтверждалась независимыми институтами [2, р. 383–384]. Современный кризис доверия к фактам приводит к тому, что информация признается достоверной не из-за эмпирической точности, а в силу ее комплементарности относительно идентичности конкретного потребителя — критерий достоверности фатально дрейфует в сторону эмоционального резонанса. Как отмечает исследовательница современной

политической культуры и медиа, лауреат Пулитцеровской премии, публицист и литературный критик М. Какутани, в актуальной цифровой среде «каждый имеет право на особое мнение, но не на особые факты» — поляризация зашла настолько далеко, что пользователи соцсетей с трудом приходят к соглашению по поводу одних и тех же фактов, получая «подкрепление собственных заведомых мнений» в своих «камерах без окон» [3, с. 17–18].

«Объективность» в логике современных платформ становится экономическим балластом. Технологические гиганты ориентированы на «коэффициент удержания» (*retention rate*), который находится в прямой зависимости от когнитивного комфорта аудитории. Процедура верификации, требующая от пользователя интеллектуальных усилий и зачастую провоцирующая когнитивный диссонанс [4, с. 35–39], враждебна идеалу интерфейсной бесшовности (*seamless interface*) — то есть пользовательского опыта (*user experience design, UX*), при котором взаимодействие с системой происходит максимально гладко, без технических пауз или логических препятствий. Верификация данных — это «плохой UX» с точки зрения удержания внимания, так как она создает «трение» (*friction*). Идеал современного интерфейса — сделать так, чтобы пользователь скользил по контенту, не «спотыкаясь о сомнения». Платформы сознательно минимизируют любое когнитивное «трение», предлагая пользователю контент, заранее откалиброванный под его психографический профиль (то есть внутренние мотивации, убеждения и иные психологические установки субъекта, определяющие его поведение). Объективность в этой системе координат изживается не вследствие цензурных запретов, а в силу рыночной логики: поддержание аффективной вовлеченности монетизируетсякратно эффективнее, чем трансляция доказательного контента. [5, р. 103–105].

Конечным пунктом этого процесса становится дезинтеграция верифицируемого знания как такового — некогда общепринятой совокупности эмпирически проверяемых данных, формирующих информационное пространство или научный дискурс. В качестве философского фундамента этого кризиса уместно рассмотреть тезис Б. Латура о том, что инструменты критики подвергают сомнению сами положения дел (*matters of fact*). Латур отмечает, что «безотлагательный ревизионизм» имитирует процедуры социологии науки, чтобы «разрушить доказательства», выработанные исследовательской практикой. Когда любой эмпирический довод с легкостью клеймится как результат субъективной интерпретации, сама идея верификации теряет смысл [6, с. 31–34]. Это не просто затрудняет коммуникацию, но фактически уничтожает пространство для рациональной дискуссии и какого-либо социального консенсуса [7, р. 158].

1. Теоретический базис Эволюция верификации и цифровая реконфигурация доверия

Классическая верификационная модель, доминировавшая в пространстве массовых коммуникаций прошлого века, опиралась на концепцию «привратников» (*gate keepers*). Сам термин, предложенный изначально К. Левином еще в 1943 году [8, р. 40], в дальнейшем (в 1950-е) был адаптирован к медиатеории Д. Уайтом [9, р. 54–56]. Согласно этой логике, редакционные институты (в классической медиатеории середины XX века — это традиционные средства массовой информации (*legacy media*), обладающие выстроенной структурой профессионального отбора и проверки контента) брали на себя роль централизованного фильтра, выступая гарантом эпистемической безопасности публичной сферы. В рамках подобной иерархии истина обладала выраженным институциональным характером. Однако масштабная цифровая трансформация вкупе с переходом к алгоритмическому ранжированию фактически лишила традиционные институты их монополии на подтверждение реальности.

С нашей точки зрения, наиболее релевантной исследовательской оптикой для анализа этой трансформации представляется подход С.-Т. Нгуена, который смещает фокус внимания с содержания информации на структуру каналов связи — с верификации конкретного контента на саму архитектуру доверия [7, р. 142–152]. Нгуен настаивает на принципиальном различии двух конфигураций искажения информационной среды: эпистемических пузырей (*epistemic bubbles*), возникающих вследствие исключения релевантной информации из поля зрения пользователя, и эхо-камер (*echo chambers*), механизмы которых направлены на подрыв доверия к любым внешним источникам. Если эпистемический пузырь является во многом побочным продуктом алгоритмической селекции — «пассивным» фильтром, — то природа эхо-камеры куда более сложна. Этот феномен базируется на системной манипуляции кредитом доверия: здесь альтернативные точки зрения не просто отсутствуют, но и превентивно дискредитируются. Как подчеркивает И. Калпокас, подобные структуры позволяют адептам замыкаться в самодостаточных эпистемических сообществах, где любой внешний довод воспринимается не как повод для рациональной дискуссии, а как подтверждение «повстанческого» статуса их собственного знания перед лицом «враждебного» мейнстрима [10, р. 102].

В этой точке верификация подменяется актом социальной лояльности. Мы наблюдаем симптоматичный переход от фактологической проверки к процедуре группового подтверждения. Как отмечает И. Калпокас, в такой системе координат «ключевым критерием при выборе между конкурирующими заявлениями об исти-

не является то, хотел бы человек (или не хотел бы), чтобы что-то было правдой» [10, р. 18]. Аудитория ожидает удовлетворения своих «сокровенных побуждений независимо от содержания сообщения», а коммуникаторы навязывают им Push-модель, используя эту готовность. В итоге «постправда — это не манипуляция, а сговор» между лидерами мнений и их последователями. Нынешняя цифровая архитектура фактически легитимирует подобные когнитивные стратегии, поскольку они минимизируют дискомфорт субъекта при одновременной максимизации его вовлеченности. Рекомендательные системы и механизмы ранжирования преследуют иные цели: не установление истины, а тотальное удержание внимания. Объективность в такой системе координат изживается как избыточная категория, уступая место примату ожидания над содержанием.

Переориентация субъекта с поиска истины на подтверждение групповой идентичности не является случайным сбоем в системе коммуникаций. Напротив, повторимся, эта когнитивная трансформация находит мощную технологическую поддержку в архитектуре современных медиаплатформ. Если эхо-камеры создают структурные условия для изоляции, то сами механизмы функционирования цифровой среды превращают эту изоляцию в товар. Таким образом, анализ архитектоники доверия неизбежно переходит в плоскость исследования прагматики интерфейсов, где конфликт между вовлеченностью и достоверностью становится системным фактором.

2. Механизмы эрозии: вовлеченность против достоверности

Неразрешимый конфликт между требованием эффективности и внутренней логикой рекомендательных систем укоренен в самом фундаменте бизнес-моделей ИТ-гигантов. В условиях господства экономики внимания информация превращается в инструмент аффективного захвата. Поскольку ключевым мерилем эффективности алгоритма выступает не объективная точность, а глубина вовлеченности, фактологическая достоверность данных неизбежно приносится в жертву их способности провоцировать мгновенную реакцию.

Когда индивид фиксирует, что некое утверждение внутри его сегментированного информационного поля аккумулирует критическую массу одобрительных реакций, его психика склонна интерпретировать это как свидетельство достоверности. Платформы лишь цементируют такой эффект, превентивно ограничивая трансляцию диссонирующей информации. Классический психологический механизм социального доказательства (*social proof*), основательно исследованный в рамках экспериментальной социальной психологии уже к середине 1980-х [11, с. 254], получает в цифровой архитектуре мощный рычаг масштабирования.

Группа исследователей под руководством С. Арала эмпирически подтвердила, что недостоверные сообщения (фейки) циркулируют в сетях в среднем в шесть раз быстрее правды [12, р. 1147–1148]. Причина кроется в специфической природе фальсификаций: они обладают более выраженной новизной и аффективным зарядом. Так процедура верификации окончательно мимикрирует под персонализированную интерпретацию. Данные, не инкорпорированные в ценностную решетку конкретной эхо-камеры, подвергаются активной дискредитации.

3. Түфекчи описывает современную стратегию контроля над информацией, называя ее «цензурой через шум» (*sensorship through noise*) и «замутнением онлайн-вод» (*muddy the online waters*) [13, р. 29] — так за дезинформаций и/или переизбытком информации алгоритмы эффективно скрывают неудобные факты.

В итоге цифровая архитектура перестает быть нейтральным проводником реальности. Ситуация достигает апогея на фоне экспансии генеративных моделей и технологий дипфейков, когда даже непосредственное визуальное наблюдение не дает возможность произвести верификацию.

3. Алгоритмическая радикализация и фрагментация реальности

Одной из деструктивных характеристик современных рекомендательных механизмов выступает их тенденция к последовательной радикализации пользовательских установок. Процесс этот, известный в научном обиходе как «эффект кроличьей норы» (*rabbit hole effect*), представляет собой технологическую воронку: стремясь к максимизации внимания пользователя, алгоритм старается повышать градус экстремальности контента. В рамках этой логики достоверность сообщения легитимируется способностью резонировать с априорными подозрениями субъекта.

Согласно позиции 3. Түфекчи, алгоритм здесь берет на себя роль агента социального инжиниринга [13, р. xxix]. Зафиксировав пусть даже умеренный интерес пользователя к определенной теме, система начинает агрессивно выстраивать траекторию его потребления в сторону деструктивного скепсиса по отношению к официальным институтам. Современные рекомендательные архитектуры выступают активным множителем социальной поляризации — результатом этого становится распад общества на герметичные фактологические вселенные.

Усугубляется ситуация окончательной девальвацией визуальной достоверности. Когда традиционный субъект философии Нового времени лишается своего последнего эпистемического основания — достоверного чувственного опыта, — процедура верификации окон-

чительно вырождается в акт декларации лояльности референтной группе. Таким образом, дрейф от фильтрации истины к генерации конформной лжи оказывается системным свойством текущей цифровой среды.

4. Философская рефлексия: децентрализация истины и кризис коммуникации

Совокупность описанных выше трансформаций приводит к эпистемологическому кризису: категория истины утрачивает претензию на универсальность, приобретая черты субъективного акта потребления. В терминологии Ж. Бодрийяра такое положение дел описывается как триумф гиперреальности: господство алгоритмических симулякров — репрезентаций, не имеющих под собой фактического основания, — в восприятии субъекта оказывается куда более убедительным, нежели сама реальность [14, с. 20–23; 111–112; 147–148].

Подобная архитектура познания провоцирует специфическую форму эпистемического сопротивления. Демонстративный отказ от признания объективных данных зачастую интерпретируется пользователем как акт защиты суверенной интеллектуальной автономии. Истина (или то, что за нее принимается), как уже было сказано, превращается в маркер групповой принадлежности.

Фатальная эрозия верификационных процедур ведет к деградации публичной коммуникации. Если следовать логике Ю. Хабермаса, то неперенным условием реализации рационального дискурса выступает наличие разделяемого всеми жизненного мира (*Lebenswelt*) — горизонта фактов, чья истинность не оспаривается [15, с. 539–573]. Однако алгоритмическая фрагментация планомерно уничтожает этот фундамент. Продуктивная дискуссия замещается столкновением аффективных идентичностей. Верификация в цифровую эпоху все чаще мигрирует в плоскость парасоциального взаимодействия: доверие делегируется не абстрактному научному знанию, а конкретным инфлюенсерам. В конечном итоге мы наблюдаем кристаллизацию режима пост-объективности, превращающего публичную сферу в конгломерат несовместимых интерпретаций.

Заключение: от реактивной борьбы к архитектурным решениям

Из нашего анализа следует, что в условиях экспансии рекомендательных систем процедура установления достоверности перестала быть волевым актом познающего субъекта. Центральный вызов так называемой «эпохи постправды» состоит в противоречии, заложенном в самой архитектонике цифровых платформ, где рыночный императив удержания внимания вступает в конфликт с сохранением доступа к верифицируемой информации.

Перспективный выход может заключаться не в реактивном преследовании фейков, а в превентивной трансформации информационной среды посредством архитектурного обеспечения серендипности (*serendipity by design*). В данном контексте под серендипностью понимается проектирование таких интерфейсных решений, которые намеренно создают условия для контролируемого столкновения пользователя с релевантным, но незапрашиваемым контентом, выходящим за пределы его сложившихся предпочтений. В отличие от бесшовных рекомендательных моделей, стремящихся к максимальной релевантности, архитектура серендипности восстанавливает «информационное трение», возвращая в цифровую среду элемент продуктивной случайности. На законодательном мировом уровне такой подход уже закреплён в Законе ЕС о цифровых услугах (*Digital Services Act, DSA*), обязывающий крупнейшие онлайн-платформы предлагать пользователям как минимум одну систему рекомендаций, не основанную на профилировании [16, Article 38]. Данная норма фактически легитимизирует право субъекта на получение информации вне рамок его прошлых предпочтений. На практике это реализуется через обязательное внедрение лент, не использующих предиктивный анализ, что позволяет минимизировать эффекты радикализации и фрагментации реальности.

Внедрение в интерфейс элементов контролируемой случайности (например, блоков «альтернативная точка зрения» или лент с низкой степенью персонализации) расширяет когнитивный горизонт пользователя. Это создает условия для восстановления общего коммуникативного пространства, где разные социальные группы вновь начинают оперировать единым набором фактов, пусть и сохраняя право на их различную интерпретацию. Таким образом, серендипность выступает не просто дизайнерским решением, но и инструментом реабилитации объективной реальности в глазах субъекта.

Примером превентивного регулирования также может выступать принцип проектируемой безопасности и прозрачности (*transparency by design*). Речь о внедрении так называемого объяснимого искусственного интеллекта (*Explainable AI*). Суть такого подхода в том, что платформы обязаны встраивать инструменты самоконтроля пользователя в интерфейс, обеспечивая доступность механизмов верификации для устранения непрозрачности алгоритмического отбора. Например, согласно нормам Закона ЕС об искусственном интеллекте (*EU AI Act*), AI-системы должны проектироваться таким образом, чтобы обеспечивать проверяемый уровень прозрачности их функционирования [17, Art. 13(1)]. В контексте социальных медиа это выражается в требовании раскрывать параметры, на основе которых контент был доставлен пользователю. Подобная «демистификация» алгоритмов позволяет восстановить критическую дистанцию, превращая потребление информации в осознанную навигацию.

Практическая польза объяснимого искусственного интеллекта (ХАИ) выражается в праве пользователя на получение содержательного обоснования: например, почему конкретная новость или мнение были помещены в топ выдачи. Когда алгоритм эксплицирует свои критерии (указывая на «высокую популярность в сегментированной группе», «аффективный характер заголовка» и т.п.), он тем самым лишает сообщение его «манипулятивной силы». Это позволяет перейти от пассивного потребления контента к его критическому анализу.

Подводя итог, можно утверждать, что преодоление кризиса доверия в цифровую эпоху невозможно через простой возврат к классической модели «привратников». Современная стратегия защиты информационной среды должна опираться на синтез правового регулирования (DSA, AI Act) и осознанного проектирования

когнитивно-дружелюбных интерфейсов. Вместо «бесшовного» поглощения данных, архитектурные решения будущего должны предлагать модели дизайна с «управляемым сопротивлением», направленные на деавтоматизацию восприятия и восстановление критической дистанции.

В конечном итоге цель подобной трансформации — восстановление эпистемического фундамента публичной сферы и целостности верифицируемой среды. И это представляется возможным через синергию технологического проектирования и правового регулирования. Переход к архитектуре осознанности и прозрачности алгоритмов дает шанс преодолеть «смерть истины», заменив герметичные эхо-камеры открытым, хотя и сложно организованным, пространством верифицируемого знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А.Ф. Васильева. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. — 784 с.
2. White D.M. The «Gate Keeper»: A Case Study in the Selection of News // *Journalism Quarterly*. — 1950. — Vol. 27, № 4. — P. 383–390.
3. Какутани М. Смерть правды / пер. с англ. Л. Сумм. — М.: Эксмо, 2019. — 311 с.
4. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / пер. с англ. А.А. Анистратенко, И.В. Знаешевой. — М.: Эксмо, 2018. — 256 с.
5. McIntyre L. Post-Truth. — Cambridge, MA: MIT Press, 2018. — 216 p.
6. Латур Б. Почему критика выдохлась? От фактов к вопросам, вызывающим озабоченность / пер. с англ. П. Маркиной // *Логос*. — 2023. — Т. 33, № 5. — С. 29–61.
7. Nguyen C.T. Echo Chambers and Epistemic Bubbles // *Episteme*. — 2020. — Vol. 17, № 2. — P. 141–161. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/episteme/article/abs/echo-chambers-and-epistemic-bubbles/5D4AC3A808C538E17C50A7C09EC706F0> (дата обращения: 01.02.2026). — DOI: 10.1017/epi.2018.32.
8. Lewin K. Forces Behind Food Habits and Methods of Change // *The Problem of Changing Food Habits: Report of the Committee on Food Habits 1941–1943*. — Washington, DC: National Research Council, National Academy of Sciences, 1943. — Bulletin No. 108. — P. 35–65. (Электронный ресурс). — URL: [nationalacademies.org/read/28634/chapter/4#60](https://www.nationalacademies.org/read/28634/chapter/4#60) (дата обращения: 01.02.2026).
9. Napoli P.M. Social Media and the Public Interest: Media Regulation in the Disinformation Age. — New York: Columbia University Press, 2019. — 296 p.
10. Kalpokas I. A Political Theory of Post-Truth. — Cham: Palgrave Pivot, 2019. — 135 p.
11. Чалдини Р. Психология влияния. 7-е расшир. изд. / пер. с англ. О. Епимахова, И. Селивановой. — М.: Эксмо, 2022. — 663 с.
12. Vosoughi S. The spread of true and false news online / S. Vosoughi, D. Roy, S. Aral. — Текст: электронный // *Science*. — 2018. — Vol. 359, iss. 6380. — P. 1146–1151. — URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/science.aap9559> (дата обращения: 01.02.2026). — DOI: 10.1126/science.aap9559.
13. Tufekci Z. Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest. New Haven: Yale University Press, 2017. — 360 p.
14. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. — М.: Издательский дом ПОСТУМ, 2015. — 240 с.
15. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: в 2 т. / пер. с нем. А. К. Судакова. — М.: Весь Мир, 2022. — 880 с.
16. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services (Digital Services Act) // *EUR-Lex*: [сайт]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj> (дата обращения: 30.01.2026).
17. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // *EUR-Lex*: [сайт]. — URL: [Regulation - EU - 2024/1689 - EN - EUR-Lex](https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj) (дата обращения: 30.01.2026).

© Неткачев Кирилл Иванович (belkir0712@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ КОНСЕРВАТИВНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Скворцова Анна Владимировна

кандидат философских наук, Российский технологический университет (МИРЭА), (г. Москва)
orel121@yandex.ru

THEORETICAL AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF A CONSERVATIVE WORLDVIEW

A. Skvortsova

Summary: The article examines the main provisions of the philosophy of conservatism on the example of the works of E. Burke, K. Mannheim, N.J. Danilevsky. Such features of the conservative worldview as traditionalism and organicism are highlighted. Traditionalism refers to the foundations of life passed down from generation to generation, on the basis of which legal laws are developed. Traditions are irrational, preserved by the whole society as a whole and determine the national mentality. They give people a sense of certainty, stability and predictability of life. Conservative philosophers seek to preserve not just certain socio-political institutions, but a certain attitude towards the world. Organicism suggests viewing society as a living organism that develops according to its own unique laws, making each civilization unique and unrepeatable. This approach precludes the arbitrary and mechanical adoption of one culture's forms of life by another culture.

Keywords: conservatism, solidarity, hierarchy, traditionalism, irrationalism, E. Burke, K. Mannheim, personality, society, monarchy.

Аннотация: В статье рассматриваются основные положения философии консерватизма на примере трудов Э. Берка, К. Манхейма, Н.Я. Данилевского. Выделяются такие черты консервативного мировоззрения как традиционализм и органицизм. Под традиционализмом понимаются устои жизни, передающиеся из поколения в поколение, на основе которых вырабатываются юридические законы. Традиции иррациональны, сохраняются всем обществом в целом и определяют национальный менталитет. Они рожают у людей чувство определенности, стабильности и предсказуемости бытия. Философы-консерваторы стремятся сохранить не какие-то отдельные социально-политические институты, а определенное отношение к миру. Органицизм заключается в том, что на общество предлагается взгляд как на живой организм, который развивается по своим, только ему присущим законам, что делает каждую цивилизацию уникальной и неповторимой. Исходя из этого, невозможны произвольные механические заимствования одной культурой форм жизни, присущих другой культуре. Заимствования должны творчески перерабатываться с учетом национальной специфики. Невозможны так же насильственные преобразования жизни общества, ломка традиционных устоев. Политические и социальные изменения должны носить естественный характер, эволюционный, а не революционный. Невозможно и искусственное поддержание отживших форм. Государственные и общественные институты создаются и поддерживаются традициями. В самом обществе-организме есть способность к саморегуляции и обновлению, в нем присутствует внутренняя идея, которая его созидает. Государственная власть лишь защищает этот «организм» от деструктивных воздействий. Личность каждого человека полноценно развивается не сама по себе, но только в связи с обществом.

Ключевые слова: консерватизм; традиционализм; органицизм; национальный менталитет, Э. Берк; К. Манхейм; Н.Я. Данилевский.

Изучение консерватизма как философского феномена требует выявления его фундаментальных концепций. Однако эти концепции сложно однозначно определить, поскольку они по-разному интерпретировались каждым мыслителем. Более того, консерватизм по своей природе не склонен к теоретизированию, отдавая предпочтение практическим действиям и опираясь на конкретную реальность, а не на абстрактные построения. В этой статье мы рассмотрим такие характерные черты консервативного мировоззрения, как традиционализм и органицизм, обращаясь к трудам Э. Берка, К. Манхейма и Н.Я. Данилевского. Э. Берк в конце XVIII века начал формировать систематическую философию консерватизма, реагируя на вызовы Французской революции. В XX веке немецкий социолог К. Манхейм предпринял попытку комплексного анали-

за консерватизма как самостоятельной идеологии, а Н.Я. Данилевский, родоначальник теории культурно-исторических типов, развивал консервативные идеи в контексте русской философии.

Для философов-консерваторов традиционализм является одной из основополагающих ценностей, на которых должно строиться развитие общества и государства. В консерватизме он занимает центральное место в социальной онтологии, то есть в понимании того, как устроено общество. Каждая устойчивая социальная группа обладает своей уникальной традицией, которая формировалась на протяжении истории. Эта традиция, по своей сути, иррациональна, то есть не основана на логических или рациональных доводах, а воспринимается как нечто данное, как естественный порядок ве-

щей. Само слово «традиция» происходит от латинского «tradition», что означает «передача». Оно определяется как «элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению». Примерами таких традиций могут служить «религиозные предания, определенные общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи» [6, с. 123].

Э. Берк был убежденным сторонником традиций, рассматривая их как непрерывную нить, связывающую прошлое, настоящее и будущее. «Все сделанные до сих пор преобразования производились на основе предыдущего опыта; и я надеюсь, даже уверен, что все, что будет сделано после нас, также будет строиться на предшествующих авторитетах и образцах» [1, с. 51]. Он считал, что любые реформы должны быть основаны на проверенном историческом опыте, а не на абстрактных теориях. Берк подчеркивал важность глубоких социальных связей, таких как семейные и национальные, для стабильности общества. Государство для него было не просто договором между современниками, а вечным союзом поколений.

В отличие от рационалистических подходов Локка и Руссо, Э. Берк отдавал предпочтение мудрости веков и народным традициям. Он полагал, что общественный порядок является продуктом медленного исторического развития, воплощая в себе коллективный разум народа, выраженный в обычаях, традициях и даже предрассудках. Эти элементы, по его мнению, являются драгоценным наследием предков, которое необходимо сохранять. Э. Берк призывал не отвергать предрассудки, а искать в них скрытую истину, поскольку они концентрируют в себе вечные ценности и помогают формировать добродетели. Государство и право, будучи результатом длительной эволюции, а не человеческого изобретения, не подлежат произвольным изменениям. Берк, высоко ценя традиции как носителей опыта предков, проявлял уважение к социальным институтам, таким как Церковь, семья и школа, которые играют ключевую роль в их передаче и сохранении.

Согласно Е. Шацкому, польскому исследователю консерватизма, традиции играют для народа роль, аналогичную корням для дерева. По мнению польского исследователя консерватизма Е. Шацкого, «народу нужны традиции, как дереву – корни. Без традиции он вообще не народ, а всего лишь аморфная, ненадолго собравшаяся толпа» [9, с. 285]. Он полагает, что отсутствие традиций деформирует народ, превращая его в аморфную, временно объединенную группу. Функциональное значение традиций заключается в их роли «моста» для межпоколенческой передачи жизненно важных навыков. Традиция представляет собой коллективную память народа, посредством которой каждое новое поколение обогащается опытом предшественников. Шацкий акцентирует

внимание на том, что любое общество является союзом людей не только в пространстве, но и во времени.

К. Манхейм определяет соотношение традиционализма и консерватизма следующим образом. Традиционализм трактуется им не как защита устоявшихся норм, а как имманентное следование им, выражающееся в психологической установке на сохранение прошлого и избегание новаций. Консерватизм же представляет собой традиционализм, достигший стадии «сознательности», то есть обретший выражение в конкретных идеологических конструкциях. В отличие от дорефлексивного и психологически обусловленного традиционализма, консерватизм характеризуется рефлексивной и осознанной формой. «В отличие от традиционализма, консерватизм имеет рефлекторную, осознанную форму». [5, с. 597].

А.В. Фененко предлагает модель взаимоотношений традиционализма и консерватизма у Манхейма в виде двухъярусной конструкции, где традиционализм выступает в роли фундамента, а консервативная идеология – в роли надстройки.

Согласно нашему мнению, традиционализм – это не столько слепое сохранение конкретных общественных или политических структур, сколько определенный взгляд на мир. В процессе модернизации многие общественные институты теряют свою актуальность и значимость. Консервативное мировоззрение не противопоставляет прошлое настоящему. Как отмечал Е. Шацкий, истинный консерватизм не стремится к полному возврату к прошлому [5, с. 597]. Радикальное восстановление прежних порядков неприемлемо для консерваторов, поскольку возрожденные таким образом явления не смогут функционировать в современных условиях. Консерватизм не ставит целью воскресить то, что полностью утрачено, чтобы не нарушать естественный ход истории. Вместо этого он стремится сохранить основополагающие принципы и идеи, которые лежали в основе существования этих институтов и структур. Например, в XXI веке говорить о возможности восстановления монархии в России нереалистично, но сохранить и укрепить принцип уважения к власти, который был важен для консерваторов-охранителей, представляется необходимым.

В рамках нашего понимания, традиционализм может быть интерпретирован как этноспецифический когнитивный паттерн и комплекс психологических установок, присущих определенному этносу. Эти установки, будучи уникальными для каждого народа, демонстрируют универсальность принципа их сохранения на протяжении веков, несмотря на динамику внешней среды и политико-правовых институтов, поскольку они способствуют этнонациональному выживанию. Согласно некоторым исследователям, национальный менталитет находит свое выражение в доминирующих коллективных пред-

ставлениях о мире и в специфике народной деятельности, отраженной в артефактах материальной и духовной культуры.

В.К. Трофимов выделяет следующие основополагающие характеристики русского национального менталитета: парадоксальность ментальных проявлений, безмерность жизненного порыва, ориентация на абсолютные ценности, феномен «созерцания сердцем», национальная стойкость, приверженность свободе, «мы» - психология [8, с. 11].

Г. Лебон, один из пионеров социальной психологии, определяет «душу народа» как совокупность его моральных и интеллектуальных особенностей, как синтез его исторического прошлого и наследства предков, и, что является ключевым, как общность чувств, интересов и верований [4, с. 17].

Центральным элементом консервативной социальной философии является органицизм, который трактует природу, человека и общество как сложные, живые организмы. В этой парадигме ни одна часть не существует обособленно, а лишь в неразрывной связи с целым.

Согласно органицистскому мировоззрению, общество подобно живому организму, его развитие происходит плавно и естественно, с акцентом на сохранение и эволюцию устоявшихся традиций. Традиции, в свою очередь, не являются продуктом искусственного создания, а скорее естественным ростом изнутри, подобно тому, как растет растение. Как отмечал К. Манхейм, консерватизм опирается на органицистские представления об обществе, а концепция «общественного организма» служила консерваторам для опровержения либеральной идеи о повсеместной применимости политических и социальных новшеств [5, с. 616].

Исходя из предположения о единой метафизической основе природных и социальных явлений, консерваторы утверждают, что законы органического развития универсальны и являются основополагающими принципами бытия. Эдмунд Берк ярко иллюстрировал эту идею, сравнивая политическую систему с «постоянным органом», подчиненным законам мирового порядка [1, с. 52]. Следовательно, консерватизм неизменно прибегает к органическим категориям для анализа и интерпретации социальных явлений.

Применение органической метафоры к обществу порождает концепцию, исключающую возможность рево-

люционных изменений. Радикальные преобразования традиционных устоев посредством насильственных мер считаются недопустимыми, поскольку, согласно цитируемому источнику, «если целостность общества скрепляется естественными связями, то насильственное их разрушение или искусственное поддержание рано или поздно приведут общество к гибели» [2, с. 130].

Предполагается, что необходимые трансформации происходят спонтанно и своевременно, а задача индивида заключается в их своевременном выявлении и адаптации в безболезненной форме. Формирование политических систем обусловлено не столько рациональным проектированием, сколько совокупностью традиций, привычек и предпочтений, сформированных на протяжении многих поколений, что объясняет консервативное отрицание революций.

Таким образом, в самом обществе-организме присутствует имманентная созидательная идея и изначально заданная целесообразность. Социальные структуры должны возникать органически, изнутри самого общества, а не по чьей-либо воле или извне. Историческое развитие национальных организмов и их политико-правовых институтов консервативная органическая теория трактует как имманентно телеологический процесс.

Любой организм не способен адекватно реагировать на неразумные инородные вмешательства. Следовательно, заимствования из других цивилизаций и культур должны быть интегрированы в объеме, позволяющем им органично прижиться, сохраняя при этом народную самобытность. Эта самобытность, в свою очередь, подвергает заимствования творческой переработке, адаптируя их к собственным реалиям.

Итак, согласно консервативной философии, человек – это историческая личность, неразрывно связанная с наследием своего народа. Его истинное существование обретается только в органическом единстве с обществом. Традиции, будучи неотъемлемой частью общественной жизни и уходящими корнями в глубокое прошлое, не могут быть изменены под влиянием сиюминутных желаний отдельных индивидов или политических сил. Общественная среда формирует правильное направление индивидуального развития, а коллективный разум, как хранитель этих традиций, помогает человеку ориентироваться и принимать верные решения. Такое единство людей напоминает строение живого организма, где каждая его часть находится в гармоничной взаимосвязи со всем целым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берк Э. Размышления о революции во Франции. М.: Рудомино, 1993.

2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: т-во «Обществ. польза», 1871.
3. Кузьмина Г.П. Идеи органицизма в русской социальной философии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Чебоксары, 2007.
4. Лебон Г. Психология толп. М.: Инст-т психологии РАН, 1998.
5. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
6. Новый энциклопедический словарь, М.: Большая Рос. Энцикл.: Рипол Классик, 2000.
7. Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально- политическая практика. Ростов-на-Дону, 2005.
8. Трофимов В.К. Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект). Автореферат на соискание ученой степени доктора философских наук, Екатеринбург, 2001.
9. Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990.

© Скворцова Анна Владимировна (orel121@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

SOCIO-PHILOSOPHICAL CONCEPT OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF PERSONAL SELF-ACTUALIZATION AND SOCIAL DYNAMICS

V. Skopa

Summary: Personality development is a multifaceted process studied by a number of scientific disciplines: philosophy, psychology, sociology, pedagogy, and law. The education system plays a key role in this development as a social mechanism where intensive personal development occurs. In the educational environment, individuals acquire fundamental experience: they master cognitive activity, develop research skills, and learn to interact with others. It is also here that they test their own capabilities through participation in joint projects, overcoming difficulties, and achieving success. The educational environment creates unique conditions for the development of psychological neoplasms that subsequently determine a person's life trajectory. Through constant testing of their independence and competence, individuals build the foundation for future personal strategies and behavior patterns.

Keywords: youth, philosophy, society, education, social institutions.

Аннотация: Формирование личности – многогранный процесс, изучаемый целым рядом научных дисциплин: философией, психологией, социологией, педагогикой и юриспруденцией. Ключевую роль в этом становлении играет система образования как социальный механизм, где происходит интенсивное личностное развитие. В образовательном пространстве индивид приобретает фундаментальный опыт: осваивает познавательную деятельность, развивает исследовательские навыки, учится взаимодействовать с окружающими. Здесь же происходит апробация собственных возможностей через участие в совместных проектах, преодоление трудностей и достижение успехов. Образовательная среда создает уникальные условия для формирования психологических новообразований, которые впоследствии определяют жизненную траекторию человека. Через постоянное испытание собственной самостоятельности и компетентности личность выстраивает фундамент будущих личностных стратегий и моделей поведения.

Ключевые слова: молодёжь, философия, общество, образование, социальные институты.

В современном социокультурном пространстве образование выступает не просто механизмом передачи знаний, но и сложной системой личностного и общественного развития. Оно представляет собой многоуровневый процесс становления индивида как субъекта социальных отношений, способного к самореализации и трансформации окружающей действительности [3]. В данном контексте к ключевым аспектам такой концепции можно отнести:

- личностную парадигму развития, где образование рассматривается как индивидуальная траектория самопознания и раскрытия потенциала;
- социальную динамику, предполагающую активное взаимодействие личности с меняющимися общественными структурами;
- диалектическую взаимосвязь между индивидуальным творческим потенциалом и социальными потребностями.

Образование в этом контексте становится не только инструментом адаптации, но и механизмом опережающего развития личности и социума [7, 8]. Суть в том, что образование перестает быть просто реактивным про-

цессом и становится проактивным развитием, которое не только адаптирует, но и трансформирует личность и среду пребывания.

Человечество в XXI веке столкнулось с комплексом сложных вызовов: экономических, общественных, государственных и морально-этических. Уникальность и многогранность текущего состояния цивилизации обусловлены масштабными переменами и кардинальными сдвигами в понимании человека, социальных структур, природных процессов и мироустройства в целом. Основные трансформации затрагивают фундаментальные представления, меняют традиционные научные парадигмы и концептуальные модели восприятия реальности. Глубинные сдвиги происходят не только в практической плоскости, но и в интеллектуальном, духовном пространстве человеческого существования.

Процесс формирования человеческой личности теснейшим образом связан с образовательной средой, которая выступает ключевым механизмом социализации индивида. В социально-философском контексте образование рассматривается не просто как передача знаний,

но и как сложный многоуровневый процесс становления личности, её интеграции в социальную систему [4]. В данном контексте к основным аспектам влияния образования на личностное становление относят:

- когнитивное развитие, которое включает в себя расширение интеллектуального горизонта; формирование критического мышления и развитие познавательных способностей;
- социальная адаптация представлена освоением культурных норм; приобретением коммуникативных навыков и интериоризацией социальных ролей;
- личностное самоопределение содержит формирование ценностных ориентаций; профессиональное самоопределение и построение индивидуальной траектории развития.

Образовательная среда выступает активным пространством трансформации индивида, где происходит не только накопление информации, но и глубинное переосмысление личностью собственного места в социальной реальности [1].

Образование выступало и продолжает выступать ключевым индикатором состояния человечества, отражая многослойную и противоречивую природу современной эпохи. Оно выступает уникальной призмой, через которую преломляются разнонаправленные аспекты человеческого бытия: материальное и духовное, коллективное и личностное, цивилизационное и культурное. В образовательном пространстве интегрируются, по-видимому, несовместимые плоскости: рациональное познание и иррациональное восприятие, интеллектуальное знание и нравственные принципы, научные концепции и глубинные верования. Подобный синтез демонстрирует сложность и многогранность человеческого мировоззрения, где жесткие бинарные оппозиции трансформируются в гибкие, взаимопроникающие системы смыслов. Образование становится не просто инструментом передачи информации, но пространством диалога, где формируется целостное понимание реальности [6].

В современном глобальном пространстве сформировались деструктивные мировые социальные тренды, истоки которых кроются в безальтернативном утверждении рыночного фундаментализма. Доминирование принципа максимизации прибыли как единого критерия развития происходит вопреки нарастающему экологическому кризису и очевидной перспективе истощения природных ресурсов.

Характерными чертами современной системы становятся нивелирование ценности личности; девальвация культурного достояния; системное нарушение государственного суверенитета; трансформация образования из инструмента социализации и воспитания в коммер-

ческую услугу. Образовательная сфера постепенно превращается в механизм капитализации человеческого потенциала, где знания рассматриваются прежде всего как товар, а не средство всестороннего развития индивида. Приоритет экономической целесообразности вытесняет гуманистические принципы обучения и воспитания [9].

В нынешнюю эпоху обучение становится ключевым фактором, определяющим траекторию прогресса личности и социума, служа катализатором научного, технологического, культурного и социального роста. Стремительные трансформации в информационной, коммуникативной, экологической и технологической сферах, сопровождающиеся высокой динамичностью знаний и постоянным обновлением информационных потоков, выдвигают принципиально новые требования к образовательным системам, обуславливая необходимость их кардинальной модернизации [5, 7]. Параллельно с этим нарастающие кризисные тенденции в образовательной сфере обостряют потребность в поиске инновационных стратегий и нестандартных подходов к развитию и совершенствованию образовательных траекторий.

Для педагогической науки принципиально важно глубокое понимание термина «личность». Это интегральная характеристика индивида, которая раскрывает совокупность социально сформированных качеств, накопленных в процессе жизнедеятельности и проявляемых через разнообразные модели поведения и активности. Ключевое понимание заключается в том, что далеко не каждого человека можно рассматривать как полноценную личность. Например, в первобытном обществе индивид фактически не обладал самостоятельностью, его существование было полностью растворено в коллективных интересах родовой общины, где персональные устремления не имели самостоятельной ценности и значимости.

Социальная характеристика личности предполагает наличие индивидуальной системы ценностей, способности к рефлексии и осознанному выбору, что было невозможно на ранних этапах человеческой цивилизации. Личность представляет собой комплексную социальную характеристику индивида, которая раскрывается через устремления к самостоятельной, созидательной и социально значимой деятельности [10].

В процессе становления человек последовательно раскрывает свой внутренний потенциал, который формируется под влиянием двух ключевых факторов: врожденных природных задатков и социокультурного контекста, включающего воспитание и жизненные обстоятельства. Такая дуалистическая природа человека отражает универсальный принцип взаимодействия биологического и социального начал. Подобно многим явлениям в природе, личность характеризуется внутрен-

ней амбивалентностью: с одной стороны – генетически детерминированные характеристики, с другой – социально сконструированные качества, которые складываются под влиянием культурной среды, воспитания и индивидуального опыта.

Философское понимание личности восходит к глубоким идеям Гегеля, который определял ее как способность к самосознанию и рефлексивному осмыслению собственного места в окружающей реальности. Современная педагогическая наука развивает это понятие, характеризуя личность как самостоятельную, внутренне структурированную социальную систему. Ключевыми атрибутами такой системы выступают автономность, способность к самоорганизации и внутренняя дистанцированность от усредненных социальных норм и стандартов [8].

Сущность личности раскрывается через ее уникальную способность к самоидентификации, критическому восприятию действительности и построению индивидуальной траектории развития. Это динамичная, постоянно трансформирующаяся структура, которая формируется на пересечении внутренних потенциалов индивида и внешних социальных влияний. Философ В.П. Тугаринов выделил фундаментальные характеристики личности, среди которых: рациональность, морально-нравственная ответственность, внутренняя свобода, самоуважение и уникальная индивидуальность [11].

Понятие «личность» выходит за пределы индивидуальных характеристик и представляет общечеловеческие качества, присущие роду «*homo sapiens*». Оно подчеркивает уникальность человеческого сообщества, принципиально отличающегося от других материальных систем специфическим способом жизнедеятельности и социальной организации. Педагог К.Д. Ушинский в свое время сформулировал принципиальную методологическую установку для образовательной деятельности: глубокое и всестороннее изучение природы ребенка является непременным условием эффективного воспитания. Это означает, что педагогический процесс должен основываться на всестороннем понимании индивидуальных особенностей, потенциалов и потребностей личности. Таким образом, концепция личности является сложной, многоуровневой системой, включающей биологические, психологические, социальные и культурные измерения человеческого бытия.

Образование является ключевым катализатором развития как отдельной личности, так и общества в целом. Для античной цивилизации характерен идеал гармонично развитого человека, который достигает совершенства через сбалансированное развитие физических и духовных способностей. Греческие мыслители демонстрировали уникальный плюрализм взглядов на образо-

вательный процесс, его цели и методологические принципы. В частности, известный тезис Сократа «Я знаю, что ничего не знаю» выражал принципиально важную философскую установку – перманентную жажду познания, осознание ограниченности собственного знания и постоянное стремление к интеллектуальному росту.

Образование в античном мире рассматривалось не просто как накопление информации, а как сложный процесс формирования личности, развития критического мышления, нравственных ценностей и гражданского сознания. Такой подход принципиально отличался от утилитарного восприятия знаний и делал упор на всестороннем личностном развитии.

В эпоху Нового времени произошла трансформация образовательных парадигм, где на первый план выступили принципиально новые установки и ориентиры. Магистральной целью становится подчинение природных процессов человеческому разуму. Аккумулированный интеллектуальный потенциал стал катализатором радикальных преобразований производственных механизмов. Доминирующим концептом периода становится понимание знания как инструмента контроля и управления окружающей средой и социальными системами. Образование выступает ключевым механизмом становления и развития личности, оказывая многогранное влияние на интеллектуальную, ценностную и социальную сферы индивида [8]. Рассмотрим основные способы трансформационного воздействия образовательного процесса:

1. Когнитивное развитие и приобретение компетенций. Посредством учебных программ обучающиеся погружаются в различные предметные области, осваивают методы аналитического мышления, алгоритмы решения проблем и стратегии критического восприятия информации. Полученный интеллектуальный инструментарий становится фундаментом профессионального и личностного роста.
2. Аксиологические и мировоззренческие установки. Образование служит платформой для расширения горизонтов восприятия, знакомства с многообразием культурных парадигм и ценностных систем. В процессе интеллектуального взаимодействия обучающиеся вырабатывают собственную аксиологическую модель, развивают толерантность и способность к пониманию альтернативных точек зрения.
3. Социальная адаптация и коммуникативное становление. Через групповую деятельность и коллективные взаимодействия индивиды осваивают навыки командной работы, межличностной коммуникации и социальной интеграции. Образовательная среда предоставляет уникальные возможности для межкультурного диалога и расширения социальных компетенций.

4. Персональное самораскрытие и личностная самореализация. Образовательное пространство создает условия для раскрытия индивидуальных талантов через участие в различных активностях – научных, творческих, спортивных. Параллельно происходит развитие метанавыков самоорганизации, дисциплины и целеустремленности, необходимых для достижения жизненных целей.

Образование выступает фундаментальным социальным механизмом трансляции культурного опыта, обеспечивающим преемственность знаний, навыков и ценностных ориентиров между поколениями. Философская концепция образования базируется на идее становления человека как многогранной, динамически развивающей-

ся системы. Ключевым основанием этого процесса является признание имманентной незавершенности личности и её внутреннего потенциала к самотрансформации.

В целом, образование в современном социально-философском контексте представляет собой многоуровневый процесс личностного и общественного развития, который выходит за рамки простой передачи знаний. Это сложная система, интегрирующая индивидуальный потенциал человека с социальными потребностями, где ключевыми аспектами становятся личностная самореализация, социальная адаптация и непрерывное развитие. Образование выступает не только инструментом социализации, но и механизмом опережающего развития личности, способным преодолевать деструктивные тренды современного глобального пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
3. Буданов В.Г. Эпоха бифуркаций и синергетика в образовании // Московский синергетический форум: Тезисы. М., 1996.
4. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М., 1998.
5. Делокаров К.Х. Философия воспитания и образования // Очерки социальной философии. М., 1994.
6. Комиссарова Г.А. Образование как социокультурная ценность. - М., 1998.
7. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. 1995. № 1.
8. Синергетика и образование. М., 1997.
9. Слободчиков В.И. Реальность субъективного духа // Человек. 1994. № 5.
10. Франкл В.Э. Духовность, свобода и ответственность // Человек в поисках смысла. М., 1990.
11. Тугаринов В.П. Личность и общество. М., 1965.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ТУРИСТСКОЙ ТЕРРИТОРИЕЙ

SOCIO-PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF TOURIST TERRITORY MANAGEMENT

G. Trifonova

Summary: The article focuses on the problem of improving the management of tourist territories in the context of sustainable development requirements. Based on a comparative analysis of the international IDM model (using the TALC example) and the domestic model for specially protected natural areas (SPNAs), their conceptual similarities and functional shortcomings are identified. As a result of the study, employing socio-political philosophy, a set of new functions aimed at integrating sustainability principles, digitalization potential, and socio-cultural significance is proposed. The key proposed functions include the implementation of a digital destination management platform, climate-resilient planning, as well as gamification mechanisms and startup support. The implementation of these functions lays the foundation for building a more adaptive, technologically advanced, and balanced management model capable of effectively responding to modern economic, environmental, and social challenges.

Keywords: tourist territory management; sustainable development; comparative analysis; digital transformation; integration of functions.

Трифоновна Галина Павловна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (г. Чита)
galina_firsova_00@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме совершенствования управления туристскими территориями в контексте требований устойчивого развития. На основе сравнительного анализа международной модели IDM (на примере TALC) и отечественной модели для особо охраняемых природных территорий (ООПТ) выявлены их концептуальные сходства и функциональные недостатки. В результате исследования с помощью социально-политической философии предложен комплекс новых функций, направленных на интеграцию принципов устойчивости, потенциала цифровизации и социокультурной значимости. Ключевыми предлагаемыми функциями являются внедрение цифровой платформы управления дестинацией, климатически устойчивое планирование, а также механизмы геймификации, поддержки стартапов. Внедрение данных функций формирует основу для построения более адаптивной, технологичной и сбалансированной модели управления, способной эффективно реагировать на современные экономические, экологические и социальные вызовы.

Ключевые слова: управление туристскими территориями; устойчивое развитие; сравнительный анализ; цифровая трансформация; интеграция функций.

Туризм представляет собой один из наиболее динамично развивающихся секторов мировой экономики, оказывающий значительное влияние на социальное, экономическое и культурное развитие обществ. Его расширение сопровождается как позитивными эффектами, выражающимися в увеличении доходов и занятости, так и негативными -включая деградацию природной среды, потерю культурной идентичности и социальную напряжённость. Современная туристическая индустрия сталкивается с противоречием: необходимо совмещения экономической эффективности с требованиями устойчивого развития.

Впервые термин «устойчивое развитие» был сформулирован Всемирной туристской организацией и определяется как «туризм, который в полной мере учитывает его текущие и будущие экономические, социальные и экологические воздействия, удовлетворяя потребности посетителей, отрасли, окружающей среды и принимающих сообществ» в 1987 году. Это обуславливает необходимость переосмысления традиционных моделей управления туристской территорией и выявлении недостающих функций, которые необходимы для комплексного управления, сочетающие цифровые технологии, эко-

логические принципы и социокультурные компоненты.

Научные исследования в области туризма демонстрируют значительное разнообразие подходов. Выделяются такие основные подходы, как экономический подход, направленный на изучение влияния туризма на валовой внутренний продукт, занятость и инвестиции. Джон Флетчер в своей работе разработал и адаптировал методы оценки полного экономического воздействия туризма, включая прямые, косвенные и индуцированные эффекты [5]. Также рассматривается маркетинговый подход, сосредоточенный на стратегиях продвижения туристических услуг и поведении потребителей. Экономист Филип Котлер [6] детально описывает этапы, которые проходит потребитель: осознание проблемы, поиск информации, оценка альтернатив, решение о покупке, реакция после покупки. В области социологического подхода, акцентирующем внимание на социальных и культурных трансформациях, вызванных туризмом, важное значение имело наследие мировых философов социологов, культурологов: Демокрита, Л. Сенеки, А. Августина, Ф. Бэкона, Р. Декарта, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо. Важное значение имеет экологический или устойчивый подход, анализирующий воздействие туризма на окружающую

среду и вырабатывающий принципы минимизации ущерба. Работы А.Э. Пробста [1] и Н.Н. Дроздова [2] дополняя друг друга, задают два взаимосвязанных вектора развития научной мысли – от прикладного управления туристской деятельностью на уникальных территориях до системного геоэкологического моделирования.

Среди достижений научной разработки можно отметить создание комплексных моделей оценки туристической активности, активное внедрение цифровых решений (цифровизация туризма, использование bigdata и платформенных решений), а также формирование теоретических основ устойчивого туризма. В России значительный вклад в эту область внесен А.В. Дроздовым [7] который развивает методы математического моделирования и геоинформационного картографирования рекреационных нагрузок. Его работы посвящены созданию многофакторных моделей, учитывающих не только физическую емкость территории, но и психологический комфорт посетителей, а также устойчивость природных комплексов к различным видам воздействия. Модель туристского кругооборота Р. Батлера [3]. Адаптированная для задач экологического менеджмента, она позволяет прогнозировать стадии развития дестинации и связанные с ними экологические последствия, что является основой для превентивного планирования. Исследовательские группы под руководством Ф. Риччи активно используют анонимные данные с мобильных устройств для анализа потоков туристов в режиме, близком к реальному времени. Это позволяет точно определять зоны концентрации нагрузки и оперативно перераспределять потоки.

Современная туристическая индустрия сталкивается с глубинным противоречием: необходимостью совмещения экономической эффективности с требованиями устойчивого развития.

Стоит отметить, что специально научные подходы, выполняя важную аналитическую функцию, оказываются недостаточными для проникновения в сущностные основания управления туристской территорией. Преодоление этой проблемы возможно с помощью социальной философии, которая позволяет интегрировать разрозненные данные и выявлять функции, находящиеся в дефиците. На этой основе может быть сконструирован нормативный идеал управления.

Современное состояние исследованности темы характеризуется высокой теоретической содержательностью, однако требует более глубокой междисциплинарной интеграции и адаптации к цифровой трансформации отрасли.

Объектом исследования является туристская территория, предметом исследования методы и подходы к

устойчивому управлению туристской территорией. Научная новизна исследования заключается в поиске недостающих функций современных моделей управления туристской территорией и в предложении новых, которые объединяли бы в себе устойчивость, цифровизацию и социокультурную значимость.

Цель исследования заключается в выявлении недостающих функции в современных моделях управления туристской территорией и на этой основе разработать предложения по новым функциям, интегрирующим принципы устойчивого развития, потенциал цифровизации и социокультурную значимость территории. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. проанализировать существующие теоретические и практические подходы к управлению туризмом;
2. провести сравнительный анализ моделей управления туристской территорией;
3. выявить недостающие функции в современных моделях управления туристской территорией;
4. сформулировать предложение новых функций управления туристскими территориями, которые восполнят выявленные пробелы современных моделей.

Большинство традиционных моделей управления туризмом (экономических и маркетинговых) ориентированы на извлечение краткосрочной прибыли. Это приводит к чрезмерной эксплуатации туристических ресурсов и утрате культурной идентичности. Согласно исследованию, К. Купера, отсутствие учёта экологических и социальных последствий приводит к «туристификации» пространств и вытеснению местных жителей из исторических центров городов. Данный термин описывает комплексный процесс трансформации городского пространства, при котором его социальные, экономические и функциональные структуры подчиняются исключительно или преимущественно логике обслуживания туристского спроса. Это приводит к ряду негативных социально-экологических последствий, таких как вытеснение местных жителей и утрата культурной идентичности, культурной дифференциации и обострения конфликта за ресурсы.

Исследованиями в области цифровизации туризма занимаются множество российских и зарубежных ученых, среди которых выделяются Кириллова С.А., Коникина Д.Д., Озиминова Л.А., Макаров С.М. и Черникова Л.И. Цифровизация открывает новые возможности для устойчивого управления туризмом. По данным отчёта UNWTO системы мониторинга туристических потоков, основанные на больших данных и геоаналитике, позволяют эффективно управлять нагрузкой на инфраструктуру, прогнозировать сезонные колебания и снижать негативное воздействие на окружающую среду. Это делает

возможной реализацию адаптивных стратегий управления в реальном времени. Источниками данных выступают мобильные сетевые операторы (анонимизированные данные о перемещениях – CDR), записи с камер видеонаблюдения, информация от карточных платежных систем и пользовательский контент из социальных сетей (геотеги). Алгоритмы машинного обучения позволяют в режиме, близком к реальному времени. Эти технологии позволяют перейти от инерционных методов управления, основанных на ретроспективной статистике, к динамичным и предиктивным моделям.

Развитие подходов к управлению в туризме привело к созданию комплексных моделей, которые объединяют экономические, экологические и социокультурные аспекты. На основе международного и российского опыта можно выделить следующие управленческие модели.

Модели управления туристской территорией (IDM) – это комплексные подходы к управлению территорией, которая является центром туристической активности. К основным моделям относятся: модель жизненного цикла туристической зоны Ричарда Батлера (TALC), которая описывает развитие территории от исследования до стагнации или возрождения. Данная модель базируется на едином восприятии территории как целостной системы с тесной взаимосвязью всех её элементов. Ключевым принципом данной модели является формирование полицентричной структуры управления, консолидирующей ключевых участников: органы государственной и муниципальной власти, субъекты туристской индустрии, местное население и институты гражданского общества.

Интеграция компонентов устойчивого развития в рамках IDM реализуется через следующие механизмы:

1. В экономической сфере: стимулирование кластерного взаимодействия субъектов туристической индустрии с целью формирования замкнутых цепочек добавленной стоимости в пределах дестинации. Диверсификация турпродукта и стратегическое планирование туристских потоков позволяют нивелировать сезонные колебания и обеспечить равномерное распределение экономических эффектов.
2. В экологической сфере: Внедрение систем менеджмента visitor flows (потоков посетителей), нацеленных на минимизацию рекреационной нагрузки на уязвимые экосистемы. Разработка и продвижение специализированных экологических маршрутов сопровождается установлением регламентированных квот посещения.
3. В социокультурной сфере: Институционализация общественных советов при администрациях дестинаций, обеспечивающих учёт мнения местных сообществ в процессе принятия управленческих решений. Реализация программ культурного обмена («встречи культур») и развитие волонтер-

ских инициатив, направленных на сохранение материального и нематериального исторического наследия.

Мировой опыт свидетельствует об эффективности применения принципов IDM в управлении национальными парками (Канада, Новая Зеландия), где реализуется строгое функциональное зонирование (заповедные, рекреационные и хозяйственные зоны), устанавливаются лимиты посещения, а доходы от туристской деятельности реинвестируются в природоохранные мероприятия и социальные программы для коренного населения.

Существует и отечественная модель управления туристскими территориями, такой является модель устойчивого развития особо охраняемых природных территорий (ООПТ), основанная на концепции устойчивого туризма, была разработана специалистами в области природопользования и охраны окружающей среды и представляет собой адаптированный к российским условиям аналог международных стандартов IDM.

Синтез аспектов устойчивости в рамках данной модели характеризуется следующими процессами:

1. Экономическая составляющая: Позиционирование экологического туризма в качестве стратегического источника внебюджетного финансирования ООПТ. Создание новых рабочих мест для местного населения (гиды, государственные инспекторы, сотрудники сервисных служб). Институт рекреационных сборов выполняет не только фискальную, но и регуляторную функцию, аккумулируя средства на содержание инфраструктуры и природоохранные мероприятия.
2. Экологическая составляющая: Применение инструментов строгого функционального зонирования (заповедное ядро, рекреационная и хозяйственная зоны). Реализация превентивных мер по регулированию антропогенной нагрузки через создание сети экологических троп и систему мониторинга состояния экосистем.
3. Социокультурная составляющая: Реализация эколого-просветительских программ, ориентированных на различные целевые аудитории. Активное вовлечение представителей коренных малочисленных народов (Камчатка, Алтай, Арктика) в качестве проводников и гидов способствует сохранению и трансляции аутентичных традиционных знаний.

Примером успешной реализации данной модели является Национальный парк «Кенозерский» (Архангельская область), где достигнут системный баланс между сохранением уникальных природных ландшафтов и объектов культурного наследия (деревянное зодчество, исторические поселения) и устойчивым социально-эко-

номическим развитием территории через активное вовлечение местного сообщества в туристскую деятельность. В целях углубления понимания функциональных механизмов управления территориями предполагается осуществить сравнительный анализ двух моделей управления. Обе модели ориентированы на достижение баланса между экономическим развитием, экологической устойчивостью и социокультурной сохранностью территории. Однако их управленческая структура принципиально различается, поскольку IDM базируется на полицентричной структуре, предполагающей равноправное вовлечение органов власти, бизнеса, местного населения и институтов гражданского общества в процесс принятия решений, а российская модель для ООПТ характеризуется преимущественно централизованным управлением с доминирующей ролью государственных органов при формальном участии местных сообществ. В области экологической составляющей IDM реализуется через системы управления посетительскими потоками и установление квот, направленные на минимизацию рекреационной нагрузки, а в модели ООПТ основной инструмент – это строгое функциональное зонирование и создание сети экологических троп, дополненное мониторингом состояния экосистем. Экономические механизмы также различаются, в модели IDM основывается на кластерном взаимодействии и создании замкнутых цепочек добавленной стоимости, тогда как модель ООПТ опирается на рекреационные сборы, создание рабочих мест для местного населения и реинвестирование доходов в природоохранные мероприятия. Социокультурный компонент в IDM включает институционализацию общественных советов и программы культурного обмена, обеспечивающие учёт мнения местного населения. Российская модель акцентирует эколого-просветительские программы и привлечение представителей коренных малочисленных народов в качестве проводников, что способствует сохранению аутентичных знаний и традиций. На основании проведенного сравнительного анализа возможно выявление недостаточно развитых функ-

ций в обеих моделях с последующей их интеграцией для оптимизации системы управления. В обеих моделях нет функции системного использования big data, IoT, AI для прогнозирования потоков, управления нагрузкой, персонализированного продвижения, отсюда вытекает необходимость в цифровой трансформации, воплощаемой через создание интегрированной платформы управления территориями. С точки зрения экологии отсутствует адаптация к климатическим условиям, недостаточно прописаны механизмы реагирования на экстремальные природные катаклизмы, следовательно, есть необходимость в климатически устойчивом планировании, предусматривающее системное включение климатических рисков в стратегии развития и создание «зелёной» инфраструктуры. Также недостаточно развита функция мониторинга удовлетворенности туристов и местных жителей, в связи с этим предлагается внедрение системы геймификации, использующей игровые механики для стимулирования экологичного поведения, образовательного освоения территории и участия в волонтерских программах. Немаловажным аспектом является функция инновационной активности и социального предпринимательства. Это необходимо для организации туристских стартапов и социальных предприятий, которые будут обеспечивать ресурсную и консультационную поддержку локальных инициатив в сфере устойчивого туризма.

Предложенный комплекс новых функций, интегрирующих инструменты цифровизации, механизмы устойчивого планирования и социокультурные практики, был сформирован на основе анализа средствами социально-политической философии и представляет собой концептуальную основу для модернизации управленческого инструментария. Внедрение данных функций позволит перейти к более сбалансированной, технологичной и социально ответственной системе управления, способной обеспечить долгосрочную устойчивость и конкурентоспособность туристских дестинаций в условиях современных вызовов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Butler R.W. The concept of a tourist area cycle of evolution: implications for management of resources // Canadian Geographer. – 1980. – Vol. 24 (1). – P. 5–12.
2. Fletcher J.E. Input-Output Analysis and Tourism Impact Studies // Annals of Tourism Research. – 1989. – Vol. 16 (4). – P. 514–529.
3. Kotler P., Bowen J.T., Makens J.C., Baloglu S. Marketing for Hospitality and Tourism. – Pearson Education, 2017. – 768 p.
4. Дроздов А.В. Геоинформационное моделирование рекреационных нагрузок для управления устойчивым развитием ООПТ // Интеркарто-ИнтерГИС. – 2021. – Т. 27, № 1. – С. 134–145.
5. Дроздов Н.Н. Геоэкологические принципы оптимизации рекреационного природопользования // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2010. – № 4. – С. 45–56.
6. Игнатьева И.Ф., Исаев Б.А., Воронцов А.В. Социология туризма: становление и роль в управлении туристской сферой // Вопросы управления. – 2023. – Т. 17, № 4. – С. 68–79.
7. Пробст А.Э. Экологический туризм: теория и практика на примере России. – М.: Академия, 2014. – 256 с.

© Трифонова Галина Павловна (galina_firsova_00@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Our authors

Akopov N. – Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Krasnodar)

Bulygin A. – Postgraduate student, FSBEI HE "Lugansk Vladimir Dahl State University"

Cherepakha D. – Graduate student, Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky

Chichivarikhin S. – Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Krasnodar)

Gaifutdinov L. – Postgraduate student, Kazan (Volga Region) Federal University

Karmatskaya G. – Applicant, OOO Online Institute of Psychology Smart

Kuznetsov A. – Postgraduate Student, Moscow City Pedagogical University

Lavrinenko M. – Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Krasnodar)

Li Wanrong – Postgraduate student, Philippine Women's University; Heilongjiang Early Childhood Normal College

Lozhnikova L. – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Krasnodar)

Misbakhova A. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Naberezhnye Chelny Institute (branch) Kazan Federal University, Russia, Naberezhnye Chelny

Murashkina E. – Postgraduate Student, Online Institute SMART LLC, Russia, Moscow

Netkachev K. – Graduate Student, University of Tyumen

Podnebesnaya E. – PhD in Psychology, Doctoral student at Lomonosov Moscow State University

Shagidaeva A. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Russian New University, Moscow

Skopa V. – Doctor of historical sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai state pedagogical university (Barnaul)

Skvortsova A. – PhD of Philosophical sciences, Russian Technological University (MIREA), Moscow

Tkachenko S. – Applicant, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

Trifonova G. – Postgraduate student, Transbaikal State University (Chita)

Yanina M. – postgraduate student, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).